

ВЕСТНИК НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация

2019. Том 17, № 4

СОДЕРЖАНИЕ

Лингвокультурная когнитивистика и психолингвистика

<i>От редколлегии</i>	5
<i>Peeters, Bert.</i> On Linguoculturology and Cultural Linguistics	6
<i>Корнакова Е. С.</i> Особенности репрезентации концепта <i>ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ</i> в русской национальной картине мира	12

Лингвистика

<i>Сундужева Е. В.</i> Лексика материальной культуры в памятнике «Правдивые записи о монголах Цинской империи»	28
<i>Корбмахер Т. В.</i> Композиционные и лингвистические особенности кулинарных рецептов российских немцев	38
<i>Бакайтис И. И.</i> Особенности предложений качественной характеристики в русском и немецком языках	49
<i>Власова Е. А., Карпова Е. Л., Ольшеская М. Ю.</i> Лексический минимум по языку специальности: сколько слов достаточно? Разработка принципов минимизации	63
<i>Алюнина Ю. М.</i> Блог как источник новейших англицизмов: на материале текстов интернет-дискурса моды	78
<i>Соловьева Е. А.</i> Редкая и малоупотребительная лексика как прагматический инструмент современного французского политического дискурса	92

Перевод и переводоведение

<i>Соломоновская А. Л.</i> К вопросу о статусе и функционировании переводческих дублетов в европейском культурном пространстве поздней Античности, Средневековья и раннего Нового времени	108
<i>Колыхалова О. А., Кулдошина А. Ю.</i> Восприятие русской литературы в Британии в конце XIX – начале XX века	119
<i>Горшкова В. Е.</i> Современное российское переводоведение: к обоснованию методологического стандарта. Рецензия на книгу: Мишкурлов Э. Н. Герменевтика перевода (теоретико-методологический стандарт): Монография. М.: Военный университет, 2018. 298 с.	130
Информация для авторов	138

VESTNIK

NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY

Scientific Journal
Since 1999, November
In Russian

Series: Linguistics and Intercultural Communication

2019. Volume 17, № 4

CONTENTS

Cultural Linguistics, Cognitive Studies and Psycholinguistics

<i>Editorial Note</i>	5
<i>Peeters, Bert.</i> On Linguoculturology and Cultural Linguistics	6
<i>Kornakova, Ekaterina S.</i> Specificity of the Concept <i>GRAZHDANSTVENNOST'</i> (Civic Consciousness) in the Russian World View	12

Linguistics

<i>Sundueva, Ekaterina V.</i> Lexis of Material Culture in the Monument "Truthful Record about the Mongols of the Qing Empire"	28
<i>Korbmakher, Tatyana V.</i> Compositional and Linguistic Features of the Oral Dialectal Recipes Used by Russian Germans	38
<i>Bakaytis, Igor I.</i> Attributive Characterization Sentences in Russian and German	49
<i>Vlasova, Ekaterina Al., Karpova, Elizaveta L., Olshevskaya, Maria Yu.</i> Vocabulary: How Many Words Are Enough? Principles of Minimizing Learners' Vocabulary	63
<i>Alyunina, Yulia M.</i> Blog as a Source of Recent Anglicisms: Internet Discourse of Fashion	78
<i>Solovyeva, Evgeniya A.</i> Rare and Uncommon Vocabulary as a Pragmatic Tool of Modern French Political Discourse	92

Translation and Translation Studies

<i>Solomonovskaya, Anna L.</i> About Status and Functioning of Double Translations in European Cultural Space of Late Antiquity, Middle Ages and Early Modern Period	108
<i>Kolykhalova, Olga A., Kuldoshina, Anna Yu.</i> Perceptions of Russian Literature in Britain at the End of the 19 th – Beginning of the 20 th Century	119
<i>Gorshkova, Vera E.</i> Current Trends in the Russian Translation Theory: Towards a New Methodological Standard of Translation. Book Review: Mishkurov, E. N. Hermeneutics of Translation (Towards Theoretical and Methodological Standard of Translation). Monograph. Moscow, Military University Press, 2018, 298 p.	130
Instructions to Contributors	138

Editor-in-Chief Dr. Sc. (Linguistics) Maria K. Timofeeva (Novosibirsk)
Deputy Editor-in-Chief Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Michèle Debrenne (Novosibirsk)
Executive Secretary Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Anatoli F. Fefelov (Novosibirsk)
Secretary Alevtina N. Leonova (Novosibirsk)

Foreign Text Editor

Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Olga A. Ryzhkina (Novosibirsk)

Members of the Editorial Board

Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Natalia V. Kozlova (Novosibirsk)
Dr. Sc. (Philology), Prof. Alexey D. Palkin (Moscow)
Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof. Ivan A. Remorov (Novosibirsk)
Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Olga A. Ryzhkina (Novosibirsk)
Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof. Anna L. Solomonovskaya
PhD (Cross-Cultural Psychology), Assistant Prof. Snežana Stupar-Rutenfrans (Utrecht, Netherlands)
Cand. Sc. (Linguistics), Senior Researcher Victor P. Zakharov (St. Petersburg)

Editorial Board of the Series

Academician of the Russian Academy of Sciences, Prof. A. E. Anikin (Novosibirsk)
Dr. Sc. (Philology), Prof. V. E. Gorshkova (Irkutsk), Dr. Sc. (Linguistics), Senior researcher L. L. Iomdin (Moscow),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. B. Koshkareva (Novosibirsk),
Cand. Sc. (Linguistics), Doctorat National en sciences du langage A. M. Lavrentev (Lyon, France),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. O. N. Aleshina (Taipei, The Republic of China, Taiwan),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. D. B. Nikulicheva (Moscow), Dr. Sc. (Philology), Prof. L. G. Panin (Novosibirsk),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Z. G. Proshina (Moscow),
Dr. Sc. (Philosophy, Neuroscience), Assoc. Prof. A. N. Savostyanov (Novosibirsk),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. I. Ya. Selyutina (Novosibirsk), Dr. Sc. (Philology), Prof. I. V. Silantsev (Novosibirsk),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. V. A. Stepanenko (Irkutsk), Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Ye. F. Tarasov (Moscow),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. V. Ufimtseva (Moscow), PhD (Philology) V. Obry (Mulhouse, France),
PhD (Philology), Assoc. Prof. I. Chekhova (Sofia, Bulgaria),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. I. V. Shaposhnikova (Novosibirsk),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. N. Shirobokova (Novosibirsk)

*The journal is published quarterly in Russian since 1999
by Novosibirsk State University Press*

The address for correspondence

Institute of Humanities, Novosibirsk State University
1 Pirogov Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Tel. +7 (383) 363 42 23

E-mail address: lingua@vestnik.nsu.ru

On-line version: <http://elibrary.ru>

От редколлегии

Начиная публикацию цикла из четырех статей Берта Петерса, объединенных темой корректного терминологического взаимодействия между представителями русскоязычной и англоязычной ветвей того, что у нас называется лингво- или этнокультурной лингвистикой, «Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация» рассчитывает привлечь внимание широкой научно-лингвистической общественности к ряду важных проблем, возникших на пути адекватного обмена научной информацией в условиях, казалось бы, глобальной межкультурной коммуникации. Дело, однако, не только в корректности трактовок имеющихся терминологических идентификаторов различных культуро-ориентированных лингвистических и языковедческих дисциплин как в их оригинальном виде, так и в производном, т. е. в переводческих соответствиях. Обращает на себя внимание само нежелание представителей этих дисциплин затруднять себя освоением «чужих» терминов или контролировать строгость их употребления.

В сегодняшних условиях этот вопрос приобретает особо актуальное теоретическое и практическое значение. Хаотичная ситуация с терминосистемами упомянутых дисциплин, как и сама межкультурная коммуникация, напоминает чем-то библейский миф о вавилонском смещении языков, являя собой его негатив: возврат к относительному единому языку в виде общего метаязыка наталкивается на массу объективных и субъективных препятствий. Оказалось, что благих межкультурных намерений мало, что они не дали тех результатов, на которые рассчитывали сторонники мультикультурализма в научной среде. Нужно еще просто учиться понимать культуры друг друга, объективировать с помощью общего метаязыка их специфику, вникать холодным рассудком в их табуированные зоны, уметь передавать их многогранность, не забывая о существовании политических пристрастий и интересов, защищаемых различными национальными, транснациональными и интранациональными социокультурными группами.

Надеемся, что обсуждение мыслей и предложений Б. Петерса будет содействовать достижению большей ясности во взаимопонимании культур и развитию умения прогнозировать те интерпретации, которые получит «наше» слово за пределами распространения своего традиционного адресата.

УДК 801.8

DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-4-6-11

On Linguoculturology and Cultural Linguistics

Bert Peeters

*Australian National University
Canberra, Australia*

*Universiteit Antwerpen
Antwerpen, Belgium*

Abstract

Few Western scholars are likely to be aware that behind the noun *linguoculturology* and the adjective *linguoculturological* lie realities they may not be entirely familiar with. Most will no doubt unhesitatingly assume that the labels in question are no more than a different way of referring to what, in Western Europe, the Americas, and Australia / New Zealand, is called *cultural linguistics*. Yet, what we are witnessing here is anything but terminological *variation*. It is terminological *indifference* of a kind that is common in most areas of scholarly activity, not in the least among linguists, many of whom use identical terms for different purposes, and different terms for identical purposes, thereby stifling progress instead of inviting dialogue, and promoting indifference rather than engaging in collaborative efforts. Mizin and Korostenski (2019) take the translators of two recent papers to task for the kind of terminological indifference referred to above. Both Sharifian (2015) and Peeters (2017) were originally written in English and then translated into Russian to draw the attention of post-Soviet scientists to developments in cultural linguistics in the Western world. I revisit each of these texts, before reaching the conclusion that we need to increase awareness in *both* directions. The ongoing translation of important programmatic texts from English into Russian and vice versa is crucial, and so is the publication of introductory materials, critical assessments, and terminological dictionaries. They will allow Western linguists to further familiarize themselves with the theoretical underpinnings and empirical findings of linguoculturology, and help post-Soviet science transcend the geographic and ideological area to which it is still largely confined. The publication, in different issues of the 2020 volume of this journal, of revised versions of the four introductory lectures on the Natural Semantic Metalanguage approach I had the pleasure of delivering at Novosibirsk State University in June 2019 will hopefully help achieve some of the cross-fertilization contemporary cultural linguistics so badly needs.

Keywords

Linguoculturology, Cultural Linguistics, Natural Semantic Metalanguage, terminological variation, terminological indifference, scientific synergies

For citation

Peeters, Bert. On Linguoculturology and Cultural Linguistics. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 4, p. 6–11. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-4-6-11

О лингвокультурологии и культурологической лингвистике

Берт Петерс

*Австралийский национальный университет
Канберра, Австралия*

*Антверпенский университет
Антверпен, Бельгия*

Аннотация

Мало кто из западных исследователей осознает, что за существительным *лингвокультурология* и прилагательным *лингвокультурологический* лежит область исследований, с которой они, возможно, не совсем знакомы.

© Bert Peeters, 2019

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 4
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2019, vol. 17, no. 4

Большинство из них безо всяких колебаний сочтут, что русский термин – лишь другой способ называть ту область лингвистики, которую в Западной Европе, в Северной и Южной Америке, Австралии и Новой Зеландии называют *cultural linguistics* (букв. *культуральной лингвистикой*, но обычно *культурологической лингвистикой*). Тем не менее, наблюдаемое расхождение совершенно нельзя трактовать как *вариативность* терминологии, как оговорку. Это есть в некотором роде свидетельство терминологической «глухоты», которая присуща многим гуманитариям, и далеко не в последнюю очередь лингвистам, и это несмотря на то, что сам предмет их исследования – язык и слово – требует от них более, чем от кого-либо другого, осознавать важность точной терминологии. Используя идентичные термины для обозначения разных явлений и разные термины для указания на одно и то же, лингвисты приносят больше вреда, чем пользы, не способствуют диалогу и взаимодействию между научными сообществами, усложняют их. Именно за такую терминологическую глухоту Мизин и Коростенский (2019) критикуют переводчиков двух недавних работ – Sharifian (2015) и Peeters (2017) – переведенных с английского языка на русский, чтобы привлечь внимание ученых на постсоветском пространстве к достижениям западной культурологической лингвистики. В данной статье автор возвращается к этим текстам и приходит к выводу, что мы действительно остро нуждаемся в приведении терминологии к общему знаменателю. Перевод в обоих направлениях важнейших текстов играет в этом ключевую роль, так же как и публикация разного рода критических материалов и терминологических словарей. Они позволяют западным лингвистам составить более четкое представление о теоретических основаниях и эмпирических исследованиях в области лингвокультурологии, а лингвистика постсоветского пространства сможет преодолеть географические и идеологические барьеры, которые до сих пор ограничивают ее. Хочется верить, что поочередная публикация в «Вестнике» на протяжении 2020 г. четырех статей на основе базовых лекций о естественном семантическом метаязыке (NSM), с которыми автор выступил в Новосибирском государственном университете в июне 2019 в качестве приглашенного профессора, будет способствовать научному взаимооплодотворению современных национальных школ культуро-ориентированной лингвистики и лингвокультурологии.

Ключевые слова

лингвокультурология, культурологическая лингвистика, естественный семантический метаязык (ECT), терминологическая вариативность, терминологическая глухота, научная синергия

Для цитирования

Peeters, Bert. On Linguoculturology and Cultural Linguistics // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 4. С. 6–11. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-4-6-11

* * *

In “Western Cultural Linguistics” [Mizin & Korostenski, 2019], labels such as *linguoculturology* and *linguoculturological* are unlikely to be singled out for closer scrutiny. Built on transparent Greek and Latin roots, they are generally thought to be beyond the need for definition. Even when no further clarification is provided, readers will believe they have a sound understanding of the kind of scientific endeavour the two terms seek to convey. Indeed, how could one not see that they refer to the linguistically informed study of the intricate links between languages, cultures, and thought? A good example of this “superficial” approach, which takes formal transparency for granted, can be found in a recent paper by Maia Kikvadze [Kikvadze, 2018] on “Linguoculturological aspects of the study of Samkhruli (Southern) floronymic phrasal units”. The noun *linguoculturology* does not appear once; the adjective is part of the title and of the concluding sentence, in which the author defiantly states that there are good prospects for further research on Samkhruli floronymic phraseological units, from a linguoculturological, psycholinguistic and sociolinguistic perspective. Kikvadze’s paper is fairly short, and not even one of the references in the final bibliography refers to linguoculturology as it is understood in recent Russian scholarship. The fact that the author is a specialist of Georgian philology affiliated with a Georgian State University is probably not totally irrelevant here.

Regrettably, few Western scholars appreciate that behind the terms *linguoculturology* and *linguoculturological* lie realities they may *not* be entirely familiar with. Most will no doubt unhesitatingly assume that the labels in question are quite simply another way of referring to what, in Western Europe, the Americas, and Australia / New Zealand, is called *cultural linguistics*. Yet, what we are witnessing here is anything but a case of terminological *variation*. It is terminological *indifference* of a kind that is widespread in most areas of scholarly activity, but especially among contemporary linguists, who, because of their preoccupation with language and languages, ought to be

aware more than any others of the importance of getting their terminology right. Unfortunately, terminological *awareness* is something linguists are generally not very good at. Their use of different terms for identical purposes, and of identical terms for different purposes, creates Babylonian confusion. Rather than inviting dialogue, it stifles progress. It cultivates indifference rather than mutual collaboration. Mizin and Korostenski [2019], whose paper is itself a (drastically shortened) English version of a Ukrainian original [Mizin, 2019], take the translators of two recent papers to task for the kind of terminological indifference referred to above. Both Sharifian [2015] and Peeters [2017] were originally written in English and subsequently translated into Russian to draw the attention of post-Soviet scientists to developments in cultural linguistics in the Western world.

Sharifian [2015] is the translation, by I. Lebedeva, of a book chapter titled “Cultural Linguistics and Intercultural Communication” [Sharifian, 2013]. It provides a first-hand description of “Cultural Linguistics”, as understood by Farzad Sharifian, and an account of the development of what the author refers to as an “emerging field”, then examines how it can be applied to studies of problems in intercultural communication. For a short time, “Cultural Linguistics” was known as “cultural linguistics” (with lower case initials), but this practice has now been abandoned. The use of upper rather than lower case may look like a purely cosmetic change, but it is not: it is now possible to see “cultural linguistics” (with lower case initials) as a common denominator for a variety of approaches linked by a shared interest in the complex relations between language and culture, one of which is “Cultural Linguistics” à la Sharifian.

In his latest book, Sharifian [2017. P. 2] explains that he uses the term *Cultural Linguistics* “to refer to a recently developed discipline with multidisciplinary origins that explores the relationship between language and cultural *conceptualisations*”. What Sharifian refers to as Cultural Linguistics, and what I prefer to identify as CULTURAL LINGUISTICS [Peeters, 2016, 2017], recognizes that many features of human languages are “entrenched or embedded” [ibid.] in such cultural conceptualizations. The latter are the tools CULTURAL LINGUISTICS uses to study aspects of cultural cognition and its instantiation in language; they include at least cultural categories, cultural metaphors, and cultural schemas – although I suspect this to be an open-ended list [for definitions, see Mizin & Korostenki, 2019. P. 9–10; for more details and further references, see Sharifian, 2017a, 2017b].

From an epistemological point of view, the main feature of CULTURAL LINGUISTICS is its *multidisciplinarity*, i.e. its keenness to present new, interdisciplinary perspectives on the intersection between culture, cognition, and language. CULTURAL LINGUISTICS promotes research that seeks to advance our understanding of cultural conceptualizations of experience in various features of human languages from diverse, yet at the same time complementary, disciplines as wide-ranging as cross-cultural pragmatics, anthropological linguistics and cognitive psychology. CULTURAL LINGUISTICS therefore appears to be a lot more ambitious in its undertakings than most if not all Russian forms of cultural linguistics, including linguoculturology. Mizin and Korostenski [2019. P. 7] argue that I. Lebedeva’s translation of Sharifian’s article is inaccurate because it refers to the latter’s approach as *Culturological Linguistics*. Culturology, they argue, is mainly a “Soviet ‘product’ that has nothing in common with Cultural Linguistics”. This is arguably an overstatement. Nonetheless, Mizin and Korostenski [2019. Ibid.] are right in expressing their amazement at the fact that, even under current globalization processes, “the two powerful scientific disciplines, [which] emerged almost simultaneously in different parts of the world and have a common goal of research, can be developing in isolation from one another”, and they observe that “this isolation has played a cruel joke with Cultural Linguistics which remains practically unknown to post-soviet linguists” [Ibid. P. 8]. The opposite is of course equally true: for most CULTURAL LINGUISTS (i.e. disciples and associates of Sharifian), linguoculturology is *terra incognita*: in the two books and two edited collections published by Sharifian [2011, 2015, 2017a, 2017b] on cultural linguistics at large and CULTURAL LINGUISTICS in particular, the terms *linguoculturology* and *linguoculturological* do not appear.

One of the papers in Sharifian [2017a] is a reprint of Peeters [2016]; translated into Russian by O. Dubrovskaya and published as Peeters [2017], it is the second of the two translations singled out for comment by Mizin and Korostenski [2019. P. 7]. They highlight the “rather professional level”

of the Russian translation of Peeters [2016], but then accuse the translator of methodological inaccuracy and linguistic incompetence: “O. Dubrovskaya translated the term *Cultural Linguistics* as *Linguo-culturology* – they are two different subjects”. Peeters [2016] was meant as an attempt to answer the question whether the author’s own approach, known as *applied ethnolinguistics*, can be thought of as a form of CULTURAL LINGUISTICS (à la Sharifian) or whether, like the latter, it is a different approach within the broader field of (all forms of) cultural linguistics. A recent by-product of the Natural Semantic Metalanguage (NSM) approach, associated with the work of the most formidable linguistic tandem of all times, Cliff Goddard and Anna Wierzbicka, applied ethnolinguistics was developed without reference to Sharifian’s CULTURAL LINGUISTICS and makes prolific use of the term *cultural value*, which it sees as absolutely fundamental to its endeavours. Oddly enough, in CULTURAL LINGUISTICS, the term *cultural value* appears to be used rather sparingly, and not at all in a technical sense. Even though CULTURAL LINGUISTICS does acknowledge the importance of cultural values (to the extent that detailed study of culturally specific categories, metaphors, schemas, etc. may lead to a more precise understanding of the cultural values upheld in particular language communities), there seems to be little prospect for an eventual amalgamation. Rather, it is argued that applied ethnolinguistics is part of a broader field of (different approaches to) cultural linguistics, where, together with CULTURAL LINGUISTICS à la Sharifian, it is able to provide a useful methodology for the study of language and cultural values.

The hypothesis on which much of my own work in applied ethnolinguistics is built is that judicious exploitation of selected resources of the foreign language in the (advanced) foreign language classroom is likely to facilitate and clear the path for subsequent immersion in a foreign culture. These selected resources include “certain language-specific ‘key’ words, recurrent colloquial phrases, phraseological units, conversational routines, and other culture-revealing lingual units and forms which together build what in Russian linguistic writings is referred to as either ‘linguaculture’ or the ‘lingual picture of the world’”, which is how Rivlina [2010. P. 9] describes the linguistic evidence linguoculturologists also take a special interest in. It could be argued that linguoculturology, too, is a form of cultural linguistics (in the broadest meaning of the term), like Sharifian’s CULTURAL LINGUISTICS and my own applied ethnolinguistics.

About the terms *linguaculture* and *lingual picture of the world*, both of which are used in Russian scholarship, Rivlina (ibid.) writes that they are “regrettably absent in the international globalization of English research”. Rivlina is obviously unfamiliar with studies such as Friedrich [1986] and Agar [1994]; the term *linguaculture* is used by the former, the almost identical term *languaculture* has been popularized by the latter. In my own work, I use Agar’s term (*languaculture*) rather than Friedrich’s (*linguaculture*), as it is closer to the one which, following in the footsteps of Galisson [1991], I adopt in my writings in French, viz. *langue-culture*. I acknowledge, though, with Gamaroff [1997], that *linguaculture* may be “easier to pronounce”. However, *languaculture* remains closer to its component parts: “whenever you hear the word *language* or the word *culture*, you might wonder about the missing half. [...] ‘Languaculture’ is a reminder” [Agar, 1994. P. 60].

The message coming out of this position paper should be clear: we badly need to create more synergies between Western and post-Soviet approaches to cultural linguistics. The two sides need to work harder to acknowledge one another, learn from one another, enrich one another. Whether this can eventually lead to a common metalanguage and common definitions of basic terms remains to be seen. For the time being, the ongoing translation of important programmatic texts in both directions is crucial, and so is the publication of introductory materials, critical assessments, and terminological dictionaries (e.g. an English / Russian dictionary of Cultural Linguistics and Linguoculturology). These are the resources we need to allow Western linguists to further familiarize themselves with the theoretical underpinnings and empirical findings of linguoculturology, and to help post-Soviet science transcend the geographic and ideological area to which it is still largely confined.

The publication, in different issues of the 2020 volume of this journal, of revised versions of the four introductory lectures on the Natural Semantic Metalanguage approach I had the pleasure of

delivering at Novosibirsk State University during a three-month visit completed in June 2019 at the invitation of Michèle Debrenne, whose administrative portfolio at NSU includes the promotion of academic exchanges of staff and students, will hopefully help achieve some of the cross-fertilization contemporary cultural linguistics (in the broadest sense) so badly needs. The titles of the papers that will be published are as follows:

1. Natural Semantic Metalanguage: What is it and what is it good for?
2. Breaking through the *shame* barrier with simple cross-translatable words
3. Minimal Language: NSM “taken out of the lab”
4. *Iskrennost*’ for foreigners: The benefit of “pedagogical scripts”

The second of the original four lectures was based on a presentation that has in the meantime been published elsewhere [Peeters, 2019] and that could therefore not be included by virtue of the journal’s editorial policy. It has been replaced with a comparable presentation that does not deconstruct the ethnopsychological personhood construct *mind*, but that demonstrates how much can be gained from a comparable deconstruction of the equally reified and falsely universal concept of shame. There is nothing universal about shame, except the way in which it can be linguistically described, for the joint benefit of cultural insiders and outsiders alike. In my view, there is only one way in which this can be achieved: we need a proper tool, and that tool is NSM.

It is my understanding that the work of Anna Wierzbicka, Cliff Goddard, and their collaborators is highly appreciated in Russian academic circles. Informal conversations at NSU suggest that the original English version of Wierzbicka’s book on cultural key words [1997] appears to be particularly valued. NSM has come a long way in the meantime. The primary aim of the publication of the lecture series will be to make Russian students and scholars aware of some of the more recent developments that have occurred in the NSM approach, and to encourage them to actively engage with it in their own work. NSM is by no means a substitute for linguoculturology, but it can become an additional tool. It is hoped that increased familiarity with the ins and outs of the NSM approach will act as an incentive for further empirically based research into the languages and cultures of the world, and perhaps for joint ventures between different approaches to cultural linguistics. If it does, cultural linguistics in general and linguoculturology in particular have a lot to look forward to.

References

- Agar, M.** Language Shock: Understanding the Culture of Conversation. New York, William Morrow, 1994, 284 p.
- Friedrich, P.** The Language Parallax: Linguistic Relativism and Poetic Indeterminacy. Austin, University of Texas Press, 1986, xii + 192 p.
- Galisson, R.** De la langue à la culture par les mots [From language to culture through words]. Paris, Clé internationale, 1991, 191 p.
- Gamaroff, R.** African spaces in culture and communication: Implications for education. Conference paper, *Africa in a Changing World*, Institute of Africa, Moscow, 1–3 October 1997. URL: <http://grammargraph.wordpress.com/2010/06/09/african-spaces-in-culture-and-communication-implications-for-education/> (accessed 15.07.2013).
- Kikvadze, M.** Linguoculturological aspects of the study of Samkhruli (Southern) floronymic phrasal units. In : O. Soutet, S. Mejri and I. Sfar (eds.). *La phraséologie: théorie et applications*. Paris, Champion, 2018, p. 183–193.
- Mizin, K., Korostenski, J.** “Western” Cultural Linguistics and “Post-Soviet” Linguoculturology: Causes of parallel development. *Лінгвістичні студії*, 2019, № 37, p. 7–13. DOI 10.31558/1815-3070.2019.37.1.
- Мізін, К. І.** Точки дотику культурної лінгвістики і лінгвокультурології: теоретичні підвалини та методологічний інструментарій. In: Людино- й культурознавчі пріоритети сучасного мовознавства: напрями, тенденції та міждисциплінарна методологія. Гол. ред. К. І. Мізін. Переяслав-Хмельницький; Кременчук, ПП Щербатих О. В., 2019, p. 71–84. (in Ukr.)

- Peeters, B.** APPLIED ETHNOLINGUISTICS is cultural linguistics, but is it CULTURAL LINGUISTICS? *International Journal of Language and Culture*, 2016, № 3 (2), p. 137–160. DOI 10.1075/ijolc.3.2.01pee. Translated into Russian as Peeters (2017).
- Peeters, B.** ПРИКЛАДНАЯ ЭТНОЛИНГВИСТИКА – это лингвокультурология, но лингвокультурология ли? *Жанры речи*, 2017, № 15, p. 37–50. Russian translation of Peeters (2016). DOI 10.18500/2311-0740-2017-1-15-37-50
- Peeters, B.** The English ethnopsychological personhood construct mind “deconstructed” in universally intelligible words. *Critical Studies in Languages and Literature*, 2019, № 1 (1), p. 61–77. URL: <https://www.ejmanager.com/fulltextpdf.php?mno=19899> (accessed 01.09.2019).
- Rivlina, A.** English-Russian interaction: Refashioning cultural values and assumptions. In: Building Bridges with Languages and Cultures: 14th NATE / 7th FEELTA International Conference on Language Teaching. Vladivostok, 2010, vol. 2, p. 8–18. URL: <https://www.hse.ru/data/2012/02/29/1224397649/Rivlina%20English-Russian%20Interaction.pdf> (accessed 01.09.2019).
- Sharifian, F.** Cultural Conceptualizations and Language: Theoretical Framework and Applications. Amsterdam, John Benjamins, 2011, 255 p. DOI 10.1075/clsc.1
- Sharifian, F.** Cultural linguistics and intercultural communication. In: Language and Intercultural Communication in the New Era. Ed. by F. Sharifian, M. Jamarani. New York, Routledge, 2013, p. 60–79. Translated into Russian as Sharifian (2015b).
- Sharifian, F.** (ed.). The Routledge Handbook of Language and Culture. New York, Routledge, 2015a, xvi + 522 p.
- Sharifian, F.** Культурная лингвистика и межкультурная коммуникация. *Филологические науки*, 2015b, № 3, p. 80–97. Russian translation of Sharifian (2013).
- Sharifian, F.** (ed.). Advances in Cultural Linguistics. Cham, Springer, 2017a, xii + 745 p. DOI 10.1007/978-981-10-4056-6
- Sharifian, F.** Cultural Linguistics. Amsterdam, John Benjamins, 2017b, xvii + 171 p. DOI 10.1075/clsc.8.
- Wierzbicka, A.** Understanding Cultures Through their Key Words: English, Russian, Polish, German, Japanese. New York, Oxford University Press, 1997, 328 p.

Date of submission
Материал поступил в редколлегию
02.09.2019

Information about the Author / Сведения об авторе

Bert Peeters, PhD, Associate Professor, Australian National University (Canberra, Australia) and Universiteit Antwerpen (Antwerpen, Belgium)

Петерс Берт, PhD, доцент, Австралийский национальный университет (Канберра, Австралия), Антверпенский университет (Антверпен, Бельгия)

Bert.Peeters60@gmail.com

ORCID 0000-0001-8422-4156

Особенности репрезентации концепта *ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ* в русской национальной картине мира

Е. С. Корнакова

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Москва, Россия*

Аннотация

В связи с возросшим интересом к теме патриотизма в современной России концепт *ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ* представляет особый интерес. Данный концепт впервые становится предметом комплексного изучения. Цель исследования – выявление и анализ особенностей лингвистической репрезентации концепта *ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ* в русской национальной картине мира – предопределила необходимость решения следующих задач: выявить содержание концепта *ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ* и определить место концепта *ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ* в картине мира русского социума и в русской художественной картине мира на материале данных Национального корпуса русского языка. Чтобы определить структуру концепта, необходимо рассмотреть весь языковой корпус, в котором репрезентирован концепт: лексические единицы, фразеологию, паремиологический фонд, включая систему устойчивых сравнений, запечатлевших образы-эталоны, свойственные определенному языку.

Ключевые слова

концепт, русская национальная картина мира, картина мира, когнитивная лингвистика, гражданственность

Для цитирования

Корнакова Е. С. Особенности репрезентации концепта *ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ* в русской национальной картине мира // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 4. С. 12–27. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-4-12-27

Specificity of the Concept *GRAZHDANSTVENNOST'* (*CIVIC CONSCIOUSNESS*) in the Russian World View

Ekaterina S. Kornakova

*National Research University "Higher School of Economics"
Moscow, Russian Federation*

Abstract

In connection with the increased interest in the topic of patriotism in modern Russia the concept *GRAZHDANSTVENNOST'* (*CIVIC CONSCIOUSNESS*) appears most attractive to linguists. The aim of the study is to identify and analyze the features of linguistic representation of the concept *CIVIC CONSCIOUSNESS* in the Russian world view. The study sets out to solve the following issues: to identify the content of the concept *CIVIC CONSCIOUSNESS* and to place it in the Russian world view as well as in the Russian artistic picture of the world based on the material of the Russian Language National Corpus.

The following words were found to be related to the concept under study: citizenship, civic, citizen. The analysis of the content of the anthropomorphic axiological concept revealed some features related to a motivating act "citizen". The conceptual framework was found to include the following features: "property", "quality", "sense", "morality", "consciousness", "right", "obligation", "duty", "civil society", "state", "patriotism". "Civilization" and "social status" seem to be archaic conceptual features. On the basis of the studied material, the following value signs of *CIVIC CONSCIOUSNESS* can be pointed out: "activity", "will", "readiness", "values", "culture", "thinking", "responsibility", "at-

titude”, “position”, “role”, “ability”, “consciousness”, “self-consciousness”, “property”, “skill”, “emotions”, “courage”, “principled”, “country”, “activity”, “democracy”, “Russia”.

The analysis of the material of the Russian Language National Corpus revealed the following features in the structure of the concept: categorical, evaluative and conceptual figurative features.

Keywords

concept, Russian national world view, world view, cognitive linguistics, civic consciousness

For citation

Kornakova, Ekaterina S. Specificity of the Concept *GRAZHDANSTVENNOST'* (Civic Consciousness) in the Russian World View. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 4, p. 12–27. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-4-12-27

Введение

В отечественной и зарубежной когнитивной лингвистике термин «концепт» не имеет единого однозначного толкования. Лингвисты понимают под концептом потенциал содержания слова, включая его коннотативные компоненты. Семиологи в концепте уделяют основное внимание культурологическому аспекту. Представители когнитивного подхода в понимании сущности концепта ориентируются на явления ментального характера.

Анализ репрезентации концептов способствует выявлению национальной специфики языковых систем, которая проявляется в различных способах репрезентации одной и той же мыслительной единицы, степени подробности или обобщенности репрезентации концептов в разных языках, количестве и наборе лексем, фразеосочетаний, репрезентирующих концепт, и уровне абстракции, на котором концепт представлен в том или ином языке. Концепты – составные части концептуальной системы – основы языковой картины мира. Они объективируются в виде слов или сочетаний слов, в которых «прочитываются» признаки фрагментов языковой картины мира. Понятие «картина мира» признается не всеми исследователями в области лингвистики. Так, данной точки зрения придерживается О. А. Корнилов, который, однако, справедливо замечает, что выражение «картина мира» без соответствующего уточнения не может фигурировать в рассуждениях именно в силу своей неопределенности. Необходимо каждый раз использовать точный термин во избежание его неадекватного истолкования [Корнилов, 2003. С. 112–113].

Основная цель исследования заключается в выявлении и анализе особенностей лингвистической репрезентации концепта ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ в русской национальной картине мира.

Разрабатывая типологию понятия картины мира, О. А. Корнилов дает следующую классификацию, которая представляется нам вполне логичной:

«1. НКМ (научная картина мира) – инвариант научного знания человечества о мире на данном историческом этапе, результат отражения пространственно-временного континуума коллективным научным сознанием.

2. ННКМ (национальная научная картина мира) – инвариант научного знания о мире в языковой оболочке конкретного национального языка, т. е. НКМ, запечатленная в терминосистемах (языке науки) того или иного национального языка.

3. ЯКМ (языковая картина мира) – результат отражения объективного мира обыденным (языковым) сознанием того или иного языкового сообщества.

4. НЯКМ (национальная языковая картина мира) – результат отражения объективного мира обыденным (языковым) сознанием конкретного языкового сообщества, конкретного этноса.

5. ИНЯКМ (индивидуальная национальная языковая картина мира) – результат отражения объективного мира обыденным (языковым) сознанием отдельного человека – носителя того или иного национального языка» [Там же]. Итак, признаки концептов, представляющие на-

циональную картину мира, консервативны. Картина мира народов меняется, структура признаков концептов расширяется за счет продолжающегося познания мира.

В связи с тем, что в современной лингвистике отсутствует четкое определение метода концептуального анализа, о чем свидетельствует наличие различных методик его выполнения (Л. Г. Бабенко, Р. И. Павленис, Н. Д. Арутюнова, Ю. С. Степанов и др.), в рамках когнитивной науки не существует устойчивой универсальной модели концептуального анализа, однако предлагается множество способов анализа концептов. Среди наиболее часто используемых лингвистами методик можно найти следующие: выявление семного состава ключевого слова; анализ его синонимического ряда и лексической сочетаемости; построение деривационного, лексико-грамматического, лексико-фразеологического и других полей слова; психолингвистический эксперимент; анализ речевого употребления лексем; сопоставительный анализ лексем разных языков. Таким образом, можно констатировать, что полной методологии анализа концептов еще не выработано, она находится на стадии обсуждения, общепринятый стандарт отсутствует. Об этом же свидетельствует одна из последних попыток предложить такой стандарт в работе [Чубур, 2018].

Результаты исследований и обсуждение

Методика концептуального анализа, предложенная М. В. Пименовой (цит. по: [Колесов, 2016. С. 149]), на которую мы опирались в данном исследовании, подразумевает следующий ряд исследовательских процедур:

- выбор ключевого слова-репрезентанта концепта (у одного концепта может быть несколько слов-репрезентантов);
- сбор фактического материала: в него входят компоненты словообразовательного гнезда, свободные и устойчивые сочетания с ключевым словом-репрезентантом концепта, тексты. Определяются также их временные границы относительно изучаемых текстов;
- исследование этимологии слова-репрезентанта концепта – выявление мотивирующих признаков;
- анализ фактического материала на предмет определения образных концептуальных признаков с учетом их градуального характера – они свойственны концептам в той или иной мере;
- выявление понятийных признаков на основе анализа словарных дефиниций, поскольку именно сравнение толкований репрезентантов эквивалентных концептов позволяет определить «пропущенные» в русских словарях семы и семемы. Кроме того, на основе словарей синонимов определяются еще и дополнительные понятийные признаки.

Далее происходит поиск выявленных признаков среди фактического материала и определение их частотности, т. е. функциональной нагрузки, которая является критерием их актуальности для современной русской языковой картины мира.

Следующий шаг состоит в определении категориальных признаков концепта, среди которых – дименсиональные (признаки размера, веса, объема), качественные (качественные), количественные (количественные), пространственные, темпоральные, ценностно-оценочные (признаки ценности – образные: это признаки имущества, (драго)ценности; собственно-оценочные: общая и частная оценка, рациональная, эмоциональная, бенефактивная и прочие виды оценок). Такие признаки, по мнению М. В. Пименовой, позволяют определить место исследуемого концепта в ценностной национальной картине мира и отнести его к определенной области бытования (цит. по: [Колесов, 2016. С. 149]).

Существенное значение имеет и описание символических признаков для чего привлекаются мифологические словари, этнографические данные, фактический материал и др.

Требуется и описание стереотипов, свойственных той или иной лингвокультуре. Нужно, однако, иметь в виду, что стереотипы связаны не со всеми концептуальными структурами.

В нашем случае их выявление актуально, поскольку стереотипы определенно связаны с политическими, идеологическими и иными социальными концептами.

В отдельных случаях исследуются сценарии, то есть некие динамические мыслительные образы, которые отражают изучаемую денотативную ситуацию не как статичную, а в ее историческом развитии, показывающем последовательное «разворачивание» ее конститутивных компонентов во времени и в пространстве культур(ы) (примером чего может служить анализ таких концептов, как *КНЯЗЬ*, *БОГАТЫРЬ*, *РАДОСТЬ*). В других случаях показано проведение психолингвистического эксперимента (свободный ассоциативный эксперимент, направленный ассоциативный эксперимент и рецептивный эксперимент), что особенно актуально при описании концептов, относящихся, например, к сфере «страна и ее жители глазами жителей другой страны» (ср. концепты Америка, Россия, Германия, Франция и др.).

На заключительном этапе проводится сведение всех выявленных признаков, образующих структуру концепта, и количественных данных в общую таблицу, а также аналитическое описание этой таблицы с позиции частотности признаков, их актуальности в языковом материале, соответствия в сравниваемых концептуальных системах, определение национальной специфики и собственно эквивалентности признаков концептов (в случае сопоставительного анализа)

Кроме того, на всех этапах исследования концептов привлекаются данные из различных научных источников и смежных дисциплин: этнологии, этнографии, психологии, медицины, философии, мифологии и др. [Колесов, 2016. С. 151].

Обратимся теперь к описанию семантического поля целевого концепта, так как в качестве инструмента реконструкции и описания концепта данный метод является наиболее успешным.

1. Семантическое поле, представляющее концепт *ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ*

Данный метод, по мнению В. Н. Денисенко, находит эффективное применение в исследовании языка литературных произведений и интерпретации художественного текста: в этой области выдвинуто понятие текстового семантического поля [Денисенко, 2004].

Выделение лексико-семантических полей начинают с установления имени поля – слова-идентификатора, которое выражает смысл, общий для входящих в поле слов, в наиболее объективной и наименее эмоциональной форме [Балли, 1955. С. 181]. Например, лексема *гражданственность* является словом-идентификатором, доминантой лексико-семантического поля *гражданственность*, поскольку определяется как «сознание своих прав и обязанностей по отношению к государству» и как «гражданское устройство и организованность; государственность» [Шафиков, 1999].

1.1. Репрезентант концепта

Семантическое поле в данном исследовании выступает в качестве инструмента для анализа концепта *ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ*. Исходя из того, что концепт имеет структуру, состоящую из ядра и периферии, рассмотрим подробнее структуру концепта *ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ*. Для определения признаков ядра и периферии концепта *ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ* обратимся к данным различных словарей. Понятие «гражданственность» относится к абстрактной лексике. Как отмечает В. Волков, «суффикс -ость придает существительным этой группы обобщающий характер, выводимый из конкретного качества, которое выражает соответствующее прилагательное (гражданственный – гражданственность)» [Волков, 1997. С. 7].

1.2. Словообразовательное гнездо

В «Словообразовательном словаре русского языка» А. Н. Тихонова сформировано требуемое словообразовательное гнездо, вершиной которого является лексема *гражданин*:

гражданин
гражданка
гражданочка
гражданство
гражданственный
ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ
гражданский
граждански
гражданка (= гражданский шрифт)
гражданка (= жизнь гражданских)
по-граждански
по-гражданскому
военно-гражданский (см. война)
национально-гражданский (см. нация)
частногражданский (см. частный)
согражданин
согражданка
общегражданский см. общий [Тихонов, 1990. Т. 1. С. 120].

1.3. Выявление мотивирующих признаков (этимология)

Лексемы *гражанинъ*, *гражанство*, *гражданинъ*, *гражданьство* в русском языке начинают использоваться уже в X–XI вв.

В «Словаре древнерусского языка» (XI–XIV вв.) встречаем:

Гражанин|ъ. 1. Горожанин, житель города. 2. Житель какой-л. области, страны. Небесньи гражанинъ – обитатель царства небесного [Словарь древнерусского языка, 1988].

Гражаньскыи Гражаньскыи законъ см. законъ [Там же].

Гражаньств|о 1. Митрополия, административно-территориальная единица в Византии. 2. Образ жизни. (...) [Там же].

Гражданин|ъ Житель какой-л. области, страны (...) [Там же].

В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера для лексемы приводится следующее значение:

Гражданин мн. граждане, заимств. из слав., ср. исконнорусск. горожанин. Производные: гражданский, гражданство. Калька с греч. πολίτης [Фасмер, 1996].

Итак, базовый мотивирующий признак концепта обусловлен этимологическим значением лексемы *гражданин*.

1.4. Выявление понятийных признаков на основе словарных дефиниций

«Толковый словарь живого великорусского языка» В. Даля построен по гнездовому принципу и описывает все гнездо родственных слов с центром *гражданин*:

Гражданин, городской житель, горожанин, посадский. | Член общины или народа, состоящего под одним общим управлением; каждое лицо или человек, из составляющих народ, землю, государство. Гражданином известного города называют приписанного к этому городу купца, мещанина или цехового. Именитый гражданин, стар. звание богатейших и почетнейших купцов. Почетный гражданин, нынешнее звание, даруемое купцам и недворянам за заслуги и выслугу, также военным и гражданским чиновникам, не выслужившим ни потомственного, ни личного дворянства. Степенный гражданин, отличие, жалуемое за службу по городским выборам [Даль, 2002, Т. 1. С. 127].

В словаре также приведены дериваты данной лексемы:

Гражданский, относящийся к гражданам, к государственному или народному управлению, к подданству. Гражданские обязанности двояки: к правительству и к ближнему. | Противопоставляется иногда государственному или правительственному, и тогда значит: частный, домашний, общинный; | противоп. военному: штатский, относящийся до службы по управлению; | духовному или церковному, означая: мирской,

обиходный, житейский. Гражданское право, гражданская служба – мундир. Гражданская печать. Гражданские доблести, мирные и миротворные, честь, любовь и правда. Гражданский венец, корона, употребительная в древности награда или прославление за гражданскую доблесть. Гражданская палата, палата гражданского суда, высшее в губернии место или средняя степень суда и расправы по тяжёлым или спорным делам. Гражданская смерть человека, состояние лишенного, по приговору суда, гражданских прав.

Гражданство ср. состояние гражданина; звание, права и обязанности его. | Сословие граждан, граждане.

Гражданственный, ко гражданству относящийся.

Гражданственность – состояние гражданской общины; понятия и степень образования, необходимые для составления гражданского общества [Даль, 2002, Т. 1. С. 127].

Для последующего анализа будем использовать данные четырех современных толковых словарей: «Толкового словаря русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, «Словаря русского языка» в 4 т. под ред. А. П. Евгеньевой и «Большого академического словаря русского языка». В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой приводится толкование только прилагательных:

– Гражданственный. Присущий, свойственный гражданину (в 1 знач.). Гражданственное самосознание || сущ. ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ [Ожегов, 2006. С. 138].

Гражданский. 1. Относящийся к правовым отношениям граждан между собой и их отношениям с государственными органами и организациями. Гражданский кодекс. Гражданское право. Гражданский спор. Гражданское дело (судебное разбирательство, касающееся гражданского права). Гражданское общество (общество свободных и равноправных граждан, отношения между которыми в сфере экономики, культуры развиваются независимо от государственной власти). Запись актов гражданского состояния. Гражданская казнь (политическая кара – лишение всех прав гражданина и покровительства закона; устар.). Гражданская смерть (состояние подвергнувшегося гражданской казни; устар.) 2. Свойственный гражданину как сознательному члену общества. Гражданский долг. Иметь гражданское мужество. 3. Невоенный, штатский. В гражданском платье. 4. Нецерковный, не связанный с церковным обрядом. Гражданский шрифт (введенный Петром I). Гражданский брак (также вообще официально незарегистрированный). Гражданская панихида (траурный митинг) [Там же].

В «Словаре русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой лексема «гражданственность» имеет два значения:

Гражданственность. 1. Гражданское устройство и организованность; государственность. 2. Сознание своих прав и обязанностей по отношению к государству [Словарь русского языка, 1981].

«Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова дает следующее определение исследуемой лексеме:

Гражданственность (книжн. устар.). То же, что цивилизация [Толковый словарь русского языка, 2000].

Определение слова гражданин и его дериватов в «Большом академическом словаре русского языка» выявляет следующий ряд признаков:

Гражданин. 1. Лицо, принадлежащее к населению какого-либо государства, пользующееся всеми правами, обеспеченными законами этого государства, и исполняющее все обязанности, установленные законами этого государства; подданный какого-л. государства. 2. Человек, служащий родине, народу заботящийся об общественном благе. 3. Взрослый человек, мужчина. 4. В России с 1917 г. – официальное обращение к мужчине. 5. Устар. Житель города, горожанин [Большой академический словарь русского языка, 2005].

Гражданственность. 1. Свойство по 1 значению прилагательного гражданственный. 2. Устар. Общественное, государственное устройство; государственность. 3. Устар. Гражданская, невоенная деятельность – Слов. Акад. 1847: ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ.

Гражданский. 1. Относящийся к гражданину, гражданам (в 1 значении); связанный с осуществлением прав и исполнением обязанностей граждан, организаций в государстве. 2. Относящийся к гражданину, гражданам (во 2 значении), свойственный им. 3. Невоенный, штатский. 4. Нецерковный, светский.

Гражданственный. 1. То же, что и гражданский (во 2 значении). 2. Устар. Связанный с государственным и общественным устройством. 3. Устар. Невоенный, мирный (о жизни).

Гражданство. 1. Политическая и правовая принадлежность лица к числу граждан какого-л. государства, обуславливающая совокупность прав и обязанностей этого лица и защиту его прав со стороны госу-

дарства. 2. Собирает. Устар. Жители города, горожане (купцы, мещане, ремесленники). 3. Устар. То же, что и гражданственность (во 2 значении) [Большой академический словарь русского языка, 2005].

В толковых словарях лексема *гражданственность* толкуется через прилагательные *гражданский* и *гражданственный*.

Обратимся также к «Словарю паронимов». Он показывает, что лексемы *гражданский* и *гражданственный* могут выступать как синонимы, так и собственно паронимы, что свидетельствует о пересечении данных понятий и их взаимной отсылке:

Гражданский // Гражданственный*

Гражданский. 1. Предназначенный для граждан, относящийся к гражданам, к правовому положению граждан в государстве. 2. Свойственный гражданину как сознательному члену общества; проникнутый идеями общественного блага (высок.). 3. Невоенный. 4. Нецерковный [Вишнякова, 1984].

Гражданский:

1) ~ий кодекс; ~ие законы; ~ое право; ~ий суд, иск;

2) ~ ий долг; ~ое мужество; ~ая доблесть; ~ие стихи; ~ая поэзия, лирика;

3) ~ий воздушный флот; ~ая служба, профессия, одежда;

4) ~ие книги; ~ий обряд. Гражданский брак (юридически не оформленный брак). Гражданская война (вооруженная классовая борьба внутри государства). Гражданская оборона (система оборонных мероприятий, проводимых в мирное и военное время в целях защиты населения от возможного нападения противника). Гражданская панихида (собрание перед похоронами, посвященное памяти умершего, траурный митинг) [Там же].

Гражданственный (устар.). Свойственный, соответствующий общественно-сознательному гражданину. Гражданственный: ~ое сознание; ~ые отношения, связи; ~ая мощь, тематика [Вишнякова, 1984].

Важным для нас является примечание, данное в словаре:

в значении «обладающий сознанием достоинства гражданина, свойственный общественно-сознательному гражданину» слова *гражданский* и *гражданственный* продолжают оставаться синонимами: *гражданский* (*гражданственный*) пафос, *гражданское* (*гражданственное*) самосознание [Там же].

Очевидно, синонимами лексемы *гражданский* (в некоторых случаях – *гражданственный*) выступают лексемы *невоенный*, *нецерковный*, *светский*, *штатский*. Во всех этих случаях речь идет о признаке «социальный статус».

Итак, анализ словарных дефиниций свидетельствует о наличии нескольких понятийных признаков, в том числе архаичных. Понятийным признаком концепта *ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ* выступает признак «свойство». Архаичными понятийными признаками являются значения «цивилизация», «социальный статус».

Целесообразным представляется обратиться к уточнению понятия «цивилизация». Концепт «цивилизация» подобно рассматривается Ю.С. Степановым в работе «Константы русской культуры». Цивилизация: определенная высокая ступень в развитии общества, такое состояние общества, когда: царит законность и порядок и процветает сельское хозяйство, применяются технические достижения, распространяется образование, облагораживаются нравы [Степанов, 2001. С. 545].

Для современной русской духовной жизни характерно, что доминирующим в этом семантическом поле является сам концепт *ЦИВИЛИЗАЦИЯ* как абстракция от понятия «общество», тогда как понятие «цивилизация» в связи с ее конкретным носителем передается словосочетанием *цивилизованное общество*. Отсюда следует, что этому словосочетанию придается значение, которое в западноевропейских культурах и дореволюционной русской культуре выражалось термином *гражданское общество* (англ. *civil society*, фр. *société civile*). Выражение *гражданское общество* возникло в русском употреблении в конце XVIII – начале XIX в. Английскому и французскому *civil* соответствуют два русских термина: 1. цивилизованное; 2. гражданское (ср. фр. *l'état civil* – рус. гражданское состояние; рус. ЗАГС – отдел записи актов гражданского состояния). Гражданское же общество есть общество, в котором права человека – гражданина, личности – выявлены, определены и законодательно закреплены. Таким образом, концепт *ЦИВИЛИЗАЦИЯ* через признаки «законность», «порядок», «право» по содержанию пересекается с концептом *ЛИЧНОСТЬ*. Итак, выражения «гражданское общество»

во» и «цивилизированное общество» стали синонимами в русском словоупотреблении уже в начале XIX в. Как синонимичные отмечаются и такие слова, как *цивилизация* или *гражданственность* [Степанов, 2001. С. 520].

1.5. Экспериментальные методы

В ходе исследования концепта *ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ* обнаружилось, что паремии с данным концептом отсутствуют. Однако в этом случае рекомендуется проводить рецептивный эксперимент, например, метод анкетирования. Для выявления актуального содержания данного концепта применялись также свободный и направленный ассоциативный эксперименты [Попова, 2001. С. 99–100].

В качестве материала для исследования концепта *ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ* нами используются результаты эмпирического исследования, проведенного В. М. Гаврилюком и В. В. Маленковым [2007. С. 48]. Объектом эмпирического исследования понятия гражданской ответственности в постсоветский период была выбрана молодежь в возрасте от 14 до 30 лет. Исследование проводилось в 2004–2005 гг. по выборке, репрезентирующей генеральную совокупность по половозрастному признаку и месту жительства. В качестве генеральной совокупности выступало население юга Тюменской области указанного возраста. Объем выборки составил 1211 человек. Одним из аспектов гражданской ответственности являются представления о том, что значит «быть гражданином». Оно показало, что представления молодежи в основном сводятся к формальным признакам, характеризующим гражданина. Исследователи выявили следующие: «гражданин», «Россия», «право», «обязанность», «долг», «страна», «патриотизм», «активность», «гражданское общество», «демократия» [Там же].

1.6. Междисциплинарный анализ

Гражданственность – явление многогранное, оно может служить предметом исследования в различных гуманитарных и «морально-политических» науках: педагогике, философии, истории, юриспруденции, политологии, социологии, психологии. Действительно, гражданственность, справедливо утверждает А. М. Князев, можно определить как сложное, интегративное, междисциплинарное, социокультурно обусловленное, развивающееся личностное качество, в основе которого лежит и механизмом которого является определенная система отношений к государству, обществу, другим людям, к себе как гражданину, к гражданским правам и обязанностям и др., а также направленность как совокупность доминирующих гражданских отношений с соответствующей этим отношениям избирательной активностью [Князев, 2011. С. 8–12].

Методологические же подходы для формирования понятия *гражданственность* можно найти еще в трудах античных философов, таких как Платон и Аристотель. Что касается русской культуры, то исконные слова *гражданин* и *гражданство* входят в обращение уже в X–XI вв., но зарождение гражданского воспитания следует относить все-таки ко времени образования русского централизованного государства.

Проанализируем некоторые междисциплинарные аспекты понятия гражданской ответственности в картине мира русского социума. В процессе социализации индивида, очень тесно связанной в раннем возрасте с воспитанием ребенка, формируются гражданские качества, важность которых очевидна. Они прямо связаны с нравственными ориентирами, которые складываются в определенную позицию, хотя и меняются в течение жизни. Человек рано или поздно приходит к осознанию своих прав и обязанностей перед страной, в которой он живет, перед своим государством и перед обществом. Поэтому все эти аспекты отражены в «Педагогическом словаре», предлагающем следующую дефиницию гражданской ответственности: «нравственное качество личности, определяющее сознательное и активное выполнение гражданских обязанностей и долга перед государством, обществом; разумное использование своих гражданских прав, соблюдение и уважение законов страны» [Коджаспиров, 2005. С. 230].

В западноевропейскую педагогику гражданина и гражданственности особый вклад внесли философы и педагоги Г. Кершенштейнер, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо. Что касается отечественных ученых-педагогов, то следует назвать имена В. А. Сухомлинского и А. С. Макаренко. В. А. Сухомлинский прямо ассоциировал гражданственность с понятиями человечности, добра и зла, он писал: «...чтобы заложить в годы детства основы человечности и гражданственности, надо дать ребенку правильное видение добра и зла» [Сухомлинский, 2016. С. 193].

Понятие гражданственности исторически изменялось. Еще Аристотель, у которого гражданин существует в неразрывной связке с понятиями *властвовать (власть)* и *государство*, писал: «...каждый гражданин должен по мере возможности направлять свои стремления к тому, чтобы быть в состоянии властвовать над собственным государством» [Аристотель, 1983. С. 138]. По мнению О. Н. Полухина, также изучающего гражданственность в политическом аспекте, основы развития гражданственности появились в Новое время [Полухин, 2005. С. 25]. Именно тогда в Европе началось формирование структур гражданского общества, произошло окончательное разделение частной и общественных сфер. В это время возникли две интерпретации гражданственности: либеральная и консервативная. Первая основана на идее индивидуально свободной личности, здесь гражданственность сопряжена не только с гордостью за историческое прошлое страны, приверженностью государственным символам, законам и Конституции страны, но и с уважением к правам и обязанностям гражданина государства – индивидуально свободной личности.

Вторая, консервативная, была сформирована, по мнению О. Н. Полухина, в противовес либеральной. В ней акцентированы идеи ответственности индивида и важности сохранения существующего, исторически сложившегося социального порядка и укрепления общественного организма, единого государственного целого [Полухин, 2005. С. 30]. Очевидно, что консервативная интерпретация теснее связана с понятием «государственность». Гражданственность же, рассмотренная в политической перспективе, означает прежде всего «готовность и способность человека, гражданина к активному участию в делах общества и государства на основе глубокого осознания своих прав и обязанностей; гражданственность – это антитеза понятиям аполитичность, абсентеизм, социально-политическая индифферентность и синоним социально-политической активности, патриотизма»¹.

Рассматривая структурную модель гражданственности в рамках цитированных выше определений данного явления, предложенных А. М. Князевым, можно выделить следующий ряд ее компонентов, начинающийся с идей гражданской ответственности и активности: активность (политическая, социально-значимая), духовность, долг, воля, готовность, знания и др. [Князев, 2011. С. 8–12].

Однако единство в выделении ведущего или ведущих признаков в гуманитарных науках не достигнуто, это понятие переживает период своей очередной трансформации. Так, в «Энциклопедии по социологии» отмечается, что «понятие гражданственности обладает, в первую очередь, **нравственным** смыслом, близким к “педагогическим” трактовкам. Оно означает присутствие в сознании и поведении человека высших моральных качеств, отличающих истинного радателя о благе общества и своего Отечества» [Социологическая энциклопедия, 2003. С. 257]. Гражданственность в этой перспективе ориентирована на консервативную парадигму, она связана с уважением к правам **и обязанностям** гражданина, чувством гордости за обычаи, традиции, символы своей страны, а именно: флаг, герб, гимн. Эти символы отражают определенные духовные ценности и традиции государства и нации и дают представление об историческом пути страны и ее предназначении в мире.

Примерно такие же идеи проводятся в «Философском словаре» советского периода, согласно которому гражданственность – это «нравственная позиция, выражающаяся в чувстве долга и ответственности человека перед гражданским коллективом, к которому он принад-

¹ Политологический словарь. URL: <http://schooled.ru/political/dict/351.html> (дата обращения 22.10.2018).

лежит: государство, семья, церковь, профессиональная или иная общность, в готовности отстаивать и защищать от всяких посягательств на его права и интересы» [Философский словарь, 1972. С. 250].

Итак, в социальных науках гражданственность понимается преимущественно как нравственное чувство, общественное качество гражданина. При этом личность выступает обычно как гражданин какой-то страны, а не как гражданин мира вообще (ср. старую идею космополитизма) или некой глобальной наднациональной общности.

2. Понятие гражданственности в русской художественно-публицистической картине мира

Выявление этой структуры концепта (т. е. совокупности его обобщенных признаков) реализовано на материале Национального корпуса русского языка (НКРЯ), который дает возможность наблюдать за сочетаемостью соответствующих языковых знаков. Подробный анализ данных Национального корпуса русского языка проводится все большим и большим количеством исследователей, поскольку выбор лексических единиц для анализа, описание их семантических структур и примеров использования их в речи сейчас радикально облегчены корпусной лингвистикой, которая собрала на основе компьютерного анализа всех доступных текстов в конкретном языке базы данных о словах и представила их открытым интернет-доступе (например, the British National Corpus, the Brown Corpus, Национальный корпус русского языка ² и др.) [Язык и мысль, 2015]. Чтобы восстановить структуру концепта, необходимо исследовать весь языковой корпус, в котором репрезентирован концепт, – лексические единицы, фразеологию, паремиологический фонд, включая систему устойчивых сравнений, запечатлевших образы-эталон, свойственные определенному языку. Существенную помощь оказывают авторские контексты, так как писатели и поэты используют языковой фонд, варьируя формы для выражения того или иного признака концепта [Колесов, 2016. С. 152–153].

В рамках исследования лексики *гражданственность* на базе Национального корпуса русского языка в качестве примеров нами используются материалы из основного корпуса русского языка (найдено 306 документов, 483 вхождения), а также из газетного (найдено 88 документов, 102 вхождения) и поэтического (найдено 8 документов, 8 вхождений) подкорпусов.

На наш взгляд, привлечение и анализ материала из Национального корпуса русского языка обеспечивает большую объективность и достоверность полученных результатов. Многочисленные примеры, взятые из НКРЯ, иллюстрируют, как постепенно меняется, обогащается значение концепта *ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ*, как национальное языковое сознание напитывается новыми образами и ассоциациями при сохранении основных смыслов слова-концепта.

Приведем несколько примеров образных концептуальных признаков концепта *ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ* в XIX–XX вв. Золотой век русской литературы совпал с периодом серьезных испытаний для страны. Это Отечественная война 1812 г., Крымская война (1853–1856 гг.), противостояние на Кавказе, нестабильная внутривнутриполитическая ситуация: угнетение крепостных и оппозиционные движения, которые зарождались вследствие этого. Поэтому идеи сильного государства и нации находили свое отображение и в литературных произведениях. Тема гражданственности была присуща и лирическим произведениям А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова. На раннем этапе творчества поэзия М. Ю. Лермонтова насыщена восхищением красотой русской природы, однако позже его вытесняют остросоциальные мотивы.

Для концепта *ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ* характерна концептуализация с помощью антропоморфных или антропоцентричных признаков:

² Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 27.01.2018).

Взрожденные в **дремотной** ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ, основанной на бездействии ума, им трудно было удерживаться на высоте своего призвания (М. С. Лунин. Взгляд на русское Тайное Общество с 1816 до 1826 года (авторизованный перевод с фр.). 1838–1841).

В каждом уездном городе, в каждом захолустье, где люди наперечет, подавляющая масса граждан у нас только горожане: инстинкты древней высокой жизни, **инстинкты** ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ, как она понимается в исторической науке, у нас давно выродились (М. О. Меньшиков. Кого выбирать в парламент. 1912).

Революция поставила под вопрос самую **жизнеспособность** русской ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ и государственности; не посчитавшись с этим историческим опытом, с историческими уроками революции, нельзя делать никакого утверждения о России, нельзя повторять задов ни славянофильских, ни западнических (С. Н. Булгаков. Героизм и подвижничество. 1909).

Концепт *ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ* имеет и витальный признак «возраст».

Зрелость ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ ускорила новые стихии, которые Т.О. излило в область мысли (М. С. Лунин. Взгляд на русское Тайное Общество с 1816 до 1826 года (авторизованный перевод с фр.). 1838–1841).

Но... вспомни, что мы более изучали эти земли по древней карте, нежели по новой, мы воображаем их с **древнею** ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬЮ – но сколько воспоминаний и какая должна быть природа! (Н. В. Станкевич. Письма Я. М. Неверову. 1836).

В процессе анализа было обнаружено, что концепт *ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ* в указанный выше период выражается также с позиции витального признака «боль», «растение».

В русской языковой картине мира концепты объективируются иногда и признаками неживой природы. Концепту *ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ* присущ и образный признак неупорядоченности (хаос, стихия). В примере ниже концепт имеет признак стихии «огонь».

То, чем жила интеллигенция, для них словно не существовало; в самый **разгар** ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ Толстой славил мудрую «глупость» Каратаева и Кутузова, Достоевский изучал «подполье», Тютчев пел о первозданном **хаосе**, Фет – о любви и вечности (М. О. Гершензон. Творческое самосознание. 1909).

Однако для данного концепта актуальны также предметные признаки, а именно признаки артефакта: «механизм», «вещество».

К категориальным признакам концепта *ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ* относится размерный признак (высокий – низкий), выраженный в критерии положительной / отрицательной оценки нравственных качеств, а также оппозиция «свой – чужой». К оценочным признакам относятся признак с мелиоративной / пейоративной оценкой.

Рассмотрим советское и постсоветское понимание гражданственности. Культура России XX в. – неотъемлемая часть европейской и мировой культуры. В этот период значительно ускорились культурные процессы, взаимовлияние культур, стилевая динамика. Демократический подъем, жанровый и стилиевой плюрализм, подспудная переоценка системы ценностей – все это было косвенным следствием поэтического бума в период «хрущовской оттепели».

К значимым признакам *ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ* данного периода относится антропоморфный признак, витальный признак «возраст». Образная часть структуры концепта представлена признаками «растения». Для *ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ* характерна концептуализация посредством пространственного признака внутреннего мира – «путь».

О том, что она к ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ **шла** от материнства, от обороны человека (Л. К. Чуковская. Иосиф Бродский. 1963–1972).

Общественный идеал нельзя осуществлять в одинаковых формах среди зрелых народов с высокой культурой и у диких племен, едва выступающих на путь ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ (П. И. Новгородцев. Об общественном идеале. Глава I. 1917–1921).

Концепт *ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ* выражается через ассоциации и уподобления с элементами живой природы.

Расчет этих темных личностей не оправдался: в России нашлось столько общественного сознания, что вся эта черносотенная агитация разбилась о **скалу** ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ, а там, где **потоком** неслись погромные призывы, никакие погромные выступления допущены не были (В. Д. Бонч-Бруевич. Знамение времени – убийство Андрея Ющинского и дело Бейлиса (Впечатления Киевского процесса). 1921).

Образная часть структуры концепта ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ может быть представлена признаком неживой природы «артефакт», «явление», «вещь», «стихия», «химический элемент», «здание».

Вход в ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ для человека не гуманитарного образования – это не только рост мужества, это и поворот всего сознания, всего внимания, вторая специальность в зрелых летах, приложение ума к области, упущенной другими (притом свою основную специальность упуская ли, как иные, или не упуская, как двудюжий Шафаревич, оставшийся посегодня живым действующим математиком мирового класса (А. И. Солженицын. Бодался теленок с дубом. 1967–1974).

Категориальные признаки концепта: **дименсиональный** (высокий – низкий), выраженные в критерии положительной / отрицательной оценки нравственных качеств. Концепт ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ имеет категориальный дименсиональный признак «вес». Также концепта свойственны **квалитативные** признаки («свет») и **оценочные** признаки с **мелиоративной / пейоративной** оценкой:

Я глубоко убежден в **высокой** ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ нашей профессии (Н. Н. Шпанов. В новогоднюю ночь. 1935–1950).

Народность пушкинского творчества определяется **высокой** ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬЮ, гуманизмом и социальным пафосом, предельной заинтересованностью поэта в судьбе народа и его движении вперед, его любовью к народной поэзии, к обычаям, к истории своей страны, его пониманием высокой мировой культурной задачи русского народа (И. Альтман. Пушкин драматург // Народное творчество. 1937).

Заключение

Концепт *ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ* входит в класс социальных концептов, которые, в свою очередь, относятся к категориальному классу базовых концептов. Его мотивирующим основанием выступает признак «гражданин».

Основными признаками представленности концепта *ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ* в языковом сознании носителей русской культуры являются:

- осознание своих прав и обязанностей по отношению к государству;
- понятия и степень образования, необходимые для составления гражданского общества;
- нравственная позиция человека, обладающего сознанием достоинства гражданина;
- цивилизация.

К понятийным признакам концепта следует отнести следующие: «свойство», «качество», «чувство», «нравственность», «сознательность», «право», «обязанность», «долг», «гражданское общество», «государство», «патриотизм».

Архаичными понятийными признаками концепта *ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ* являются «цивилизация» и «социальный статус».

Синонимический ряд слова-репрезентанта «гражданственность» включает следующие семантические компоненты: гражданство, гражданское сознание, гражданское самосознание, гражданская сознательность, гражданский, гражданин.

Следует отметить многочисленность ценностных признаков *ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ*: «деятельность», «воля», «готовность», «ценности», «культура», «мышление», «ответственность», «отношение», «позиция», «роль», «способность», «сознание», «самосознание», «свойство», «умение», «эмоции», «мужество», «принципиальность», «страна», «активность», «демократия», «Россия».

При исследовании художественных и публицистических текстов по материалам Национального корпуса русского языка было выявлено, что они содержат также ряд образных признаков, формирующих структуру концепта *ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ*. Анализ этих текстов

позволил выявить в структуре концепта три типа признаков: категориальные, оценочные и концептуальные образные.

Содержательно перечисленными признаками данный концепт не исчерпывается, поскольку, как и любой другой концепт, является открытым и развивающимся образованием. Концепт эволюционировал, когда в сознании постсоветского индивида произошло окончательное разделение частной и общественных сфер, когда началось формирование структур нового гражданского общества. В это время возникла новая, либеральная интерпретация, основанная на идее индивидуально свободной личности, где гражданственность оказалась сопряженной не только с гордостью за историческое прошлое страны, приверженностью государственным символам, законам и Конституции страны, но и с уважением к правам и обязанностям гражданина государства – индивидуально свободной личности.

Список литературы

- Аристотель.** Соч.: В 4 т. / Ред. и авт. вступ. ст. А. И. Доватур, Ф. Х. Кессиди; примеч. В. В. Бибикина и др. М., 1983. Т. 4. 830 с.
- Балли Ш.** Общая лингвистика и вопросы французского языка / Пер. с 3-го фр. изд. Е. В. и Т. В. Вентцель; ред., вступ. ст. [с. 3–19] и примеч. Р. А. Будагова. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. 416 с.
- Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; [ред.: Л. И. Балахонова]; СПб.: Т. 2: Благо-Внять / [гл. ред. К. С. Горбачевич]. 2005 (СПб.: 1-я Акад. тип. Наука). 657 с.
- Вишнякова О. В.** Словарь паронимов русского языка. М.: Рус. яз., 1984. 351 с.
- Волков В.** Общественность: забытая практика гражданского общества // Pro et contra. 1997. № 4. Т. 2. С. 77.
- Гаврилюк В. М., Маленков В. В.** Гражданственность, патриотизм и воспитание молодежи // Социологические исследования. 2007. № 4. С. 44–50.
- Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Рус. яз., 2002. 779 с.
- Денисенко В. Н.** Концепт *ИЗМЕНЕНИЕ* в русской языковой картине мира. М.: Изд-во РУДН, 2004. 305 с.
- Заступова И. В.** Формирование гражданственности школьников в деятельности классного руководителя: Дис. ... канд. пед. наук. Самара, 2007. 194 с.
- Князев А. М.** Акмеологическая интуитивно структурная модель гражданственности как сложного интегративного качества личности // Акмеология. 2011. № 2. С. 6–13.
- Коджаспирова Г. М., Коджаспиров А. Ю.** Педагогический словарь: для студентов высш. и сред. пед. учеб. заведений. 2-е изд., стереотип. М.: Academia, 2005. 173 с.
- Колесов В. В.** Введение в концептологию: Учеб. пособие. 3-е изд., стереотип. М.: Флинта, 2016. 245 с.
- Корнилов О. А.** Языковые картины мира как производные национальных менталитетов: Монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЧеРо, 2003. 347 с.
- Маленков В. В.** Динамика гражданственности в России в постсоветский период: структурно-деятельностный подход: Дис. ... канд. социол. наук. Тюмень, 2006. 203 с.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.** Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2006. 944 с.
- Полухин О. Н.** Гражданственность как предмет политологического анализа: Дис. ... д-ра полит. наук. М., 2005. 355 с.
- Попова З. Д., Стернин И. А.** Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. 192 с.

- Российский патриотизм: истоки, содержание, воспитание в современных условиях: Учеб. пособие / [Быков А. К. и др.; под общ. ред. А. К. Быкова, В. И. Лутовинова]. М.: Планета, 2010. 335 с.
- Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; гл. ред. Р. И. Аванесов. М.: Рус. яз., 1988. 302 с.
- Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой; АН СССР, Ин-т рус. яз. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981.
- Словарь синонимов русского языка / Рос. акад. наук. Ин-т лингвист. исслед.; под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Астрель: АСТ, 2002. 648 с.
- Социологическая энциклопедия: В 2. т. / Нац. обществ.-науч. фонд; науч. ред. В. Н. Иванов (гл. ред.) и др. М.: Мысль, 2003. 861 с.
- Степанов Ю. С.** Константы: словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Акад. проект, 2001. 989 с.
- Сухомлинский В. А.** Сердце отдаю детям. М.: Концептуал, 2016. 312 с.
- Тихонов А. Н.** Словообразовательный словарь русского языка: Ок. 145 000 слов. 2-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1990. 854 с.
- Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Астрель: АСТ, 2000. Т. 4. 1499 с.
- Фасмер М. Р.** Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 3-е изд., стереотип. М.: Терра, 1996. 830 с.
- Философский словарь / Под ред. М. М. Розенталя. 3-е изд. М.: Политиздат, 1972. 496 с.
- Чубур Т. А.** Методика лексико-концептуально-семантического анализа языковой и внеязыковой сфер разных культур в рамках сопоставительной лингвоконцептологии // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 4. С. 116–129.
- Шафиков С. Г.** Теория семантического поля и компонентной семантики его единиц / Науч. ред. Л. М. Васильев. Уфа: Изд-во Башкир. гос. ун-та, 1999. 88 с.
- Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика / Ин-т языкознания РАН, Центр когнитивных исслед. филологического фак. МГУ им. М. В. Ломоносова; сост. А. А. Кибрик и др. М.: Языки славянской культуры, 2015. 843 с.

References

- Aristotle.** Essays. In 4 vols. Editors and authors of opening article A. I. Dovatur, F. Kh. Kessidi; notes by V. V. Bibikhin et al. Moscow, 1983, vol. 4, 830 p. (in Russ.)
- Bally, Ch.** General Linguistics and French Linguistics. Translation from the 3rd French edition by E. V. and T. V. Venttsel; editor, introductory article [p. 3–19] and notes by R. A. Budagov. Moscow, Publishing House of Foreign Literature, 1955, 416 p. (in Russ.)
- Chubur, T. A.** Methodology of Lexical-Conceptual and Semantic Analysis of the Linguistic and Extralinguistic Spheres of Different Cultures in the Framework of Linguistic-Conceptual and Comparative Studies. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 4, p. 116–129. (in Russ.)
- Dal, V. I.** Explanatory dictionary of the living Great Russia language: In 4 vols. Moscow, Russian Language Publ., 2002, 779 p. (in Russ.)
- Denisenko, V. N.** Concept of *CHANGE* in the Russian Language Picture of the World. Moscow, Publishing House of Peoples' Friendship University of Russia, 2004, 305 p. (in Russ.)
- Dictionary of Old Russian (XI–XIV centuries): In 10 vols. Academy of Sciences. Russian language Institute; editor-in-chief R. I. Avanesov. Moscow, Russian Language Publ., 1988, 302 p. (in Russ.)
- Dictionary of synonyms of the Russian language. Russian Academy of Sciences. Institute of linguistic research; ed. by A. P. Evgenieva. Moscow, Astrel': AST, 2002, 648 p. (in Russ.)

- Explanatory dictionary of the Russian language. Ed. by D. N. Ushakov. Moscow, Astrel': AST, 2000, vol. 4, 1499 p. (in Russ.)
- Gavrilyuk, V. M., Malenkov, V. V.** Citizenship, patriotism and youth education. *Sociological Research*, 2007, no. 4, p. 44–50. (in Russ.)
- Knyazev, A. M.** Acmeological intuitively structural model of citizenship as a complex integrative quality of personality. *Akmeologiya*, 2011, no. 2, p. 6–13. (in Russ.)
- Kodzhaspirova, G. M., Kodzhaspirov, A. Yu.** Pedagogical Dictionary: for Students of Higher and Secondary Educational Institutions. 2nd ed. Moscow, Academia, 2005, 173 p. (in Russ.)
- Kolesov, V. V.** Introduction to the conceptology. Textbook. 3rd ed. Moscow, Flinta Publ., 2016, 245 p. (in Russ.)
- Kornilov, O. A.** Language Pictures of the World as Derivatives of National Mentalities. Monograph. 2nd ed. Moscow, CheRo, 2003, 347 p. (in Russ.)
- Language and Thought in contemporary cognitive linguistics. Comp. by A. A. Kibrik et al. Moscow, Languages of Slavic Culture, 2015, 843 p. (in Russ.)
- Large academic dictionary of the Russian language. Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistic Studies [Ed. by L. I. Balakhonova]; St. Petersburg, vol. 2: Blago-Vnyat' [chief editor K. S. Gorbachevich], 2005 (St. Petersburg, First Academic Printing House "Science"), 657 p. (in Russ.)
- Malenkov, V. V.** Dynamics of Citizenship in Russia in the Post-Soviet Period: Structural-Activity Approach. PhD thesis in sociology. Tyumen, 2006, 203 p. (in Russ.)
- Ozhegov, S. I., Shvedova N. Yu.** Explanatory dictionary of Russian language. 4th ed. Moscow, A TEMP Publ., 2006, 944 p. (in Russ.)
- Philosophical dictionary. Ed. by M. M. Rozental. 3rd ed. Moscow, Politizdat, 1972, 496 p. (in Russ.)
- Polukhin, O. N.** Citizenship as a subject of political analysis. Dissertation of doctor of political science. Moscow, 2005, 355 p. (in Russ.)
- Popova, Z. D., Sternin, I. A.** Essays on cognitive linguistics. Voronezh, Voronezh State University Press, 2001, 192 p. (in Russ.)
- Russian Patriotism: Origins, Content, Education in Modern Conditions. Textbook. [Bykov A. K. and others; under the general editorship by A. K. Bykov, V. I. Lutovinov]. Moscow, Planet Publ., 2010, 335 p. (in Russ.)
- Shafikov, S. G.** Theory of semantic fields and the semantics of its components. Scientific editor L. M. Vasiliev. Ufa, Bashkir State University Press, 1999, 88 p. (in Russ.)
- Sociological encyclopedia: In 2 vols. National Social Science Foundation; Scientific editor V. N. Ivanov (chief editor) et al. Moscow, Mysl', 2003, 861 p. (in Russ.)
- Stepanov, Yu. S.** Constants: dictionary of Russian culture. 2nd ed. Moscow, Academy Project, 2001, 989 p. (in Russ.)
- Sukhomlinsky, V. A.** I Give my Heart to Children. Moscow, Kontseptual, 2016, 312 p. (in Russ.)
- Tikhonov, A. N.** Word-formation dictionary of the Russian language: About 145 000 Words. 2nd ed. Moscow, Russian Language Publ., 1990, 854 p. (in Russ.)
- Vasmer, M. R.** Etymological Dictionary of the Russian Language. In 4 vols. Translated from German and supplemented by O. N. Trubachev. 3rd ed. Moscow, Terra, 1996, 830 p. (in Russ.)
- Vishnyakova, O. V.** Dictionary of Russian paronyms. Moscow, Russian Language Publ., 1984, 351 p. (in Russ.)
- Volkov, V.** Public: forgotten practices of civil society. *Pro et contra*, 1997, no. 4, vol. 2, p. 77. (in Russ.)
- Zastupova, I. V.** Formation of Citizenship of Students in the Activities of the Class Teacher. Dissertation of Candidate of Pedagogical Sciences. Samara, 2007, 194 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
01.07.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Корнакова Екатерина Сергеевна, кандидат филологических наук, преподаватель Школы лингвистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия)

Ekaterina S. Kornakova, Candidate of Philological Sciences, Lecturer of the Faculty of Humanities, School of Linguistics, National Research University “Higher School of Economics” (20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation)

ammiak@inbox.ru

ORCID 0000-0001-8916-1481

УДК 81'37(=512.36)
DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-4-28-37

Лексика материальной культуры в памятнике «Правдивые записи о монголах Цинской империи»

Е. В. Сундуева

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия

Аннотация

Рассматриваются наименования отдельных предметов материальной культуры, представленных в указе об атрибутах эскорта маньчжурского правителя Хун Тайчжи для праздничной церемонии, проводимой в честь пожалования ему титула «Всемилоостивейший миролюбивый Богдо-хан» в 1636 г. Указ содержится в письменном памятнике «Правдивые записи о монголах Цинской империи», опубликованном на старописьменном монгольском языке в 2013 г. в Хухэ-Хото (КНР). Выявлено, что номинация ряда предметов из указанного в памятнике перечня происходила на основе зрительного восприятия их формы, а также слухового восприятия производимого ими действия. Так, наименования таких предметов материальной культуры, как *sarqalji* 'посох-булава', *jida* 'копье' отсылают к образу 'нечто остроконечное', *baybur* 'чаша' к образу 'нечто приземистое', *longqu* 'бутылка' к образу 'нечто пузатое', *qubing* 'кувшин' к образу 'нечто узкое (о горлышке)', *manjilya* 'бахрома' к образу 'нечто длинное, висячее'. Впервые предложены этимологии слов *sayaday* 'колчан' от преверба **saya* [*tata-*] 'выхватывать', *manjilya* 'бахрома' и др. Номинация *tuγ* 'знамя' произошла на основе слухового восприятия развевающегося флага. В перечне представлены заимствования из китайского языка и санскрита. Анализ китайских вариантов лексем показал, что в некоторых случаях их значение отличается большей точностью. Рассмотрение сложных слов показало в целом сходный механизм номинации отдельных предметов материальной культуры в монгольском и китайском языке XVII в. Использование в тексте китайского варианта источника лексемы 撒帶 *sā dài*, представляющей собой транслитерацию монгольского слова *sayaday* 'колчан', может свидетельствовать о значимости монгольской культуры в жизни двора маньчжурских правителей. Монгольский язык, в свою очередь, заимствует некоторые элементы из китайского языка, которые используются в качестве пояснения к основному компоненту сложного слова. Результаты, полученные при рассмотрении слов, обозначающих элементы материальной культуры, демонстрируют неповторимость и оригинальность монгольского языка в плане отражения действительности.

Ключевые слова

старописьменный монгольский язык, материальная культура, лексика, семантика, номинация, звуко-символизм

Благодарности

Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 18-59-94006 МОКНМ «История и культура монгольских народов в период правления императора Канси» (по материалам памятника «Правдивые записи о монголах Цинской империи»)

Для цитирования

Сундуева Е. В. Лексика материальной культуры в памятнике «Правдивые записи о монголах Цинской империи» // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 4. С. 28–37. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-4-28-37

© Е. В. Сундуева, 2019

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 4
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2019, vol. 17, no. 4

Lexis of Material Culture in the Monument “Truthful Record about of the Mongols of the Qing Empire”

Ekaterina V. Sundueva

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
Ulan-Ude, Russian Federation*

Abstract

The paper deals with the names of some items of material culture presented in the decree on attributes of an escort of the Manchurian governor Hung Taiji for the festive ceremony held in honor of granting him the title ‘Gracious Peaceful Bogdo-Khan’ in 1636. The decree is presented in the written monument “Truthful record about Mongols of the Qing Empire” published in Classic Mongolian in 2013 in Huhe-Hoto (People's Republic of China). It is revealed that naming of a number of objects under study was based on visual perception of their form and acoustical associations their action produced. So, names of such pieces of material culture as *sarqalji* ‘staff mace’, *jida* ‘spear’, etc. are connected with the image ‘something peaked’, *baybur* ‘bowl’ with the image ‘something stocky’, *longqu* ‘bottle’ with the image ‘something big-bellied’, *qubing* ‘jug’ with the image ‘something narrow (about a neck)’, *manjilya* ‘fringe’ with the image ‘something long, trailing’. Etymologies of the words *sayaday* ‘quiver’ from a preverb **saya* [tata-] ‘to snatch out’, *manjilya* ‘fringe’, etc. are presented for the first time. The naming of *tuy* ‘banner’ occurred on the basis of acoustical perception of its fluttering. The list contains loanwords from Chinese and Sanskrit. The analysis of the Chinese variants of lexemes showed that in certain cases their meaning is more precise, than that of Mongolian words. Consideration of compound words revealed a similar mechanism of naming process for some other pieces of material culture in Mongolian and Chinese of the 17th century. In the Chinese variant of the monument the word 撒带 *sā dài* is a transliteration of the Mongolian word *sayaday* ‘quiver’. It demonstrates the importance of the Mongolian culture in the life of the Manchurian emperors’ Court. Mongolian, in turn, borrows some elements from Chinese which are used as an explanation to the main component of a compound word. So, the consideration of the etymology of the words designating elements of material culture showed some specificity of Mongolian in the way it reflects both real and mental worlds.

Keywords

Old written Mongolian, material culture, lexis, semantics, nomination, sound symbolism

Acknowledgements

The research was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project № 18-59-94006 MOKHM “The history and culture of Mongolian people during the reign of the Kangxi Emperor (on material of *True records about the Mongols of the Qing Empire*)”

For citation

Sundueva, Ekaterina V. Lexis of Material Culture in the Monument “Truthful Record about the Mongols of the Qing Empire”. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 4, p. 28–37. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-4-28-37

Введение

Исторический памятник «Правдивые записи о монголах Цинской империи» (п.-монг. *Dayičing ulus-un mongyul-un maγad qauli*) был издан в шести томах в 2013 г. на старописьменном монгольском языке в г. Хух-Хото автономного района Внутренняя Монголия КНР. Он представляет собой выдержки из монгольской версии «Правдивых записей о правлении династии Цин», касающиеся монголов и событий, связанных с монголами. Материал охватывает сведения о выдающихся монгольских военных и гражданских чиновниках, о жаловании и передаче титулов, возвышении и понижении, доставке ежегодной дани и пр. Лексика материальной культуры, включающая наименования одежды, тканей, посуды, упряжи и пр., обильно представлена в перечне наград за доставку дани. Она, безусловно, хранит информацию о наиболее важных составляющих системы жизнеобеспечения этноса. Также в памятнике содержатся специальные указы о ношении придворной одежды, головных уборов, поясов, а также о правилах для эскортов императора, ванов, нойонов, гунов и др.

Результаты исследования и обсуждение

В день красной (улаагчин) свиньи первого летнего месяца 10 года правления Сэчэн-хана (1636 г.) сановниками государственной канцелярии был испрошен указ о подготовке эскорта к праздничной церемонии по поводу пожалования Хун Тайчжи титула «Ахуда-орушиегчин-найрамдагу-богдо-хаган» (п.-монг. *aquda örüsiyegči nayiramdayu boyda qayan* 'всемилоостивейший миролюбивый Богдо-хан'). Церемония состоялась в честь того, что сын Лигдэн-хана Эджэй передал ему нефритовую печать императоров династии Юань, в результате чего Хун Тайчжи обрел статус верховного хана. В данном указе представлено большое количество названий реалий материальной культуры, значение которых, как отметил в беседе главный редактор памятника Бао Шань, представляет трудность даже для носителей монгольского языка и требует сопоставления с китайским вариантом.

После обсуждения ванами и сановниками деталей церемонии был утвержден список вещей, необходимых для эскорта, и их количество (см. таблицу).

Перечень атрибутов для эскорта
List of attributes for Escort

№	Язык			Количество
	старописьменный монгольский	китайский	русский	
1	<i>altan sandali</i>	金漆椅 <i>jīn qī yǐ</i>	золотой трон	1
2	<i>altan iseri</i>	金漆机 <i>jīn qī wù</i>	золотой табурет	1
3	<i>ilay-a ürgegekü sirbigül</i>	蝇拂 <i>yíng fú</i>	мухогонка	4
4	<i>nilbuqu altan baybur</i>	金唾盒 <i>jīn tuò hé</i>	золотая плевательница	1
5	<i>altan qubing</i>	金壶 <i>jīn hú</i>	золотой кувшин	1
6	<i>usu kikü altan longqu</i>	贮水金瓶 <i>zhù shuǐ jīnpíng</i>	золотая бутылка для воды	1
7	<i>altan čar-a</i>	金盆 <i>jīn pén</i>	золотая тарелка	1
8	<i>küjün-ü külis</i>	香炉 <i>xiānglú</i>	курильница	2
9	<i>küjün-ü baybur</i>	香盒 <i>xiānghé</i>	фиал для благовоний	2
10	<i>murui esitü sikür</i>	曲柄伞 <i>qūbǐng sǎn</i>	зонт с изогнутой ручкой	1
11	<i>siduryu esitü sikür</i>	直柄伞 <i>zhíbǐng sǎn</i>	зонт с прямой ручкой	4
12	<i>naran-u qalqabči</i>	扇 <i>shàn</i>	ширма	2
13	<i>manjily-a</i>	节 <i>jié</i>	бахрома	4
14	<i>mögülig sarqalji</i>	星 <i>xīng</i>	посох-булава	2
15	<i>bosyaysan kemken bilayu</i>	立瓜 <i>lì guā</i>	посох с вертикальной головкой в виде тыквы	2
16	<i>kebtégülügen kemken bilayu</i>	卧瓜 <i>wò guā</i>	посох с горизонтальной головкой в виде тыквы	2
17	<i>u jang sidem</i>	吾杖 <i>wú zhàng</i>	посох учжан	6
18	<i>hung jang sidem</i>	红杖 <i>hóng zhàng</i>	посох хунчжан	4
19	<i>dam ildu</i>	大刀 <i>dàdāo</i>	меч с длинной рукоятью	6
20	<i>urtu serbegetü jida</i>	长戟 <i>chángjǐ</i>	клевец	6
21	<i>sayadaγ</i>	撒带 <i>sā dài</i>	колчан	6
22	<i>tuy</i>	纛 <i>dào</i>	штандарт	6
23	<i>kikiri</i>	旗 <i>qí</i>	флаг	10

П.-монг. *iseri* ‘скамейка, табурет’ [Kowalewski, 1844. Р. 283], монг. *исэр* ‘табурет, табуретка’, по мнению О. Сүхбаатара, является заимствованием из китайского языка 椅子 *yǐzi* ‘стул’ [Сүхбаатар, 1997. С. 117]. Монгольское определение *altan* имеет значения ‘золотой; золотистый’ и может быть истолковано как ‘сделанный из золота’, в то время как китайское определение более точно: 金漆 *jīn qī* ‘покрытый золотистым лаком’. П.-монг. *sandali* ‘стул, сиденье, трон’ [Kowalewski, 1844. Р. 1287], монг. *санда*, бур. *хандали* ‘сидение, скамейка’, вероятно, восходит к образному корню **sand*, давшему бур. *хандай* ‘скамья, лавка’, *хандайбиша* ‘небольшая табуретка’, *хандайл-* ‘сидеть на сидение или на скамейку’. Значение корня выводимо из глагола бур. *хандагаша-* ‘слоняться без дела – о человеке с выпяченным задом’ [Бурятско-русский словарь, 2008. С. 549], который коррелирует с глаголом *хондогошо-* ‘двигаться, покачиваться при ходьбе – о заде человека’, а также *хондогор* ‘выдавшийся, выпяченный – о заде человека’, *хондой-* ‘быть выпяченным, выпячиваться – о заде’ и пр. Возможно, образный глагол *sandai-* означал ‘сидеть на ровной плоской поверхности’ в отличие от *бохирч суу-* ‘сидеть согнув ноги’, *завилж суу-* ‘сидеть скрестив ноги’. Н. Л. Жуковская отмечает: «Монголы могут сидеть где угодно, совершенно не нуждаясь ни в стульях, ни в скамейках. Чаще всего они сидят просто на земле или на полу в юрте» [Жуковская, 2002. С. 146].

П.-монг. *ilay-a ürgegekü sirbigül* состоит из определения, представленного *ilay-a* ‘муха’ и *ürgegekü* ‘встревожить, заставить подняться’. П.-монг. *sirbigül* ‘волосяная махалка, мухогонка; метла, тряпка’ образовано от глагола *sirbi-* ‘сметать, стирать’ [Kowalewski, 1844. Р. 1531], монг. *ширвэ-* ‘мотать, хлестать; мести’. Данный глагол был отнесен нами к группе глаголов, значение которых относится к мануальной (ручной) сфере деятельности. Они, как правило, отсылают к образу растопыренных, вытянутых на всю длину рук человека, в ряде случаев ног животных: п.-монг. *čarba-* ‘хватать, ловить рукой; руками и ногами действовать в борьбе’, монг. *царва-* ‘поднимать вверх руки или ноги; отмахиваться; хватать’; п.-монг. *sarbayi-*, монг. *сарвай-* ‘протягиваться, растопыриваться’, бур. *харбай-* ‘протягивать руку (или что-л. в руках)’, п.-монг. *čerte-*, мо. *цэрмэ-* ‘выбивать корм (о скоте, добывающем корм из-под снега), п.-монг. *sirba-*, монг. *шарва-*, бур. *шарба-* ‘махать, хлестать (хвостом), вилять’; баргуз. *гараараа шарбаада-* ‘размахивать руками’. Китайский вариант состоит из двух существительных: 蝇 *yíng* ‘муха’ и 拂 *fú* ‘метелка’.

П.-монг. *nilbuqu baybur* ‘плевательница’ имеет определение в форме причастия будущего времени *nilbuqu* ‘плевать’. В словаре О. М. Ковалевского дано значение *baybur* ‘плетеный ящичек с дверцами на боку’, *öčiken baybur* ‘жертвенная чаша’ [Kowalewski, 1844. Р. 1088], монг. *багвар* ‘1) ваза (напр. для конфет); 2) судок; 3) чашка, пиала; 4) род курильницы’. Очевидно, существительное восходит к образному корню **bayb*, от которого образованы монг. *багвагар* ‘коренастый, приземистый, низкорослый’, *багвай-* ‘быть низкорослым’. В связи с тем, что в п.-монг. *nilbuqu altan baybur* определение *altan* ‘золотой’ стоит между *nilbuqu* и *baybur*, можно сделать вывод о том, что превращения их в сложное слово еще не произошло. В современном монгольском языке значение ‘плевательница’ манифестируется существительным *нулимуур*, образованным от глагола *нулим-* ‘плевать’. Кит. 唾盒 *tuò hé* образовано от 唾 *tuò* ‘плевать’ и 盒 *hé* ‘коробка, шкатулка, ларец’. Согласно мнению О. Сүхбаатара, п.-монг. *qubing, quibing* ‘кувшин, кружка, сосуд’ [Kowalewski, 1844. Р. 2619] является китайизмом от *huǒpén* [Сүхбаатар, 1997. С. 201]. В связи с тем, что значение кит. 火盆 *huǒpén* ‘жаровня, мангал’ неприменимо к значению *qubing*, можно предположить, что образный корень *qub’-* мог указывать на узкое горлышко сосуда. Учитывая высокую степень чередования звуков в образных корнях, его значение можно сопоставить со значением корня **um*, давшим монг. *умгар* ‘узкий, суживающийся, маленький – об отверстии’. П.-монг. *longhu* ‘глиняный кувшин; бутылка’ [Kowalewski, 1844. Р. 1967] восходит к образу ‘нечто пузатое’, воплощенному в монг. *лонхгор* ‘пузатый; кувшинообразный’, *лонхой-* ‘быть пузатым; быть кувшинообразным’.

П.-монг. *küjün-ü külis* состоит из *küji* ‘благоухание, курение’ [Kowalewski, 1844. P. 2619] и *külis* ‘кадильница, курильница, ладанка’ [Kowalewski, 1844. P. 2598], кит. 香炉 *xiānglú* – из 香 *xiāng* ‘благовоние, фимиам’ и 炉 *lú* ‘жаровня; курильница’. П.-монг. *küji* заимствовано из санскрита: *kuśa* ‘священная трава, используемая в определенных религиозных церемониях’ [Сүхбаатар, 1997. С. 203]. П.-монг. *küjün-ü baybur* ‘фиал для благовоний’ также содержит лексему *baybur* ‘ваза; чаша’ и *küji* ‘благоухание’. Китайское сложное слово 香盒 *xiānghé* образовано по тому же типу и состоит из двух существительных: 香 *xiāng* ‘благовоние, фимиам’ и 盒 *hé* ‘коробка, шкатулка’. Кадильница использовалась для сжигания благовоний, а фиал – для их хранения.

Примечательно, что в словаре О. М. Ковалевского п.-монг. *šükür, sikür* имеет значение ‘веник, метла’ [Kowalewski, 1844. P. 1544], монг. *шүхэр* ‘зонт; балдахин’. Г. Рамстедт приводит значение калм. *šükr* ‘зонт, используемый в религиозных праздничных процессиях’ и отмечает его неясное происхождение [Ramstedt, 1935. P. 370]. Определения *murui esitü* ‘с изогнутой ручкой’ и *siduryu esitü* ‘с прямой ручкой’ строго соответствуют кит. 曲柄 *qūbǐng* и 直柄 *zhíbǐng*. В п.-монг. *naran-u qalqabči* ‘ширма’ существительное *qalqabči* ‘ставни плетеные или решетчатые, заслона’ образовано от *qalqa* ‘щит, заслона’ [Kowalewski, 1844. P. 795].

П.-монг. *manjily-a* ‘шелковые висащие украшения, подвески’ [Kowalewski, 1844. P. 1976], монг. *манжлага* ‘1) тесьма, лента, бахрома; 2) подвески, привески’ образовано от корня **manj*, который также дал слово *манж* ‘разноцветные ленточки, скрученные в жгуты’, зафиксированное Г. Д. Санжеевым у дархатских шаманов. Как отмечает исследователь, жгуты «змеевики» длиной до 60 см разнообразных цветов называются *мөргөл манж* и служат для исполнения обряда *зальбарха* (просить духов о ниспослании счастливой жизни) [Санжеев, 1930. С. 60]. По предположению Л. С. Дампиловой, эти ленточки, символизирующие змей, используются шаманами как посредники между мирами. *Манж* помогает им видеть будущее, очищает от всего дурного, при этом каждый цвет ленточки-жгута имеет свое символическое значение, например, синяя олицетворяет защиту неба, зеленая – земли и т. д. Такие вещи, как головной убор и *манж* стирать нельзя, все атрибуты должны быть неприкосновенными [Дампилова, 2015. С. 339–340]. В «Бурятско-русском словаре» указано лишь буддийское значение слова *манжа* ‘чай для лам, иногда кушанье’ [Шагдаров, Черемисов, 2006. С. 538], которое заимствовано из тибетского языка: *tangja* ‘чай для многих’.

Также название шаманских жгутиков зафиксировано в форме *манжиг*, представленной в призывании дархатского шамана Б. Амгалан: *Наян найман манжиганд нь / Намтар түүх нь өвлөөтэй, / Найман хар могойндонь, / Хараал жатга нь өвлөөтэй* [ПМА] ‘В его восьмидесяти восьми жгутиках / История его жизни хранится, / В восьми черных змеях / Заклинания его сокрыты’. Г. Н. Потанин, путешествуя по Северо-Западной Монголии, также отметил, что к онгонам в виде кукол пришиты жгутики с бахромой, которые хозяин юрты называет *маньяк* [Потанин, 1883. С. 95]. Относительно семантики корня **manj* можно предположить, что он передавал признаки ‘длинный, вытянутый’, которые сохранились в п.-монг. *manji-* ‘быть тонким, тощим’ [Kowalewski, 1844. P. 1976], монг. *манжи-* ‘быть тонким, тощим’ [Большой академический монгольско-русский словарь, 2001. С. 320]. Более четко эти признаки выражены в производных корня **unj*: монг. *унжгар* ‘висячий, свисающий’, *унжир* ‘что-либо висячее, висюлька’, *унжлага* ‘привески, висащие украшения, побрякушки; ленты’. Кит. 节 *jié* имеет значение ‘звено, отрезок, сегмент’.

Название посоха-булавы представлено двумя существительными: п.-монг. *mökülig* ‘шарик, кружок, крупинка, зернышко, ядро’ [Kowalewski, 1844. P. 2064], монг. *мөхлөг* ‘зерно, семя; шарик’ (в данном случае ‘навершие шаровидной формы’) и п.-монг. *sarqalji*. Лексема *sarqalji* не представлена ни в одном монголоязычном словаре. Китайский вариант 星 *xīng* означает ‘посох-булава (жезл личной охраны императора)’. Значение данного слова можно выявить на основе семантики однокоренных слов: монг. *сарай-* ‘торчать как вилы или рога’,

сарвай- ‘торчать’, *сарагчин* ‘столбик, шпиг на крыше часовни посреди обона’ и др., объединенных признаком ‘остроконечный, торчащий’.

Привлекают внимание названия парадного оружия почетного караула п.-монг. *bosyaγsan kemken bilayū* и *kebtēgūlūgsen kemken bilayū*, где *bosyaγsan* ‘вертикальный’ (от *bosya-* ‘ставить’, монг. *босоо*), *kebtēgūlūgsen* ‘горизонтальный’ (от *kebtēgūlū-* ‘укладывать’, монг. *хэвтээ*). Как видно, в языке монголов XVII в. значения ‘вертикальный’ и ‘горизонтальный’ выражались

в форме причастия прошедшего времени, в то время как ныне они установились в форме причастия настоящего-прошедшего времени. Лексема *kemke* не представлена в словаре О. М. Ковалевского, в словаре Ф. Лессинга указано: *kemke, kemeke* ‘небольшая тыква или бутылочная тыква; огурец’ [Lessing, 1960. Р. 451]. В современном халха-монгольском языке *хэмх* ‘огурец’, *хулуу хэмх*, *хулуу* ‘тыква’. Я. Цэвэл приводит определение *хэмх* ‘другое название арбуза’ [Цэвэл, 1966. С. 761], в «Большом толковом словаре монгольского языка» дано общее определение *хэмх* ‘общее название растений семейства тыквенных’¹.

Семантика корня **bil* в п.-монг. *bilayū* ‘палка, палица, дубинка, посох’ [Kowalewski, 1849. Р. 1141], монг. *бялуу* ‘булава, дубина’, на наш взгляд, связана с ударом. В монгольских языках функционируют провербы с гласным *i*: бур. *била сохи-* ‘(рас)плющить’, ойр. *bilib, bilīw* ‘вдребезги’, давшие глаголы *bilbī-, bilwī-* ‘избивать, хлестать’, *biliblī-, bilīwlī-* ‘дробить, разбивать’, ойр. *biltsē darā-* ‘раздавить’ [БНМАУ дахь..., 1988. С. 94–97], ойр. *biltsīrī-* ‘раздробляться, разбиваться, раздавливаться’, калм. *билжл-*, ‘раздавить, сплющить’, мо. *бялцла-* ‘давить, раздавить, сплющить’, *бялцра-* ‘лопнуть, раздавиться, сплющиться’ и пр. Этимология п.-монг. *balta süke* ‘секира’ [Kowalewski, 1844. Р. 1079], монг. *балт*, бур. *балта*, калм. *балт* ‘балта, секира, топор’ нами была связана с провербом монг. *балба*, а также *балб-* ‘стучать, бить, ударять, колотить’ [Сундужева, 2017. С. 164]. Существительное *bilayū* опущено в китайских названиях этого оружия: 立瓜 *lì guā* ‘булава с удлиненным круглым набалдашником’ и 卧瓜 *wò guā* ‘посох с головкой в виде тыквы’. Они также имеют определения 立 *lì* ‘вертикальный; стоять’ и 卧 *wò* ‘горизонтальный; лежать’. Существительное 瓜 *guā* имеет значение ‘тыквенные растения’.

Сложные названия жезлов *учжан* и *хунчжан* содержат главный компонент на монгольском языке *sidem, siidem* ‘палка, дубинка’ [Kowalewski, 1849. Р. 1482], монг. *шуйдэм* ‘палка, дубинка’, который поясняется китайскими зависимыми компонентами 吾杖 *wú zhàng* и 红杖 *hóng zhàng*, где 杖 *zhàng* ‘посох, трость, палка’. Посох *учжан*, изготовленный из бронзы и позолоченный с двух концов, использовался как атрибут правителя со времен правления династии Хань. Первый компонент 吾 *wú*, очевидно, является второй частью другого названия посоха: 金吾 *jīnwú*, которое восходит к наименованию мифологической птицы, отводящей несчастье и указующей путь выхода. 金 *jīn* имеет значение ‘золотой’, 吾 *wú* ‘препятствовать, задерживать’. В названии 红杖 *hóng zhàng* прилагательное 红 *hóng* ‘красный’ указывает на цвет объекта.

П.-монг. *dam ildun* ‘большой меч’ [Kowalewski, 1844. Р. 1642], в «Большом академическом монгольско-русском словаре» дано значение *дам* ‘длинный’ только применительно к *дам илд* ‘большой меч с длинной рукоятью’ [Большой академический монгольско-русский словарь, 2001. С. 29]. Кит. 大刀 *dàdāo* имеет два значения: ‘большой нож’ и ‘алебарда на длинной рукояти’. П.-монг. *urtu serbegetü jida* мы перевели как ‘клевец’ на основе дословного перевода ‘копье с длинным зубцом’. Значение п.-монг. *jida* ‘копье, дротик, пика’ [Kowalewski, 1844. Р. 2341], монг. *жад* ‘метательное копье, пика’, на наш взгляд, коррелирует со значением разного корня **yod*, давшего монг. *ёдгор* ‘торчащий’, *ёдор* ‘длинный шест с флагами, на которых написаны молитвенные формулы; одинокое дерево в степи’ и др. Также допустимо, что семантика данного слова также связана с ударом, равно как в *bilayū* ‘булава’. Оно могло

¹ mongoltoli.mn/dictionary/detail/120147

произойти от преверба п.-монг. *jada* ‘на мелкие кусочки’ [Lessing, 1960. P. 1021], монг. *зад* ‘совершенно, вдребезги’ (*зад цохи* – ‘разбить вдребезги’). Кит. 长戟 *chángjǐ* состоит из прилагательного 长 *cháng* ‘длинный’ и 戟 *jǐ* ‘алебарда двузубая; цзи, древнее оружие, соединявшее в себе клевец и пику: длинное древко с топорovidным лезвием, заканчивавшееся заостренным наконечником’.

П.-монг. *sayadaγ* ‘сайдак, колчан’ [Kowalewski, 1849. P. 1294] в тексте китайского памятника представлен в транслитерированной с монгольского языка форме 撒带 *sā dài*. По предположению Г. Рамстедта, произошло от глагола *saga-* ‘натягивать’ [Ramstedt, 1935. P. 317]. В. И. Рассадин возводит данное слово и монг. *sayali* ‘самострел’ к общей производящей основе **saya-*, от которой также происходит *sayad* ‘препятствие’. Исследователь исходит из того, что все три значения связаны с препятствием: самострел – это препятствие в виде сторожевой нити, натянутой поперек звериной тропы. Колчан для стрел – это не просто коробка для вкладывания стрел, а коробка с туго натянутыми внутри поперечными жгутами, которые удерживали помещенные между ними стрелы. Сам же корень **saya-* сопоставляется им с древнетюркской основой **saq-*, вычленяемой из др.-тюрк. *saqla-* ‘сохранять’, *saqčī* ‘сторож’ [Рассадин, 1987. С. 7]. Тюрк. *сагдақ* ‘колчан; ножны; лук со всеми принадлежностями; стрела’ относят к заимствованиям из монгольских языков в связи со следующими фактами: а) позднее появление слова в тюркских памятниках; б) сохранение в якутской форме начального *с-*; в) распространение слова в монгольских языках; г) возможность этимологизации слова на монгольской почве [Этимологический словарь тюркских языков, 2003. С. 150].

Представляется возможным предложить версию происхождения данного слова от предполагаемого преверба **saya*. Его значение могло быть близко значению преверба *суа*, выражающего резкое движение для выхватывания чего-либо, в данном случае стрел из колчана: *суга тат* – ‘выдернуть, выхватить, вытащить, вытянуть’. Подобная пара с чередованием гласных *а / и* представлена превербами *qaya* // *quya*, обозначающими раскалывающее, раздробляющее действие. Словообразовательный суффикс *-day / -deg* присоединяется к превербу *ketke*, образуя существительное *хэмхдэг* ‘что-либо размолотое’. Также он активно образует новые слова от образных основ: *зулбадаг* ‘каракульча’, *наартаг* ‘унты’, *сармидаг* ‘летний сухой помет’, *холхиндог* ‘что-либо свободное’, *елхэндэг* ‘полюнь’, *хэнхдэг* ‘грудь; шейная ямка’, *нахидаг* ‘седловина между гор’, *сарьдаг* ‘голец’ и др.

От этого же преверба, возможно, образовано п.-монг. *sayaldurγa* ‘подстежка у шапки или узды’ [Kowalewski, 1849. P. 1296], монг. *сагалдарга* ‘застежка; завязка, петля, шнурок’, поскольку семантика этого слова также связано с мгновенным действием срывания, внимания. Монг. *сугалдрага(н)* ‘с вынутой из рукава рукой’, очевидно, восходит к *суга* ‘подмышечная впадина, подмышка’. В бурятском языке зафиксирован лишь глагол *хугалдаргал* – ‘вынуть руку из рукава дэгэла’ [Шагдаров, Черемисов, 2008. С. 564].

В «Монгол хэлний их тайлбар толь» зафиксированы две формы *сугалдар* и *сугалдарга*, употребляющиеся в паре с прилагательным *сувай* ‘яловый, нестельный (о скоте)’². Наличие формы *suγaldar* проливает свет на морфологическую структуру слова *suγaldurγa*. Присоединение словообразовательного суффикса *-dar* к исходному корню *суа* повлекло за собой наращивание согласного *n* (как, например, в монг. *зууванцар*), который под влиянием первого согласного суффикса заменился на *l*. Подобное чередование можно наблюдать в слове *tegülder* ‘полный, совершенный’: **teg + -n / -l + -dür*. Корень **teg / *tög* дал существительное *tügürig* ‘круг, кружок’. Значения полноты и совершенства также связаны с кругом. Что касается конечного форманта *-γa* в *suγaldurγa*, то можно предположить, что это либо непосредственно суффикс *-γa*, либо *-rγa*, в котором начальный согласный *r* выпал в результате наложения морфов. С помощью суффикса *-rγa* образованы такие существительные, как *багсарга* ‘смесь, тесто’, *бэгцэргэ* ‘сова’, *гударга* ‘фальц, загиб’, *навсарга* ‘лохмотья’, *сагсарга* ‘замерзающая корка льда, наст’, *субарга* ‘надгробная пирамида’ и пр. Таким образом, мор-

² mongoltoli.mn/dictionary/detail/79091

фологическая структура слова *suγaldurγa* может быть представлена следующим образом: *suγa* + *-n* / *-l* + *-dur* + *-(r)γa*. Сложный суффикс *-durγa* / *-derge* образует ряд слов в монгольском языке: *сэгэлдрэг* ‘петля, шнурок’, *эгэлдрэг* ‘повязка’, *бөгөлдөргө* ‘петля у ручки кнута, нагайки’, *хөмөлдөргө* ‘нагрудный ремень у лошади’. Общая семантика данных лексем, равно как и монг. *сагалдарга* ‘застежка; завязка, петля, шнурок’, позволяет предположить, что их корни **saγ*, **seg*, **eg*, **böγ*, а также **kōm* объединены признаком ‘круглый’.

Наконец, два обозначения знамен разных размеров п.-монг. *туγ* ‘знамя’ ‘флаг, штандарт, знамя’ [Lessing, 1960. P. 838], монг. *туγ* ‘знамя’, и п.-монг. *kikiri* ‘штандарт, небольшое знамя’ [Kowalewski, 1844. P. 2545], монг. *хийр*, *хиур* ‘флажок’, вероятно, имеют звукоподражательное происхождение. Так, знамя могло быть названо по звуку, издаваемому его полотнищем, развевающимся на ветру в бескрайней степи (*туγ-туγ-туγ*). Звуковой облик *хийр*, *хиур* напоминает скрип, равно как в названии струнного смычкового музыкального инструмента п.-монг. *kikili* ‘скрипка, гудок’ [Kowalewski, 1844. P. 2545], монг. *хийр* ‘скрипка’.

Также перечень атрибутов эскорта включает названия 15 музыкальных инструментов, включающих различные виды гонгов, барабанов, флейт и пр. Все предметы делятся на пять блоков, на каждый из которых отведено определенное количество людей. В указе также особо обозначены цвет и тип одежды для этих людей в зависимости от времени года. Так, люди, держащие мухогонки, должны быть одеты в зеленые кафтаны с желтыми поясами и черные войлочные шапки с латунным наверхушiem и желтым пером. В целом для всей церемонии требовалось 270 человек, из которых 84 были музыкантами [Dayiǰing..., 2013. P. 149].

Заключение

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что большая часть рассмотренной лексики относится к исконно монгольским словам, имеющим образное и звукоподражательное происхождение. Так, наименования таких предметов материальной культуры, как *sarqalji* ‘посох-булава’, *jida* ‘копье’ отсылают к образу ‘нечто остроконечное’, *baybur* ‘чаша’ к образу ‘нечто приземистое’, *longqu* ‘бутылка’ к образу ‘нечто пузатое’, *qubing* ‘кувшин’ к образу ‘нечто узкое (о горлышке)’, *manjilya* ‘бахрома’ к образу ‘нечто длинное, висячее’. При номинации данных реалий решающую роль играло зрительное восприятие их формы. Некоторые слова образованы от провербов, употребляющихся с некоторыми глаголами и изменяющих их значение, что сближает их с русскими глагольными приставками. П.-монг. *bilayu* ‘булава’ связано с п.-монг. **bila* [čoki-] ‘расплющить’, *sayaday* ‘колчан’, вероятно, связано с **saγa* [tata-] ‘выхватывать’. Номинация *туγ* ‘знамя’ произошла на основе слухового восприятия развевающегося флага. Изучение данного пласта лексики, безусловно, позволяет пролить свет на элементы мировоззрения монголов в той сфере, где содержатся сведения о предметах материального мира, созданных человеком для проведения церемониальных действий и практического применения в быту.

Список литературы

- Дампилова Л. С. Мифологическая символика змеи в шаманских текстах ойратов и других монгольских народов // Ойрад судлал: угсаа, хэл, соёл: олон улсын эрдэм шинжилгээний хурлын илтгэлийн эмхтгэл. Улаанбаатар: Ган принт, 2015. С. 335–341.
- Жуковская Н. Л. Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика. М.: Вост. лит., 2002. 247 с.
- Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1883. Вып. 4: Материалы этнографические. 1026 с.
- Рассадин В. И. Промысловая лексика в говоре окинских бурят // Диалектная лексика в монгольских языках: Сб. ст. Улан-Удэ: БФ СО РАН, 1987. С. 3–20.
- Санжеев Г. Д. Дархатский говор и фольклор. Л.: Изд-во АН СССР, 1931. 112 с.

- Сундуева Е. В.** Превербь с корневым согласным / в монгольских языках // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 2. С. 163–169.
- Daičing ulus-un mongγul-un mayad qauli. Nigedüger emkitgel [Truthful record about the Mongols of Qing Empire]. Hoh-hot, Inner Mongolian education Publ., 2013, vol. 1, 1236 p. (in Mong.)

Список словарей

- Большой академический монгольско-русский словарь / Отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. Т. 2. 536 с.
- Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М.** Бурятско-русский словарь. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2006. Т. 1. 636 с.; 2008. Т. 2. 708 с.
- Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». М.: Вост. лит. РАН, 2003. 443 с.
- БНМАУ дахь монгол хэлний нутгийн аялгууны толь бичиг [Dialect dictionary of Mongolian language of Mongolian People's Republic]. Oirad dialect. Ulaanbaatar, 1988, vol. 2. 943 p. (in Mong.)
- Сүхбаатар О.** Монгол хэлний харь үгийн толь [Mongolian dictionary of foreign words]. Ulaanbaatar, Admon company Publ., 1997, 234 p. (in Mong.)
- Цэвэл Я.** Монгол хэлний товч тайлбар толь [Explanatory dictionary of Mongolian language]. Ulaanbaatar, 1966, 911 p. (in Mong.)
- Kowalewski J. E.** Dictionnaire mongol-russe-français. Kasan, Imprimerie de l'Université, 1849, vol. 1–3, 2690 p.
- Lessing F. D.** Mongolian-English dictionary. Berkeley, Los Angeles, University of California Press, 1960, 1217 p.
- Ramstedt G. J.** Kalmukishes Wörterbuch. Helsinki, 1935, 560 p.

Список сокращений

- бур. – бурятский
 калм. – калмыцкий
 кит. – китайский
 монг. – халха-монгольский
 ойр. – ойратский
 п.-монг. – старописьменный монгольский

References

- Dampilova, L. S.** Mythological semantics of the snake in shamanic texts of the Oirads and other Mongolian people. In: Oirad studies: origin, language, culture: proceedings of international scientific conference. Ulaanbaatar, Gan print Publ., 2015, p. 335–341. (in Russ.)
- Zhukovskaya, N. L.** Nomads of Mongolia: Culture. Traditions. Symbolics. Moscow, Vost. lit. Publ., 2002, 247 p. (in Russ.)
- Potanin, G. N.** Sketches of the North-Western Mongolia. St. Petersburg, 1883, iss. 1: Ethnographic materials, 1026 p. (in Russ.)
- Rassadin, V. I.** Trade lexis in dialect of the Oka Buryats. In: Dialectal lexis in Mongolian languages: collection of articles. Ulan-Ude, BF SB RAS Publ., 1987, p. 3–20. (in Russ.)
- Sanzheev, G. D.** Darhat dialect and folklore. Leningrad, AS USSR Publ., 1931, 112 p. (in Russ.)
- Sundueva, E. V.** Preverbs with root consonant / in Mongolic languages. *Humanitarian vector*, 2017, vol. 12, no. 2, p. 163–169. (in Russ.)
- Daičing ulus-un mongγul-un mayad qauli. Nigedüger emkitgel [Truthful record about the Mongols of Qing Empire]. Hoh-hot, Inner Mongolian education Publ., 2013, vol. 1, 1236 p. (in Mong.)

List of Dictionaries

- Etymological Dictionary of Turkic Languages. Common Turkic and Interturkic Stems Starting with Letter "L", "M", "N", "P", "S". Moscow, Vostochnaya literature RAN Publ., 2000, 476 p. (in Rus.)
- Kowalewski J. E.** Dictionnaire mongol-russe-français. Kasan, Imprimerie de l'Université, 1849, vol. 1–3, 2690 p.
- Lessing F. D.** Mongolian-English dictionary. Berkeley, Los Angeles, University of California Press, 1960, 1217 p.
- Ramstedt G. J.** Kalmukishes Wörterbuch. Helsinki, 1935, 560 p.
- Shagdarov, L. D., Cheremisov K. M.** Buryat-Russian dictionary. Ulan-Ude, Respublikanskaya tipografiya Publ., 2006, vol. 1, 636 p.; 2008, vol. 2, 708 p. (in Russ.)
- Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. G. C. Pyurbeev (ed.). Moscow, Academia Publ., 2001, vol. 2, 536 p. (in Russ.)
- БНМАУ дахь монгол хэлний нутгийн аялгууны толь бичиг [Dialect dictionary of Mongolian language of Mongolian People's Republic]. Oirad dialect. Ulaanbaatar, 1988, vol. 2. 943 p. (in Mong.)
- Сүхбаатар О.** Монгол хэлний харь үгийн толь [Mongolian dictionary of foreign words]. Ulaanbaatar, Admon company Publ., 1997, 234 p. (in Mong.)
- Цэвэл Я.** Монгол хэлний товч тайлбар толь [Explanatory dictionary of Mongolian language]. Ulaanbaatar, 1966, 911 p. (in Mong.)

Материал поступил в редколлегию

Date of submission

01.07.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Сундueva Екатерина Владимировна, доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела языкознания Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 670042, Россия)

Ekaterina V. Sundueva, Doctor of Sci. (Philology), Associate Professor, Chief Researcher of the Department of Linguistics, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS (6 Sakhyanova Str., Ulan-Ude, 670042, Russian Federation)

sundueva@mail.ru

ORCID 0000-0003-2299-3384

УДК 811.112.2'276 + 811.112.2'35
DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-4-38-48

Композиционные и лингвистические особенности кулинарных рецептов российских немцев

Т. В. Корбмахер

*Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия*

Аннотация

Ставится задача рассмотреть композиционные и лингвистические особенности рецептов российских немцев, проживающих сейчас в Красноярском крае. Она вписывается также в проблематику лингвистического исследования малоформатных текстов, предполагая акцент на определении вариаций их структурных и языковых элементов. К таким текстам относится, в частности, и кулинарный рецепт. Кулинарные рецепты российских немцев являются свидетельством сохранения лингвокультуры, традиций и национальной идентификации; они отражают социокультурные параметры, ценности общества и отдельного человека. Социокультурные параметры делают возможным рассмотрение текста кулинарного рецепта как лингвокультурного феномена. Основу исследования составляют полевой метод (опрос респондентов) и комплексный анализ текстов кулинарных рецептов. Материалом исследования послужили тексты кулинарных рецептов, зафиксированных в устной форме посредством цифровой аудиозаписи. При графической фиксации рецептов использована орфография, приближенная к нормам литературного немецкого языка. В результате исследования установлены отличительные структурные и языковые особенности кулинарных рецептов на смешанном диалекте (западноредне-немецком и восточноредне-немецком). Расхождения в структурной организации рецепта проявляются в отсутствии блока с ингредиентами, времени приготовления и факультативной части (подзаголовка и сносок). Кулинарные рецепты отражают типичные разговорные и диалектные особенности языка российских немцев на структурном, фонетическом, морфологическом, синтаксическом и лексическом уровнях. Анализ кулинарных рецептов позволил установить характер изменений их структурных компонентов, выявить пути заимствования и отклонения от нормы немецкого литературного языка на фонетическом и лексическом уровнях и определить степень интерференции иноязычного окружения. Влияние русского языка проявляется в смешении элементов русского и немецкого синтаксиса и в нарушении рамочной конструкции предложения.

Ключевые слова

российские немцы, диалект, кулинарные рецепты, языковые и структурные особенности, кулинарные традиции

Для цитирования

Корбмахер Т. В. Композиционные и лингвистические особенности кулинарных рецептов российских немцев // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 4. С. 38–48. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-4-38-48

© Т. В. Корбмахер, 2019

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 4
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2019, vol. 17, no. 4

Compositional and Linguistic Features of the Oral Dialectal Recipes Used by Russian Germans

Tatyana V. Korbmakher

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Abstract

The article is concerned with the issue of linguistic specificity of small-sized texts, describing their text structure (also referred to as composition) as well as linguistic properties and characteristics. A cooking recipe may be defined as a specific genre of this text category. In particular, the paper aims to describe semantic structure and linguistic features of the oral cooking recipes of the Russian Germans collected during a dialectal expedition in Krasnoyarsk region, Siberia. Culinary recipes of Russian Germans may be regarded as an evidence of the preservation of their linguo-culture, traditions and ethnic identity because they reflect a number of sociocultural parameters, societal and individual values. Sociocultural parameters make it possible to regard the text of the cooking recipe as a linguocultural phenomenon. The basis of the study is a field method: digital audio recordings of the recipe texts from German dialectal informants and a comprehensive analysis thereof as compared with the recipes found in the published books. For the graphic fixation of 'dialectal' recipes (that is in the transcripts) which combine features of the West German and East Middle German dialects the author used the spelling close to the norms of the standard German language. As a result of the study, certain distinctive textual and linguistic features of culinary recipes were established. As far as the text and semantic structure of the oral 'dialectal' recipe is concerned it is normal to omit the ingredients section, information about the duration of cooking. They don't include any clarifications or parts equivalent to subtitles and footnotes of the standard written recipes. At the phonetic, morphological, syntactic, and lexical levels culinary recipes possess typical colloquial and dialect features of the language of Russian Germans. The analysis of the recipes allowed to define the nature of changes in their linguistic components, to identify discrepancies between the recipes in the German standard language and those recorded in Krasnoyarsk region, Siberia at all linguistic levels. In addition, it became possible to discover in the dialectal material some cultural borrowings as well as to determine the linguistic impact of the other languages encountered by the informants during their life in Russia and earlier. The influence of the Russian language is exemplified among others in the mixing of elements of the Russian and German syntax and, in particular, violation of the typically German sentence framework.

Keywords

Russian Germans, dialect, linguistic features, text structure, culinary traditions, cooking recipes

For citation

Korbmakher, Tatyana V. Compositional and Linguistic Features of the Oral Dialectal Recipes Used by Russian Germans. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 4, p. 38–48. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-4-38-48

Введение

Предпосылка нашего исследования была определена актуальностью изучения лингвокультуры российских немцев, так как данная тема имеет длительную историю исследования и представляет особый интерес. Российские немцы, являясь связным звеном двух культур, менталитетов, до сих пор чтят и передают последующим поколениям традиции, в том числе и кулинарные.

Мы разделяем мнение К. А. Нечаева, согласно которому «текст не должен рассматриваться лишь как языковой феномен, и чисто лингвистический подход к тексту, не учитывающий реальных условий его функционирования, может дать ответы на лишь ограниченный круг вопросов, возникающих при исследовании текста» [Нечаев, 1999]. Социокультурные параметры позволяют извлечь из текста экстралингвистическую информацию и рассмотреть кулинарный рецепт как лингвокультурный феномен.

Методологическую основу нашего исследования определили также фундаментальные методы и приемы классической, или традиционной, диалектологической науки диалектолога Кильского университета Кристины А. Андерс (Cristina A. Anders), исследовательскими зада-

чами которой явились компаративное обследование диалектных подсистем и объяснительное отображение территориального членения диалектов немецкого языка [Anders, 2010], а также комплексный обзор научных работ по диалектологической тематике швейцарского лингвиста Адольфа Социна, изданных его современниками и более ранними авторами [Socin, 1970]. Вопросы бытового восприятия языка освещены в работах, выполненных на материале «островных» диалектов, например, с целью определить степень «выживаемости» острова [Deminger, 2004] или устойчивости того или иного явления в немецком [Nemeth, 2010]. Попытка интеграции метаязыковых знаний информантов в диалектологические исследования осуществлена в работе чешского лингвиста Иржи Неквапила (J. Neckvapil) [Neckvapil, 2004].

Российские немцы являются носителями немецкого языка в разных диалектных вариациях. При этом их диалекты развивались в течение длительного времени в иноязычном окружении в отрыве от основного языкового коллектива по нормам дописанных традиций под влиянием как внутриязыковых тенденций, так и иноязычного окружения [Москалюк, Трубакина, 2014]. По этой причине источниками исследования языка, истории и быта российских немцев являются в основном устные полевые материалы. Общаясь с человеком, мы узнаем о событиях, прошедших десятилетия назад. То, как говорят потомки российских немцев, какие речевые обороты используют, какими терминами оперируют, – всё это следы эпохи предыдущих поколений [Крапоткина, 2016].

Кулинарный рецепт в аспекте лингвокультуры

Кулинарные рецепты являются неотъемлемой частью языка и культуры российских немцев, а также уникальным источником лингвокультурной информации, так как, несмотря на утрату языка, остаются одним из самых устойчивых элементов, отражающих историю и национальный характер их носителей. При этом кулинарный рецепт является не только специальным текстом для практического применения, но и семиотическим образованием, в котором также получают свое отражение языковые изменения и социокультурные параметры, обусловленные кулинарными традициями, социальными отношениями и национальными особенностями.

Данная тема уже имеет свою российскую предысторию. Начальный этап процесса становления кулинарных рецептов как особого типа текста рассмотрен в работе Г. С. Москалюк «Становление типа текста “Кулинарный рецепт” (на материале немецкоязычных кулинарных сборников XIV–XVI вв.)» [Москалюк, 2005]. П. П. Бурковой был рассмотрен кулинарный рецепт как «письменный, монологический, подготовленный текст, хранящий в себе информацию накопительного характера» (на материале литературного немецкого языка) [Буркова, 2004]. Жанр кулинарного рецепта бытовой сферы функционирования был проанализирован А. М. Кантуровой [2011].

Научная новизна нашего исследования заключается в попытке проанализировать структурные и языковые особенности кулинарных рецептов на материале смешанного диалекта (западносреднегерманского и восточносреднегерманского) российских немцев, проживающих в Красноярском крае. Актуальность представленного исследования обусловлена лингвистической значимостью проблематики языкового взаимодействия на современном этапе и усилением воздействия иноязычного окружения.

Анализ структурных и языковых особенностей

В данной статье представлены итоги изучения 87 кулинарных рецептов российских немцев, зафиксированных в устной форме посредством цифровой аудиозаписи в 2017–2018 гг. Фиксация языковых данных осуществлялась автором статьи в селе Идринском Красноярского края. В качестве информантов исследования выступили этнические немцы старшего поколения (Прахт Полина Яковлевна, Горн Мария Карловна, Тевс Мария Андреевна), активно

владеющие родным языком – одним из говоров немецкого языка. Они являются уроженцами Саратовской области (с. Беттингер) и переселенцами, прибывшими в Красноярский край из одного района Поволжья в начале Великой Отечественной войны.

Для определения диалектного типа их языка использовалась карта Дингеса. Село Беттингер Унтервальденского кантона бывшей АССР немцев Поволжья отмечено на карте Г. Дингеса как село со смешанными диалектами: западносреднемецким и восточносреднемецким [Dinges, 1923]. При графической фиксации речи информантов нами была использована орфография, приближенная к нормам литературного немецкого языка.

Остановимся более подробно на описании данных, составляющих внешнюю композиционную структуру кулинарного рецепта российских немцев. Следует отметить, что выявление композиционной структуры устного монологического текста, каковым является сообщение рецепта, представляет собой непростую задачу как в теоретическом, так и в практическом отношении. Структура как таковая в явном виде отсутствует, и о композиции текста можно судить лишь по тематическим переходам и вербально-интонационным связкам между ними, когда они вводятся информантом. При письменной фиксации текста никакие связки нами не вводились и разбиение на абзацы не производилось. Следующий далее анализ выявляет различия между композиционной структурой книжного рецепта, описанного в литературе, и наших полевых записей. П. П. Буркова определяет структуру кулинарного рецепта в немецком языке: «по своей структуре кулинарный рецепт отличается малоформатностью, высокой информационной насыщенностью и стереотипностью построения: кулинарный рецепт состоит из вступительного, основного и заключительного блоков» [Буркова, 2004].

Заголовок. Основная функция заголовка – дать представление о сути текста; расположен в начале текста. Заголовок является обязательной частью, представляет собой основное содержание кулинарного рецепта. В устном кулинарном рецепте заголовок – название соответствующего блюда, например: *der Kjarwuskuchen, der Kawe, die Milchsuppe, die Pline, der Pannekuchen, der Riewelkuche, die Platze, die Plutzkartowel, die Kriemel, die Krebbeln, die Fischsup, Krautsup, die Krautsup mit Kleißchen.*

Заголовки выполняют информирующую функцию о блюде, а именно о его основных ингредиентах: *Fisch, Kartoffel, Milch, Fleisch, Kraut.* В них отсутствуют имена собственные, географические названия. Заголовки чаще однословные и выражены именами существительными соответствующей семантики. С точки зрения синтаксиса они могут представлять собой 1) существительное в изолированной позиции (*Pline*), 2) композит (*Gorkensalat, Milchsuppe, Pohnesup, Kleißsup, Kjarwuskuchen*), 3) субстантивную группу с определением (*saure Kartoffelsup, siehe Sup*) [Лазутина, 2001].

Список ингредиентов, который обычно следует за заголовком и оформляется дополнительным подзаголовком (*Zutaten*), в нашем диалектном материале отсутствует. Информация об ингредиентах содержится в основной части кулинарного рецепта. Спецификой диалектного кулинарного рецепта можно считать отсутствие четко заданных мер, необходимых повару для приготовления блюда. Основными средствами обозначения меры продукта выступают: примерное указание количества – *eine Prise, einige Troben (Tropfen)*; точное указание количества – *1 Lewel (Löffel), 3 Eier.* В исследуемых рецептах преобладает способ примерного указания количества.

Основная часть – *руководство по приготовлению блюда* – инструктирует и информирует о компонентах. Эта часть отражает также этапы приготовления блюда. Описание способа приготовления состоит в основном из одного абзаца (иногда двух). Наличие абзацев определялось логическим переходом от перечисления ингредиентов к инструктирующей части рецепта.

Время приготовления, факультативные части (подзаголовки и сноски) в исследуемых диалектных рецептах отсутствуют.

Итак, диалектный рецепт состоит из заголовка и основной части – руководства по приготовлению блюда. К его отличительным особенностям относится отсутствие строгой струк-

турно-композиционной организации рецепта: текст представлен в сплошном виде, в нем нет подзаголовка, блока с ингредиентами, факультативных частей, указания времени приготовления. В исследуемых диалектных рецептах отсутствуют и слова, соотносимые со сносками. Результаты исследования структурных особенностей представлены в табл. 1.

Таблица 1

Сопоставительная структура рецепта на литературном немецком языке
и рецепта на диалекте

Table 1

Comparative Structure of a Recipe in Literary German and a Recipe in Dialect

Рецепт эпохи Новейшего времени в письменном виде	Рецепт российских немцев (на смешанном диалекте)
- заголовок - список ингредиентов (точные меры веса) - руководство по приготовлению - время приготовления - факультативные части: подзаголовок и сноски	- заголовок - отсутствие списка ингредиентов (примерное указание меры веса) - руководство по приготовлению - примерное указание времени приготовления - отсутствие факультативной части: подзаголовок и сноски

Лингвистические особенности диалектных рецептов

Ранее было установлено, что основной лексической единицей, имеющей инструктирующую функцию в текстах этого типа, являются глаголы [Москалюк, 2005]. Наш материал показывает, что все глаголы чаще стоят в инфинитиве и являются центром побудительного предложения:

Dialekt: Teich mit Wälderholz machen. Over Plech legen. Nort mit Kjarwus over schmieren. Nort Riewel machen. / Hochdeutsch: Den Teig mit der Teigrolle ausrollen. Auf das Backblech legen. Dann mit Kürbis einzuschmieren. Dann Krümel machen. / Перевод: Раскатать тесто скалкой. Положить на противень. Затем смазать тыквой. Затем сделать крошки.

Иногда в побудительных предложениях встречаются конструкции Infinitiv + lassen. По мнению некоторых исследователей, она используется затем, чтобы подчеркнуть, что действие происходит независимо от адресата [Филиппов, 2003].

Dialekt: Knoweloch fein verschneide und in Pri nei schiede, nort las stehe halve Stunde. / Hochdeutsch: Schneide fein den Knoblauch und füge in die Brühe hinzu, lass dann eine halbe Stunde stehen. / Перевод: Мелко порежь чеснок и добавь в бульон, затем оставь на полчаса.

Встречаются также предложения с глаголом в императиве:

Dialekt: Nort koche Nudel in Top, raus mit Scheber. Nudel in die Pan nei, overdruf Keis schneide. / Hochdeutsch: Koche dann die Nudeln im Kochtopf, lege die Nudeln in die Pfanne, schneide oben den Käse. / Перевод: Затем свари лапшу в кастрюле, положи лапшу на сковороду, нарежь сверху сыр.

В записанных рецептах представлены и немногочисленные примеры употребления глаголов в презенсе:

Dialekt: Wie viel host du Speck, immer so drauf leiche und wieder salze. / Hochdeutsch: So viel Speck hast, lege immer so darauf und salze wieder. / Перевод: Сколько имеется сала, клади сверху и соли.

Окончание глагола *host* совпадает, как видим, с окончанием глагола *hast* (во 2 лице ед. ч.) в литературном немецком языке. Имеются также предложения в перфекте, образованные при помощи глагола *sein* и причастия II.

Dialekt: Wenn es gekocht ist, abschiede Wasser. / Hochdeutsch: Wenn es gekocht hat, gieße das Wasser ab. /
Перевод: Если сварилось, слей воду.

Употребление вспомогательного глагола «sein» не совпадает с литературной нормой.

Но возможности составить полную парадигму спряжения глаголов нет, поскольку другие видовременные формы не зафиксированы.

В результате лингвистического анализа кулинарных рецептов выявлен также ряд отклонений от нормы немецкого литературного языка на фонетическом и лексическом уровнях.

На фонетическом уровне отмечены следующие особенности в области вокализма.

- Дифтонгизация *ē*, *ō*, *ö* всех типов, например, *ē* > *ei*: *Keis* / *Käse* / сыр, *ö* > *ei* *schein* / *schön* / красивый, *ō* > *ou* *Brout* / *Brot* / хлеб, *rot* / *roud* / красный. Дифтонг *ei* представлен в более открытом варианте /ai/: *mein*, *zwei*, *drei*, *Fleisch*, *Teich*, *Prei*.

- Монофтонгизация средневерхнемецкого дифтонга *ei* в расширенный вариант *a*: *Flasch*.

- Расширение свн. дифтонга среднего уровня *ei*, т. е. на форму, закрепленную в немецком литературном языке, *ei* > *ai*: *Eier*, *Fleisch*.

- Деллабиализация губных гласных, например, *finf* / *fünf* / пять, *dinn* / *dünn* / тонко, *rieren* / *rühren* / перемешивать, *Gorke* / *Gurke* / огурец, *Schissel* / *Schüssel* / миска.

- Редукция гласных: *wenig* → *weng*, *Sup* → *Suppe*.

В области консонантизма информанты также демонстрируют ряд характерных особенностей. Наблюдается:

- спирализация «b» в интервокальной позиции и после сонорных согласных *r*, *l* в середине слова, например, *halwe* / *halbe* / половина, *Riewe* / *die Rübe* / свекла, *reiw* / *reibe* / тереть, *Knoweloch* / *der Knoblauch* / чеснок, *Zwiwel* / *die Zwiebel* / лук;

- ассимиляция согласных, а именно переход *s* > *š* в группе согласных – *rst*, например: «Worscht» *Wurst*;

- второе передвижение согласных, оглушение звонких взрывных (*b*, *d*, *g* → *p*, *t*, *k*), например: *Brei* → *Prei*, *Bline* → *Pline*. Глухой смычной /*p*/ переходит в аффрикату /*pf*/: *Kop* > *Kopf*, *Pewer* > *Pfeffer*, *Top* > *Topf*;

- озвончение интервокальных спирантов после долгого гласного и дифтонга, как в *der Kaffe* / *der Kawe* / кофе, *Kartowel* / *die Kartoffel* / картофель;

- озвончение *s* в начале и в середине слова перед гласными: *zait* / *seid*, *zint* / *sind*, *zol* / *soll*;

- веляризация *l* перед смычными согласными в исходе и в начале слова: *kaltes*, *alles*, *Kastrol*.

Лексические характеристики кулинарных рецептов российских немцев определяются его функциональной направленностью, а также их принадлежностью к устно-разговорной сфере. При этом они обладают смешанным характером, так как находится в условиях иноязычного окружения. Вместе с тем в рассмотренных рецептах наблюдается постоянство лексического состава. Их тексты предсказуемо насыщены глаголами действия, существительными, обозначающими ингредиенты и кухонный инвентарь, а также характеризующими их прилагательными и причастиями.

Диалектальные и лингвокультурные особенности, ярко характеризующие особенности режима питания информантов, проявляются уже в самих наименованиях блюд: *Kartowelstieger* / *Salzkartoffeln* / отварной картофель, *Worscht* / *Wurst* / колбаса, *Kleis* / *Klöße* / клецки, *Kjarwuskuchen* / *Kürbiskuchen* / тыквенный пирог, *Krienel* / *Kalatschi* / калачи, *Kaller* / *Gallert* / студень, *Pri* / *Brühe* / бульон, *Proude* / *Braten* / жаркое, *Stambus* / *Kartoffelpüree* / картофельное

пюре, Plutzkartowel / Bratkartoffeln / жареный картофель. Примеры приведены в следующем порядке: (Dialekt / Hochdeutsch / Перевод).

Анализ диалектных записей позволил установить не только структурно-композиционные отличия «народного» кулинарного рецепта от эталонного книжно-письменного, но и дает возможность выявить пути заимствования, определить основные экстралингвистические и лингвистические факторы влияния на формирование данного типа текста.

Анализ лексических единиц показал, что в текстах кулинарных рецептов присутствуют заимствования из контактного русского языка. Большинство заимствований в бытовой сфере было вызвано необходимостью выразить новые понятия, возникшие в процессе общения с носителями другого языка [Фролова, 1999]. Примерами заимствованных блюд, пришедших через русский язык и укоренившихся в речи и в питании бывших поволжских немцев, являются по данным наших диалектных записей die Knoblauchpampuschken (чесночные пампушки), der Plow (плов), der Kwas (квас), das Halwa (халва), die Adshika (аджика), die Manti (манты), das Piregeljen (пирог), das Warenje (варенье), der Beschbarmak (бешбармак), der Preinik (пряник), die Warenik (вареники), die Lepeschka (лепешка) die Ärbuse (арбузы), die Pomidore (помидоры), die Wermischelle (вермишель).

Перечень показывает, что данные кулинарные заимствования из русского языка представляют собой след межкультурных связей немецких переселенцев с другими народами, хотя и не всегда можно сказать, в какой момент то или иное заимствование имело место.

Представляется, что основным путем заимствования кулинарных рецептов являлись заимствования при непосредственных контактах с носителями языка окружения. Русская и нерусская лексика (ср. *манты, плов, халва*) ассимилируется и максимально приближается к нормам русского произношения. Кроме того, ранее на аналогичном лингвокультурном материале было отмечено, что многие заимствования привязываются к определенным российским регионам, о чем свидетельствуют их фонетические особенности и /или значение. Они обозначают, как правило, объекты действительности, которые были характерны для культуры крестьянства [Москалюк Л. И., Москалюк Г. С., 2013]. Список показывает, что существенное влияние на пищу немецкого населения Сибири оказали русская, украинская, тюркская, казахская кухни.

Анализ морфологических категорий показывает, что в кулинарном рецепте на диалекте преобладают имена существительные (31 %), затем идут глаголы (23 %), существенна доля наречий (10,4 %), что также диктуется спецификой предметной области, тогда как местоимения (3,7 %) и прилагательные (2 %) не имеют большой функциональной плотности. Остальные части речи – числительные, причастия, частицы и союзы – ожидаемо представлены единичными вкраплениями. Использование малого количества числительных и прилагательных объясняется примерным указанием времени приготовления и меры веса, заменой относительных прилагательных словосложением (*Milichsuppe*).

Внутренние законы развития морфологического строя, эмоциональная насыщенность устной речи придают ей ряд своеобразных черт, отличных от литературного языка.

Анализ синтаксиса устных диалектных рецептов показал, что на структуре предложений, как и на композиционной (содержательной) структуре рецепта сказывается, прежде всего, неподготовленность и спонтанность устной речи как таковой, и низкий уровень умений в построении связного устного текста. В текстах кулинарных рецептов задача автора состоит лишь в том, чтобы инструктировать адресата, последовательно выражая ход приготовления блюда.

В речи носителей диалектов российских немцев наблюдается тенденция к нарушению рамочного оформления простого предложения. Среди записанных рецептов часто встречаются синтаксические кальки – предложения, образованные по синтаксическим моделям русского языка.

Влияние русского языка проявляется и в смешении элементов русского языка и немецкого синтаксиса. Формы синтаксического влияния русского языка отображены в табл. 2.

Таблица 2

Формы интерференции русского языка в диалектной речи
немецких информантов

Table 2

Forms of Interference of the Russian Language in Dialect Speech
German Informants

Признак	Примеры	
Нарушение рамочной конструкции	Предложения повелительного наклонения	Schnitze mit Wasser koche. / Koche das Dürrobst im Wasser. / Свари сухофрукты в воде.
	Конструкция: модальный глагол + инфинитив	Kann mer mit Hingelfleisch, Gänsefleisch, Milch kochen, wie der wollt. / Man kann mit Hühnerfleisch, Gänsefleisch, Milch kochen, wie man wünscht. / Можно готовить с курицей, гусиным мясом, молоком, как хочется.
Наличие синтаксических калек	Образование по модели русского языка	Und kann mer esse. / Und man kann essen. / И можно есть.
Смешение элементов русского и немецкого синтаксиса	Предложение начинается со слова <i>nort</i> (потом) как в русском языке	Nort die Stiegeljen von den Teich koche, Lorbenblätter kann mer dran, nort raus mit Scheber, in die Schießel nei. / Koche dann die Teigrauten, Lorbeerblätter kann man hinzufügen. Nimm dann mit Durchschlag heraus, gib in die Schüssel hinzu. / Затем сварь нарезанные ромбы из теста, можно добавить лавровый лист, затем вынуть с помощью дуршлага, добавить в миску.
Оформление безличных предложений по модели русского языка	Опущение безличного местоимения и глагола-связки	Fjartig. / Fertig ist das Ganze. / Всё готово.

Заключение

Кулинарный рецепт российских немцев – лингвокультурный феномен, осуществляющий связь между поколениями и обладающий особыми структурными и лингвистическими признаками. Характерной особенностью кулинарного рецепта на диалекте является нарушение структурной организации рецепта, отсутствие блока с ингредиентами, времени приготовления, факультативной части: подзаголовка и сносок в исследуемых рецептах.

На фонетическом уровне отражены процессы изменения в области вокализма (дифтонгизация, монофтонгизация, расширение дифтонгов, делабиализация гласных, редукция гласных) и консонантизма (ассимиляция согласных, второе передвижение согласных (*b, d, g* → *p, t, k*), озвончение интервокальных спирантов).

Исследуемые рецепты показали высокую степень интерференции иноязычного окружения. Лексический уровень характеризуется наличием лексических единиц как немецких, так и заимствованных, имеет многие признаки современного разговорного языка. Большинство заимствований представляют собой след межкультурных связей немецких переселенцев с носителями языка окружения. Исследование наименований блюд способствовало раскрытию особенностей лингвокультуры российских немцев, степени влияния иноязычного окру-

жения. Диалектальные и лингвокультурные особенности проявляются и в самих наименованиях блюд, обозначающих национально-культурные реалии российских немцев.

Отличительной чертой текста кулинарного рецепта российских немцев являются грамматические категории. Анализ морфологических особенностей показал, что в кулинарном рецепте на диалекте преобладают имена существительные, глаголы, прилагательные, причастия, а также наречия и предлоги, при редком употреблении числительных, частиц и союзов. Количественное распределение частей речи не совпадает с закономерностями их распределения в литературном немецком языке. Диалектными особенностями глагольной системы в кулинарных рецептах являются отсутствие видовременных форм глаголов, выпадение глагола связки, немногочисленные примеры употребления глаголов в презенсе.

Реализация кулинарных рецептов в устной речи приводит к нарушению определенных синтаксических правил. Результатом влияния русского языка является смешение русского и немецкого синтаксиса, оформление безличных предложений по модели русского языка, наличие синтаксических калек. Неподготовленность и спонтанность, эмоциональная насыщенность устной речи сказывается не только на структуре рецепта, но и на структуре предложений.

Таким образом, анализ кулинарных рецептов российских немцев продемонстрировал характер изменений их структурных и языковых компонентов, факторы и степень влияния иноязычного окружения. Выявленные структурные и лингвистические отличия от текстов литературного немецкого языка проявляются на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях.

Список литературы

- Буркова П. П.** Кулинарный рецепт как особый тип текста (на материале русского и немецкого языков): Дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2004. 212 с.
- Кантурова М. А.** Образование вторичного речевого жанра как деривационный процесс (на примере речевого жанра кулинарного рецепта) // Сибирский филологический журнал. 2011. № 2. С. 222–226.
- Крапоткина И. Е.** Устные источники и их значение в современных исследованиях // Российские немцы: вопросы языка, культуры и самоидентификации: Сб. ст. / Науч. ред. Д. А. Салимова, Ю. Ю. Данилова. Казань: Школа, 2016. 138 с. URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения 09.01.2018).
- Лазутина Г. В.** Основы творческой деятельности журналиста: Учеб. пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2001. С. 65.
- Москалюк Г. С.** Становление типа текста «Кулинарный рецепт» (на материале немецкоязычных кулинарных собраний XIV–XVI вв.): Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 260 с.
- Москалюк Л. И., Москалюк Г. С.** Заимствования из русского языка в сфере кулинарии в островных немецких диалектах // Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. 9. 2013. Вып. 3. С. 187–196.
- Москалюк Л. И., Трубавина Н. В.** Островная немецкая диалектология: Учеб. пособие. Барнаул: АлтГПА, 2014. 144 с.
- Нечаев К. А.** Сообщения экономического содержания в немецкой прессе: типологические особенности малоформатных текстов: Дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1999.
- Филиппов К. А.** Лингвистика текста. Курс лекций. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. 336 с.
- Фролова Н. А.** Специфика развития островных говоров в условиях немецко-русского билингвизма (на материале говоров деревни Гебель Камышинского района Волгоградской области): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1999. 169 с.

- Anders, C. A.** Wahrnehmungsdialektologie: das Obersächsische im Alltagsverständnis von Laien. Berlin, de Gruyter, 2010, 466 S.
- Deminger, S.** Spracherhalt und Sprachverlust in einer Sprachinselsituation: Sprache und Identität bei der deutschen Minderheit in Ungarn. Frankfurt am Main, Peter Lang, 2004, 231 S.
- Dinges, G.** Über unsere Mundarten Text. In: Beiträge zur Heimatkunde des deutschen Wolgagebiets. Pokrowsk, Nemgosisdats, 1923, S. 60–72.
- Neckvapil, J.** Sprachbiographien und Analyse der Sprachsituation: zur Situation der Deutschen in der Tschechischen Republik. In: Leben mit mehreren Sprachen: Sprachbiographien. Bern, Peter Lang, 2004, S. 147–172.
- Nemeth, A.** Dialekt, Sprachmischung und Spracheinstellungen: am Beispiel der deutscher Dialekte in Ungarn. Tübingen, Narr, 2010, 246 S.
- Socin, A.** Schriftsprache und Dialekte im Deutschen nach Zeugnissen alter und neuer Zeit: Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache. Hildesheim, Olms, 1970 (1888), 544 S.

References

- Anders, C. A.** Wahrnehmungsdialektologie: das Obersächsische im Alltagsverständnis von Laien. Berlin, de Gruyter, 2010, 466 S.
- Burkova, P. P.** Culinary recipe as a special type of text (by the material of Russian and German languages). Diss. ... Cand. Philol. Sciences. Stavropol, 2004, 212 p. (in Russ.)
- Deminger, S.** Spracherhalt und Sprachverlust in einer Sprachinselsituation: Sprache und Identität bei der deutschen Minderheit in Ungarn. Frankfurt am Main, Peter Lang, 2004, 231 S.
- Dinges, G.** Über unsere Mundarten Text. In: Beiträge zur Heimatkunde des deutschen Wolgagebiets. Pokrowsk, Nemgosisdats, 1923, S. 60–72.
- Filippov, K. A.** Linguistic text. Lecture course. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2003, 336 p. (in Russ.)
- Frolova, N. A.** The peculiarities of island dialects in the conditions of the German-Russian bilingualism (based on the dialects of the villages Goebel Kamyshevo district of the Volgograd region). Abstract. diss. ... Cand. Philol. Sciences. Saratov, 1999, 169 p. (in Russ.)
- Kanturova, M. A.** Formation of a secondary speech genre as a derivation process (using the example of a speech genre of a culinary recipe). *Siberian Journal of Philology*, 2011, no. 2, p. 222–226. (in Russ.)
- Krapotkina, I. E.** Oral sources and their importance in modern research. In: Russian Germans: questions of language, culture and self-identification. Collection of articles. Eds. D. A. Salimova, Yu. Yu. Danilova. Kazan, Shkola Publ., 2016, 138 p. (in Russ.)
- Lazutina, G. V.** Fundamentals of the creative activity of the journalist. Textbook for universities. Moscow, Aspekt Press, 2001, p. 65. (in Russ.)
- Moskalyuk, G. S.** Formation of the text type "Culinary recipe" (by the material of the German culinary collections of 14th – 16th centuries). Diss. ... Cand. Philol. Sciences. St. Petersburg, 2005, 260 p. (in Russ.)
- Moskalyuk, L. I., Moskalyuk, G. S.** Borrowings from the Russian language in the field of cooking in the island German dialects. *Vestnik St. Petersburg State University. Series 9*, 2013, iss. 3, p. 187–196. (in Russ.)
- Moskalyuk, L. I., Trubavina, N. V.** Island German dialectology. Textbook. Barnaul, AltSPA Press, 2014, 144 p. (in Russ.)
- Nechaev, K. A.** Messages of economic content in the German press: Typological features of small texts. Diss. ... Cand. Philol. Sciences. Tver, 1999. (in Russ.)
- Neckvapil, J.** Sprachbiographien und Analyse der Sprachsituation: zur Situation der Deutschen in der Tschechischen Republik. In: Leben mit mehreren Sprachen: Sprachbiographien. Bern, Peter Lang, 2004, S. 147–172.

- Nemeth, A.** Dialekt, Sprachmischung und Spracheinstellungen: am Beispiel der deutscher Dialekte in Ungarn. Tübingen, Narr, 2010, 246 S.
- Socin, A.** Schriftsprache und Dialekte im Deutschen nach Zeugnissen alter und neuer Zeit: Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache. Hildesheim, Olms, 1970 (1888), 544 S.

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
01.07.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Корбмахер Татьяна Владимировна, старший преподаватель Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета (пр. Свободный, 82А, Красноярск, 660041, Россия)

Tatyana V. Korbmakher, Senior Lecturer, School of Philology and Language Communication, Siberian Federal University (82A Svobodny Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation)

korbmacher14@mail.ru
ORCID 0000-0002-3742-3045

Особенности предложений качественной характеристики в русском и немецком языках

И. И. Бакайтис

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Статья посвящена сопоставительному исследованию предложений, в которых реализуется пропозиция качественной характеристики, и их переводу с русского на немецкий и с немецкого на русский языки. Среди причин изменений при переводе подобных предложений, как нам представляется, возможен тот факт, что стандартные схемы характеристики в русском и немецком языках имеют разный семантический потенциал, т. е. смыслы, которые имплицитно могут быть представлены в структуре характеристики одного языка, не могут быть выражены аналогичной структурой в другом. Цель исследования – выявить, насколько тождественными являются структуры характеристики в русском и немецком языках с точки зрения семантического потенциала. Для достижения данной цели в исследовании анализируются причины изменений при выражении качественной характеристики в переводе. Мы применяем структурно-семантический подход при сопоставительном рассмотрении русских и немецких предложений качественной характеристики. Новизна исследования состоит в том, что мы прослеживаем процесс формирования данной семантики в нестандартных для нее структурах, а также то, каким образом в рассматриваемых предложениях выражается или сохраняется экспрессивность. В исследовании мы использовали метод сплошной выборки предложений и их переводов из Национального корпуса русского языка. Структурно-семиотический метод позволил проследить процесс формирования семантики характеристики в структурах, которые, как правило, используются для выражения других смыслов. Контекстологический и сравнительно-сопоставительный методы позволили выявить причины изменений при переводе, а метод количественного анализа – частотность переводческих трансформаций. С помощью подстрочного и обратного переводов были показаны различия в структуре и семантике оригинальных и переводных предложений. Мы выявили, что пропозиция качественной характеристики выражается в переводах нестандартно лишь в небольшом проценте случаев, что обусловлено в основном различием стилистических норм языков, а в некоторых случаях – различием семантического потенциала структуры характеристики: в отдельных случаях русская структура способна имплицитно выражать метафоричность представленного в ней признака, что в немецком переводе требует экспликации, а соответственно, и изменения способа выражения. Среди семантических изменений, сопровождающих замену структуры, мы выявили снижение категоричности признака, создание более «живого» образа, интенсификацию признака, усиление статичности признака; приближение читателя к точке зрения рассказчика.

Ключевые слова

русский язык, немецкий язык, перевод, качественная характеристика, изменение структуры, изменение семантики

Для цитирования

Бакайтис И. И. Особенности предложений качественной характеристики в русском и немецком языках // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 4. С. 49–62. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-4-49-62

Attributive Characterization Sentences in Russian and German

Igor I. Bakaytis

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

One of the reasons for changes in translation of such sentences, as it seems to us, is the fact that standard characterization schemes in Russian and German have different semantic potentials, that is, meanings that can be implicitly repre-

sented in the characterization structure of one language cannot be rendered by a similar structure in another. The purpose of this contrastive study is therefore to find out how identical the characterization structures in Russian and German are from the point of view of semantic potential. To achieve this goal, we analyze the causes of changes in rendering attributive characterization in translation. We apply a structural-semantic approach in a comparative examination of Russian and German proposals for qualitative characterization. The novelty of the study is that we trace the process of this semantics' formation in their non-standard structures, as well as in how expressivity is realized or maintained in the reviewed sentences. In the study, we used the method of continuous sampling of sentences and their translations from the Russian Language National Corpus. The structural-semiotic method allowed us to trace the process of characterization semantics formation in structures, which are usually used to express other meanings. Contextual and comparative methods allowed us to identify the causes of changes in the translation, and the method of quantitative analysis – the frequency of translation transformations. Using interlinear and reverse translations, differences in the structure and semantics of the original and translated sentences were shown. We found that the proposition of attributive characterization is expressed in a non-standard way in translations only in a small percentage of instances, which is mainly due to the difference in the stylistic norms of languages, and in some cases, to the difference in the semantic potential of the characterization structure. In particular cases, the Russian structure is capable of implicitly expressing the metaphor of the feature presented in it, which in the German translation requires explication, and, accordingly, a change in the way of its rendering. Along with the semantic changes accompanying the substitution of the structure, we revealed a decrease in the categorization of the attribute, creation of a more “lively” image, intensification of an attribute, strengthening of its static character, putting the reader closer to the point of view of the narrator.

Keywords

Russian, German, translation, attributive characterization, structural changes, semantic changes

For citation

Bakaytis, Igor I. Attributive Characterization Sentences in Russian and German. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 4, p. 49–62. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-4-49-62

Статья посвящена сопоставительному исследованию предложений, в которых реализуется пропозиция качественной характеристики, и их перевода с русского на немецкий и с немецкого на русский языки. Пропозиция качественной характеристики выражает отношение, при котором конкретному предмету или факту приписывается единичный и постоянный признак, например: *Море за окном было черным; Трава рядом с домом сочная и зеленая*. Стандартным способом выражения пропозиции качественной характеристики в русском языке является типовая синтаксическая структура (ТСС) $N_1^{Descr} [(cop) Adj_{1/5}]^{Qlt}$, где N_1 – это позиция подлежащего-субъекта в форме именительного падежа, (cop) – факультативная позиция глагола-связки, $Adj_{1/5}$ – именная часть предиката-кавалитатива, выраженная именем прилагательным в форме именительного или творительного падежа. В немецком языке ей соответствует структура $N_1^{Descr} [cop Adj_1]^{Qlt}$, где подлежащее-субъект и прилагательное-предикат могут употребляться только в именительном падеже, а связочный глагол является обязательным, например *Das Haus war groß* (букв. ‘Дом был большой’).

К стандартному выражению качественной характеристики мы также относим предложения с семантическим дублетом подлежащего *человек (Mensch)*, *девушка (Mädchen)*, *мужчина (Mann)* и т. п., например: *Он был веселым человеком. Sie war ein gebildetes Mädchen* (‘Она была образованной девушкой’).

Предметом нашего исследования являются русские и немецкие элементарные простые предложения (далее ЭПП), в которых реализована пропозиция качественной характеристики. Под ЭПП понимается «минимальная знаковая, т. е. двусторонняя, единица уровня предложений, имеющая план выражения и план содержания, которые взаимно обуславливают друг друга» [Черемисина, 1998. С. 8]. При анализе мы придерживаемся концепции, при которой планом выражения ЭПП считается типовая синтаксическая структура (далее ТСС). Типовые структуры являются регулярно воспроизводимыми единицами, компоненты которых могут быть замещены в предложении различными способами. Каждому типу ТСС соответствует

¹ «ТСС представляют собой устойчивые синтаксические построения с прототипическими значениями, своего рода “синтаксические примитивы”» [Кошкарева, 2007].

тип пропозиции, который, как правило, выражается с помощью данной ТСС. Однако пропозиция, являясь асимметричным языковым знаком [Карцевский, 2001], может быть представлена и с помощью не соответствующего ей типа ТСС; в таком случае речь идет о неизосемической (нестандартной) реализации пропозиции.

Новизна нашего исследования обусловлена тем, что мы рассматриваем, каким образом в оригинальных и переводных предложениях качественной характеристики выражается и сохраняется экспрессивность, а также прослеживаем формирование семантики качественной характеристики в синтаксических структурах, учитывая все их компоненты, и делаем это на материале не только русского, но и немецкого языков. В немецкой лингвистике есть работы, где рассматриваются только особенности предикативного прилагательного, вне структурно-семантического подхода [Haspelmath, 1994, Engel, 1996, Berger, 2005]. Есть также исследования, посвященные моделям предложений как носителям определенной привязанной к ним семантики, однако при этом не рассматривается сам процесс формирования того или иного смысла в структуре [Erben, 1966; Brinkmann, 1971; Admoni, 1986; Helbig, Buscha, 1996].

Рассмотрение оригинальных и переводных предложений как структур, взаимосвязанных с семантикой, обуславливает новизну исследования и с точки зрения переводоведения. В теориях немецкого переводоведения выделяется понятие текста как макрознака, смысл которого определяется семантикой составляющих его единиц. В одних случаях, однако, упор делается на рассмотрении текста как единицы коммуникации, интегрированной в определенную ситуацию общения (см. [Каде, 1978; Егеп, 1978; Holz-Mänttari, 1984; Nord, 1988; Reiss, 2000] и др.). В других, при утверждении равнозначности макро- и микроанализа, исследование не проводится через синтаксическое моделирование [Hönig, 1991]. Анализ синтаксических структур не включается и при прослеживании процесса перевода через вербализированные мысли переводчика [Lörscher, 1991; Kurz, 1994].

На первом плане в нашем исследовании находится, однако, контрастивный анализ, который, в отличие от переводческого, предполагает не оценку интерпретации оригинального текста с точки зрения правильности, адекватности и т. п., а сопоставление структур в обоих языках с лингвистической точки зрения (см. [Гак, 1979]).

Согласно исследованиям контрастивистов, русский и немецкий языки в целом обладают одинаковыми средствами выражения синтаксических категорий; различия практически во всех случаях имеют формально-структурный характер [Зеленецкий, 1983. С. 234; Анохина, 2012. С. 123]. Например, в немецком языке, где имеет место закрепно-напряженный строй предложения, слово является менее самостоятельным, чем в русском с его атомарно-собранным строем. В немецком предложении обязательно наличие всех компонентов синтаксической модели, в то время как в русском допускается опущение определенных компонентов предикативного сочетания [Анохина, 2012. С. 124–126]. Немецкие предложные группы в качестве предикатива могут не иметь соответствия в русском языке, например *Die Sache ist von Wichtigkeit* – ‘Это дело важное’ (букв. ‘Это дело – важности’) [Там же. С. 142]. Кроме того, в русском и немецком языках могут использоваться разные части речи для наименования одной и той же ситуации, что также обусловлено нормами стилистики данных языков, например *Материал мягок на ощупь* – ‘Dieser Stoff faßt sich weich an’ (букв. ‘Этот материал трогается мягко’); *Ее пение приятно слушать* – ‘Ihr Singen hört sich angenehm an’ (букв. ‘Ее пение слушается приятно’) [Абрамов, 2004. С. 262].

Мы выдвигаем гипотезу, согласно которой различия в реализации функции характеристики могут быть также связаны с особенностями семантического потенциала стандартной структуры качественной характеристики в русском и немецком языках, иными словами, с невозможностью выразить определенные имплицитные смыслы, представленные в одном языке с помощью симметричной структуры в другом. Исследование позволит подтвердить наличие различий в семантике структуры качественной характеристики в обоих языках, либо, наоборот, доказать их тождество.

Материалом для исследования послужили русские и немецкие предложения качественной характеристики из Национального корпуса русского языка (НКРЯ, www.ruscorpora.ru), построенные по стандартным структурам, и их переводы.

Мы отобрали 270 примеров (135 – на русском языке, 135 – на немецком) с переводами из параллельного русско-немецкого корпуса методом сплошной выборки. Поиск осуществлялся по параметру **существительное и его эквиваленты в Им. п.** – на расстоянии 1–3 от глагола *быть* / *sein* в любой форме – на расстоянии 1–3 от **прилагательного в Им. п.** (также **Тв. п.** для русского языка), а также по вариантам данного параметра, включающим использование других глаголов вместо *быть* / *sein*, отсутствие связки *быть* в настоящем времени в русском языке, а также использование краткой формы прилагательного в русском языке.

1. Особенности перевода предложений качественной характеристики с русского на немецкий язык

Проанализировав материал, мы выявили, что семантика качественной характеристики при переводе с русского на немецкий язык в наших примерах сохраняется во всех случаях. Однако в 19 % примеров семантика качественной характеристики передается с помощью структур, предназначенных для выражения других типов пропозиций. В 6 % примеров семантика характеристики переводится с помощью конструкции обладания (*jemand / etwas hat etwas* ‘кто-то / что-то имеет что’):

Оригинальный русский текст	Немецкий перевод	Подстрочный перевод немецкого текста ²
...Вся фигура Платона... была круглая, голова была совершенно круглая... [Л. Н. Толстой. Война и мир (том 4) (1865–1869)].	...Die ganze Gestalt Platons... hatte etwas Rundliches. Der Kopf war vollkommen rund [Lew Tolstoi. Krieg und Frieden (4. Band) (Hermann Röhl, 1922)].	Вся фигура Платона имела что-то округлое. Голова была совершенно круглая.

В оригинальном тексте фигура Платона описывается с помощью прилагательного *круглая*. В переводе данное описание заменяется конструкцией *hatte etwas Rundliches* ‘имела что-то округлое’ (= ‘в ней было что-то округлое’). Семантика качественной характеристики в структуре обладания формируется за счет нестандартного заполнения позиции принадлежащего кому-то объекта. Как правило, данная позиция заполняется именем предметной семантики, например, *Sie hat ein Heft* (букв.: ‘Она имеет **тетрадь**’). Однако в данном случае позиция объекта замещается сочетанием, выражающим признак *etwas Rundliches* ‘что-то округлое’, в результате чего происходит метафорический перенос семантики обладания в сферу качественной характеристики.

В предложениях типа **etwas + Adj + haben** ‘что-то + *прилагательное* + иметь’ выражаются модусные смыслы, ориентированные на снижение категоричности признака. В подобных примерах повествование осуществляется от лица рассказчика, выражающего неуверенность или не желающего давать определенную, прямолинейную характеристику, наделять субъект признаком в полной мере. Таким образом, переводчик «смягчает» описание, представленное в оригинальном тексте. Несмотря на то, что в русском варианте признак представлен как категоричный, т. е. в примере отсутствуют показатели небольшой интенсивности³ признака,

² Перевод немецкого текста выполнен нами.

³ Интенсивность – «потенциальная способность актуализировать представления субъекта о высокой степени меры реального явления или признака, присущего предмету как его свойство или приписываемого ему» [Лукьянова, 1986. С. 56].

описание «смягчено» за счет очевидности своей экспрессивной окраски⁴. Нельзя сказать, что фигура Платона на самом деле имеет форму шара, так как это невозможно физически; его телосложение только напоминает Пьеру шар. Данный смысл и эксплицирован переводчиком в немецком тексте. Уменьшив экспрессивность, автор немецкого текста вместо этого акцентирует внимание на том, что признак проявляется не в полной мере. При этом далее следует перевод, в котором сохраняется оригинальная степень интенсивности признака (*Der Kopf war vollkommen rund* 'Голова была совершенно круглая'). Можно сделать вывод, что переводчик, указав на ослабление признака в первом компоненте описания, посчитал нужным не делать этого далее, так как читателю понятно, что уменьшение экспрессивности распространено на всю характеристику персонажа.

В 3 % случаев (4 из 135) для выражения качественной характеристики переводчик использует стательную структуру **jemand tut etwas** 'кто-то делает что-то':

Оригинальный русский текст	Немецкий перевод	Подстрочный перевод немецкого текста
Скатерть была чистая, посуда блестящая [Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы (ч. 1–2) (1878)].	<i>Das Tischtuch war rein, das Geschirr glänzte</i> [Die Brüder Karamasow (1.-2. Teile). Fjodor Dostojewski (Hermann Röhl, 1924)].	Скатерть была чистая, посуда блестела .

В оригинальном тексте посуда описана с помощью прилагательного *блестящая*, в переводе – при помощи стательного глагола *glänzte* 'блестела'. Переводная стательная структура приобретает значение качественной характеристики за счет того, что с помощью глагола *glänzen* ('блестеть') выражается не столько действие, сколько внешний признак. Описание, выраженное глаголом, обладает большей динамичностью, чем характеристика, представленная прилагательным или другими именными частями речи. Вероятно, переводчик использовал глагол, чтобы сделать описание более «живым» и ярким, поскольку в тексте рассказчик выражает восхищение по поводу роскошно сервированного стола.

В 3 % случаев вместо структуры качественной характеристики в переводе используется акциональная конструкция **jemand + Verb + jemanden / etwas** 'кто-то + глагол + кого-то / что-то':

Оригинальный русский текст	Немецкий перевод	Подстрочный перевод немецкого текста
...Нумер газеты был прошлогодний, а из чернильницы, если обмакнуть в нее перо, вырвалась бы разве только с жуужжаньем испуганная муха [И. А. Гончаров. Обломов (1859)].	<i>...Die Zeitung wies ein vorjähriges Datum auf, und wenn man die Feder ins Tintenfaß gesteckt hätte, so wären höchstens erschrockene, summende Fliegen herausgeschwirrt</i> [Oblomow. Ivan Gončarov (Clara Brauner, 1960)].	Газета показывала прошлогоднюю дату (= на газете была прошлогодняя дата)...

В данном примере описание газетного номера *прошлогодний* заменено в переводе образным выражением *wies ein vorjähriges Datum auf* 'показывала прошлогоднюю дату'. Формально выражение имеет акциональную структуру, однако семантически в нем реализована позиция качественной характеристики за счет метафорического переноса значения.

⁴ Экспрессивность составляют такие компоненты, как интенсивность, образность, эмотивность и эмотивная оценка [Лукиянова, 2015].

Акциональность предполагает наличие субъекта, совершающего активное действие над кем-то или чем-то. В данном случае, однако, субъектом является неодушевленный предмет (газета), вследствие чего акциональная семантика утрачивается: высказывание **кто-то показывает что-то кому-то** приобретает смысл **на чем-то написано что-то, что видно кому-то**. В данном случае на газете написана прошлогодняя дата, что характеризует ее как старую, под стать обстановке. Употребление в переводе образного выражения, построенного по акциональной схеме, в некоторой степени олицетворяет газету, предполагает наличие позиции наблюдателя, воспринимающего лица. Таким лицом является персонаж, который смотрит на газету, а вместе с ним и читатель. Последний, таким образом, в какой-то степени сближается с лицом, рассматривающим обстановку.

В 2 % случаев вместо структуры качественной характеристики в немецком тексте используется таксономическая структура **jemand / etwas ist jemand / etwas** ‘кто-то/что-то является кем-то/чем-то’:

Оригинальный русский текст	Немецкий перевод	Подстрочный перевод немецкого текста
<i>Они с Медыни были, городские</i> [В. Г. Сорокин. Лед (2002)].	<i>Sie waren aus Medyn, Städter also</i> [Vladimir Sorokin. Ljod. Das Eis (Andreas Tretner, 2005)].	Они были из Медыни, таким образом, горожане .

В оригинальном примере люди охарактеризованы прилагательным *городские*, то есть проживающие в городе; в немецком тексте в качестве описания используется существительное *Städter* ‘горожане’. Предложение в переводе построено по структуре таксономической характеристики, с помощью которой, как правило, выражается вписывание в класс. То, что девушки были из города, позволяет отнести их к классу горожан, однако семантика качественной характеристики формируется в высказывании за счет того, что в данном контексте принадлежность девушек к городу является их отличительным признаком. Они рассказывают о своей жизни; тот факт, что они выросли не в сельской местности, противопоставляет их другим людям, которых вместе с этими девушками держали в немецком плену. Использование существительного позволяет субстантивировать признак и сделать его более статичным, чем описание, выраженное прилагательным. Девушки, таким образом, описываются как принадлежащие классу горожан, а отнесенность к классу, как правило, является перманентным признаком. Вневременная локализация признака, тем самым, в переводе представлена более акцентированно, а вместе с ней и контрастивность описания девушек по отношению к остальным людям в плену.

В 1 % примеров при переводе использована структура сравнения **jemand / etwas ist + Adj_{comp}⁵ + als jemand/etwas** (‘кто-то / что-то является + Adj_{comp} + чем кто-то / что-то’):

Оригинальный русский текст	Немецкий перевод	Подстрочный перевод немецкого текста
<i>Одежда ее по меркам мясных машин была бедной</i> [В. Г. Сорокин. Путь Бро (2004)].	<i>Ihre Kleider allerdings waren nach Fleischmaschinenmaßstäben mehr als armselig</i> [Vladimir Sorokin. Bro (Andreas Tretner, 2007)].	Ее одежда , тем не менее, была , по меркам мясных машин, более чем скудной .

В оригинальном русском тексте одежда характеризуется прилагательным *бедная*, переведенное сочетанием *mehr als armselig* ‘более чем скудная’. Немецкое предложение построено

⁵ Прилагательное в сравнительной степени.

по структуре сравнения, однако в ней за счет определенных изменений в построении данной структуры реализуется семантика качественной характеристики. Структура принимает здесь вид **etwas ist + mehr als + Adj** ‘что-то является + более чем + *прилагательное*’. В результате сравнивается не субъект, а его признак. Подобная трансформация конструкции используется для «усиления» описания. В тексте рассказывается о «горбатой мясной машине», которая из всех сил пыталась понравиться определенной группе персонажей, однако это было сложно, в том числе из-за ее одежды. Чтобы сделать на этом акцент, переводчик увеличивает в своем тексте интенсивность признака – убогости внешнего вида мясной машины.

2. Особенности перевода предложений качественной характеристики с немецкого языка на русский

При переводе с немецкого языка на русский семантика качественной характеристики сохраняется в 99 % случаев.

В 15 % примеров семантика качественной характеристики остается в переводе, однако передана она с помощью структур, предназначенных для выражения других типов пропозиций.

В 4 % примеров структура качественной характеристики в переводе заменяется на структуру существования (**где-то есть что-то**):

Оригинальный немецкий текст	Подстрочный перевод ⁶	Литературный перевод
– ... <i>Nun ist es Zeit, nun die Liebesgeschichte mit Entscheidung. Oder ist es nicht so schlimm?</i> – <i>Eine Geschichte mit Entscheidung ist nie schlimm</i> [Theodor Fontane. Effi Briest (1894–1895)].	...История с самоотречением никогда не (бывает) плоха.	– <i>А теперь, Эффи, расскажи нам историю о любви с самоотречением. Если нет в этом ничего дурного.</i> – <i>В историях о любви с самоотречением никогда не бывает ничего дурного</i> [Теодор Фонтане. Эффи Брист (Г. Эгерман, Ю. Светланов, 1960)].

В немецком тексте существительное *eine Geschichte* ‘история’ охарактеризовано с помощью прилагательного с отрицанием *nie schlimm* ‘никогда не плоха’. В переводе же использована конструкция **в чем-то есть что-то**, которая обычно используется для выражения бытийной семантики. Качественная характеристика в структуре существования формируется за счет того, что позиция наличествующего субъекта замещена не именем с предметной семантикой, что является стандартным для данного типа структур, а сочетанием *ничего дурного* с описательным значением. В свою очередь, позиция локатива, т. е. места, пространства, где находится кто-то или что-то, заполняется сочетанием *в историях о любви с отречением* с семантикой «субъект – носитель признака, выраженного именами качества или состояния» [Золотова, 2006. С. 303]. В таких конструкциях как **в ком / чем есть что-то какое, в ком / чем нет ничего какого**, используемых для характеристики, присутствует модус, снижение категоричности признака. Автор перевода, таким образом, «смягчает» описание, за счет чего эксплицирована подразумеваемая в оригинальном тексте мысль, что кто-то может посчитать истории о любви плохими. Смысл, выраженный в оригинальном тексте, сохраняется и при *формально эквивалентном* переводе (термин Ю. Найды), что свидетельствует об одинаковой семантике русской и немецкой структуры характеристики в данном

⁶ Подстрочный перевод выполнен нами.

примере: *Истории о любви с самоотречением никогда не бывают плохими*. Однако при таком переводе нарушается задуманный автором лексический повтор – одинаковые окончания реплик двух персонажей. Данную стилистическую фигуру стремится сохранить автор перевода (ср. повторение слова *schlimm* ‘плохо, плохой’ в оригинале и сочетания *ничего дурного* в переводе).

В 3 % переводных примеров для выражения семантики качественной характеристики используется структура принадлежности (**кто-то / что-то кого-то / чего-то**):

Оригинальный немецкий текст	Подстрочный перевод	Литературный перевод
<i>Ich besah mir nun die beiden Maler genauer bei der Morgendämmerung. Der eine, Herr Leonhard, war groß, schlank, braun, mit lustigen, feurigen Augen</i> [Josef von Eichendorff. Aus dem Leben eines Taugenichts (1826)].	Один из них, господин Леонгард, был высокий...	<i>Теперь, в утреннем свете, я мог лучше разглядеть обоих художников. Один из них, господин Леонгард, был высокого роста, стройный, темноволосый; взгляд у него был веселый, пламенный</i> [Йозеф фон Эйхендорф. Из жизни одного бездельника (Д. Усов, 1933–1935)].

В примере из немецкого языка господин Леонгард характеризуется с помощью прилагательного *высокий*, в то время как в переводе оно заменяется словосочетанием с существительным *высокого роста*. Качественная характеристика в примере из русского языка формируется за счет того, что позиция обладателя замещена сочетанием *высокого роста* с описательной семантикой (аналогичные сочетания в русском языке – *средних лет, спортивного телосложения, строгих принципов* и т. п.). Используя для характеристики существительное, переводчик делает признак более статичным по сравнению с описанием в оригинальном фрагменте. Вместе с тем далее в русском тексте, как и в немецком, характеристика осуществляется с помощью прилагательных. Автор русского текста, таким образом, обозначает статичность только в начале описания, подразумевая, что она распространяется и на следующие признаки. Данный пример можно перевести на русский язык, сохранив оригинальную структуру: *Теперь, в утреннем свете, я мог лучше разглядеть обоих художников. Один из них, господин Леонгард, был высокий, стройный, темноволосый...* Семантика статичности при этом сохраняется.

3 % переводных примеров построены по структуре таксономической характеристики:

Оригинальный немецкий текст	Подстрочный перевод	Литературный перевод
<i>Die eine war besonders schön und jünger als die andere, aber eigentlich gefielen sie mir alle beide</i> [Josef von Eichendorff. Aus dem Leben eines Taugenichts (1826)].	Одна из них была особенно красива и моложе, чем другая...	<i>Одна из дам, помоложе, была настоящая красавица, а впрочем, обе они мне понравились чрезвычайно</i> [Йозеф фон Эйхендорф. Из жизни одного бездельника (Д. Усов, 1933–1935)].

В немецком примере дама охарактеризована прилагательным *schön* ‘красива’ и существительным *красавица* – в переводе. Предложение в русском фрагменте построено по структуре таксономической характеристики; качественная характеристика формируется здесь за счет описательной семантики существительного *красавица*. Использование существительного

позволяет субстантивировать признак и сделать его более статичным. Помимо того, что признак в переводе обладает более выраженной временной локализацией, он также является экспрессивно маркированным, в отличие от описания в оригинале: слово *красавица* представляет признак более интенсивно, чем прилагательное *красива* (аналогично парам *наподобие силач – сильный, скромняга – скромный* и т. п.). Помимо этого, в отличие от модели $N_1 \Leftrightarrow (\text{cop}) \text{Adj}_{1/5}$, нейтрально передающей значение характеристики, модель характеристики $N_1 \Leftrightarrow (\text{cop}) N_{1/5}$, используемая в переводе, сама по себе является экспрессивной [Кошкарева, 2007 (2). С. 269–270]. Автор перевода, таким образом, интенсифицирует признак в своем тексте, а также устраняет эксплицитно выраженное противопоставление двум другим дамам по данной характеристике, представленное в оригинале с помощью наречия *besonders* ‘особенно’. В русском тексте переводчик использует прилагательное *настоящая*, что интенсифицирует признак, выраженный существительным *красавица*, но не создает контраста с описанием других дам – противопоставление в данном случае выявляется из контекста.

Данный фрагмент можно перевести иначе, сохранив стандартную структуру качественной характеристики: *Одна из них была особенно красива*. Однако далее следует фрагмент *и молже, чем другая*, стилистически не сочетаемый с первым в русском языке; в немецком же подобные конструкции допустимы.

В 1 % случаев (2 из 135) для выражения семантики характеристики в переводе используется статальная структура:

Оригинальный немецкий текст	Подстрочный перевод	Литературный перевод
<i>Morten war ein unterhaltender Begleiter, wiewohl seine Meinungen ein wenig hitzig und absprechend waren</i> [Thomas Mann. Buddenbrooks (1896–1900)].	...хотя его мнения были не-много пылками и осуждающими.	<i>Мортен был занимательным спутником, хотя все его речи отличались излишней пылкостью и нетерпимостью</i> [Томас Манн. Будденброки (Н. Ман, 1953)].

В оригинальном примере из немецкого языка существительное *Meinungen* ‘мнения’ описаны с помощью прилагательных *hitzig* ‘пылкие’ и *absprechend* ‘осуждающие’. Данная характеристика переведена на русский язык с помощью конструкции с глаголом *кто-то / что-то отличается чем-то*. Семантика характеристики в статальной структуре формируется, во-первых, за счет глагола *отличаться*, который не обозначает действие, а имеет семантику ‘обладать каким-либо характерным признаком, особенностью; выделяться среди других’ (по словарю С. А. Кузнецова). Во-вторых, описание обусловлено зависимыми от глагола существительными *пылкостью* и *нетерпимостью*, которые являются результатом субстантивации признаков *пылкий* и *нетерпимый*. Таким образом, за счет употребления глагола переводчик делает характеристику более динамичной. Интенсификация достигается благодаря тому, что переводчик убрал из своего текста компонент *ein wenig* ‘немного’, который «смягчает» описание в оригинальном тексте, и добавил вместо этого прилагательное *излишней*, которое, наоборот, служит средством усиления характеристики. Вероятно, в контексте произведения немного пылкие и осуждающие мнения уже являются излишними и неуместными, и переводчик отразил этот смысл в своем тексте.

Данный фрагмент можно перевести на русский язык с помощью стандартной структуры, сохранив при этом исходный смысл: *Мортен был занимательным спутником, хотя все мнения, которые он высказывал, были излишне пылками и осуждающими*. Однако стилистически более верным представляется вариант, употребленный в художественном переводе.

1 % переводных предложений построен по акциональной структуре. Рассмотрим пример, в основе которого лежит парадигматический вариант данного типа ТСС, изменяемой по категории (не)возможности осуществления чего-либо:

Оригинальный немецкий текст	Подстрочный перевод	Литературный перевод
«Dich nähme ohnehin keine.» «Dich auch nicht.» «Was liegt daran?» Die nächsten Worte waren nicht mehr verständ- lich. Es kam noch durch die Stämme der Bäume ein lustiges Rufen zurück... [Adalbert Stifter. Der Hagestolz (1844)].	...Следующие слова были уже не понятными...	<i>За тебя все равно ни одна не пойдет. – А за тебя, дума- ешь, пойдет? – Разве в этом дело... Следующие слова уже нельзя было разобрать.</i> Среди деревьев слышались только веселые крики... [Адальберт Штифтер. Холо- стяк (И. Татарина, 1971)].

В оригинальном примере слова описаны прилагательным с отрицанием и наречием *nicht mehr verständlich* 'уже не понятные'. В переводе же признак представлен безличным предложением, в основе которого лежит акциональное высказывание **кто-то разбирает (понимает) что-то**. Семантика качественной характеристики формируется в русском предложении за счет варьирования высказывания по параметру возможности / невозможности осуществления действия. То, что какие-то конкретные звучащие слова нельзя понять, является их отличительным признаком: они таковы (звучат так), что не воспринимаются уже как артикулированная речь. Используя глагол при выражении данного смысла, автор перевода делает описание более динамичным. Это решение гармонирует с последующим текстом, в котором говорится о веселых криках, доносящихся из-за деревьев или из леса. Кроме того, в русском тексте описание более приближено к точке зрения рассказчика (а вместе с ним и читателя), чем в немецком: субъектом в оригинальном тексте являются слова; в переводе субъект не представлен, однако глагол *разобрать* подразумевает наличие того, кто выполняет соответствующее действие. В данном случае таким деятелем является рассказчик.

Данный пример также можно перевести на русский язык с сохранением конструкции и оригинального смысла: *Следующие слова были уже непонятны*, однако стилистически более совершенным представляется лексико-синтаксическая конструкция, использованная в художественном переводе.

Заключение

Таким образом, пропозиция качественной характеристики сохраняется при переводе художественных текстов в большинстве случаев, хотя верно и то, что в функциональных стилях может наблюдаться существенно иная картина. Случаев замены пропозиции в переводах с русского языка на немецкий выявлено не было, в то время как при переводе с немецкого на русский это происходит всего лишь в 1 % контекстов, в результате чего природа описываемого субъекта, конечно же, изменяется, но существенного искажения на уровне текста возникнуть не должно.

В переводах как с русского на немецкий, так и с немецкого на русский языки в небольшом проценте случаев пропозиция качественной характеристики выражается нестандартно – в 19 и 15 % соответственно. Среди художественно-стилистических результатов такой замены структуры обнаруживаются следующие: снижение категоричности признака, создание более «живого» образа; интенсификация признака; усиление статичности признака; эксплицированное представление определенного смысла; приближение к точке зрения рассказчика.

В рассмотренных нами примерах уменьшение экспрессивности при переводе совершается для указания на неполное проявление признака или же с целью экспликации идеи, что кто-то из персонажей может не согласиться с наличием признака у субъекта. Как в русском, так и в немецком переводах «смягчение» описания в примерах происходит за счет использова-

ния бытийных конструкций **есть + что-то + прилагательное / etwas + Adj + haben** ('что-то + прилагательное + иметь').

Появление экспрессивности в рассмотренных нами случаях является следствием стремления соблюсти нормы стилистики языка перевода, а также для акцентирования неуместности признака, его излишества в определенной ситуации или для интенсификации описания, важного для повествования. Интенсификация признака достигается в наших примерах за счет экспрессивной модели характеристики **N₁ (cop) N₁** и прилагательных-интенсификаторов – в русском языке, а в немецком – за счет наречий-интенсификаторов и конструкции **mehr als** ('более чем').

Исходя из результатов анализа, можно сделать вывод, что во всех примерах переводчики стараются добиться перевода эквивалентного с точки зрения смысла и стилистического эффекта.

Вариации стандартных структур характеристики, описанных в контрастивных грамматиках, обусловлены, в основном и прежде всего, особенностями исследуемого материала, отражающего немецкую и русскую художественную речь. Не все обнаруженные соответствия объясняются стремлением соблюсти нормы лингвистической стилистики языка перевода. Встречаются случаи, когда замена обусловлена тем, что с помощью стандартной структуры не представляется возможным выразить определенный смысл, заложенный в художественном тексте – в частности, в русском языке нами было выявлено имплицитное указание на метафоричность, которое не описывается в контрастивном синтаксисе и теряется при переводе однотипной конструкцией на немецкий. Тем не менее, ввиду малого количества подобных примеров, можно говорить о значительном проценте тождественности семантического потенциала стандартных контрастивных структур качественной характеристики в русском и немецком, что объясняется, в первую очередь, генетической близостью данных языков и отчасти близостью их литературно-художественных конвенций (т. е. типа литературности).

Проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам.

1. В художественных текстах пропозиция качественной характеристики сохраняется в большинстве случаев как при переводе с русского на немецкий, так и при переводе с немецкого на русский.

2. В относительно небольшом проценте случаев качественная характеристика при переводе выражается нестандартно, причем при переводе с русского языка на немецкий это происходит чаще. Следствием нестандартного выражения пропозиции являются незначительные изменения смысла, не влияющие коренным образом на природу художественного описания.

3. Появление или устранение экспрессивности при переводе может происходить как по формально-стилистическим причинам (стремление соблюсти нормы стилистики языка перевода), так и по семантическим (указание на неполное проявление признака, интенсификация важного описания и т. д.).

4. Интенсификация признака в рассмотренных нами примерах может достигаться за счет экспрессивной модели характеристики, а также за счет различных конструкций и интенсификаторов. «Смягчение» описания достигается обычно путем употребления бытийных конструкций **есть + что-то + прилагательное / etwas + Adj + haben** ('что-то + прилагательное + иметь').

Список литературы

- Абрамов Б. А. Теоретическая грамматика немецкого языка. Сопоставительная типология немецкого и русского языков. М., 2004. 286 с.
- Анохина С. П. Сравнительная типология немецкого и русского языков. М., 2012. 208 с.
- Гак В. Г. Сопоставительные исследования и переводческий анализ // Тетради переводчика. М., 1979. Вып. 16. С. 11–21.

- Егер Г.** Коммуникативная и функциональная эквивалентность (пер. А. Батрака) // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 137–156.
- Зеленецкий А. Л.** Сравнительная типология немецкого и русского языков. М., 1983. 240 с.
- Золотова Г. А.** Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 2006. 440 с.
- Каде О.** Проблемы перевода в свете теории коммуникации. (пер. А. Батрака) // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 69–90.
- Карцевский С. О.** Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Введение в языковедение. Хрестоматия / Сост. А. В. Блинов, И. И. Богатырева, В. П. Мурат, Г. И. Рапова. М., 2001. С. 76–81.
- Кошкарева Н. Б.** Типовые синтаксические структуры и их семантика в уральских языках Сибири: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2007.
- Кошкарева Н. Б.** Экспрессивная синтаксическая модель характеристики в русском языке (в сопоставлении с языками коренных народов Сибири) // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования: сборник научных трудов. Новосибирск, 2007. Вып. 10. С. 267–286.
- Лукьянова Н. А.** Экспрессивная лексика разговорного употребления в семантическом аспекте // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2015, Т. 14, № 9. С. 183–200.
- Лукьянова Н. А.** Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики. Новосибирск, 1986. 230 с.
- Черемисина М. И.** Итоги исследования простого предложения в языках Сибири // Языки коренных народов Сибири. 1998. № 4. С. 3–30.
- Admoni, W. G.** Der deutsche Sprachbau. Moskau, 1986, 336 S.
- Berger, C.** Depictive agreement and the development of a depictive marker in Swiss German dialects. In: Secondary Predication and Adverbial Modification. Eds. Himmelmann, N and Schultze-Berndt, E. Oxford, 2005, p. 141–171.
- Brinkmann, H.** Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. 2. Aufl. Duesseldorf, 1971, 939 S.
- Engel, U.** Deutsche Grammatik. Heidelberg, 1996, 888 S.
- Erben, J.** Abriss der deutschen Grammatik. Berlin, 1966, 226 S.
- Helbig, G., Buscha, J.** Deutsche Grammatik: ein Handbuch für den Ausländerunterricht. Leipzig, 1996, 735 S.
- Haspelmath, M.** Passive participles across languages. In: Voice: Form and Function. Ed. by Fox, B. and Hopper, P. Amsterdam, 1994, p. 151–178.
- Holz-Mänttari, J.** Translatorisches Handeln. Theorie und Methode. Helsinki, 1984, 193 S.
- Hönig, H.** Holmes' 'Mapping Theory' and the Landscape of Mental Translation Processes. In: Translation Studies: The State of the Art. Ed. by van Leuven-Zwart, K. and Naaijken, T. Rodopi, 1991, p. 91–101.
- Kurz, I.** A look into the "black box" – EEG probability mapping during mental simultaneous interpreting. In: Translation Studies. An Interdiscipline. Eds. Snell-Hornby, M. et al. Vienne, 1994, p. 199–207.
- Lörscher, W.** Translation Performance, Translation Process, and Translation Strategies. A Psycholinguistic Investigation. Tübingen, 1991, 307 p.
- Nord, Ch.** Textanalyse und Übersetzen. Theoretische Grundlagen, Methode und didaktische Anwendung einer übersetzungsrelevanten Textanalyse. Heidelberg, 1988, 313 S.
- Reiss, K.** Translation Criticism – The Potentials and Limitations: Categories and Criteria for Translation Quality Assessment (transl. by Rhodes, E. F.) Manchester, 2000. 127 p.

Список словарей

Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2014. 974 с.

References

- Abramov, B. A.** Theoretical grammar of the German language. Comparative typology of German and Russian languages. Moscow, 2004, 286 p. (in Russ.)
- Admoni, W. G.** Der deutsche Sprachbau. Moskau, 1986, 336 S.
- Anokhina, S. P.** Comparative typology of German and Russian languages. Moscow, 2012, 208 p.
- Berger, C.** Depictive agreement and the development of a depictive marker in Swiss German dialects. In: Secondary Predication and Adverbial Modification. Eds. Himmelmann, N. and Schultze-Berndt, E. Oxford, 2005, p. 141–171.
- Brinkmann, H.** Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. 2. Aufl. Duesseldorf, 1971, 939 S.
- Cheremisina, M. I.** Results of the study of simple sentences in the languages of Siberia. *Indigenous languages of Siberia*, 1998, no. 4, p. 3–30 (in Russ.)
- Engel, U.** Deutsche Grammatik. Heidelberg, 1996, 888 S.
- Erben, J.** Abriss der deutschen Grammatik. Berlin, 1966, 226 S.
- Gak, V. G.** Comparative studies and translation analysis. In: Translator's Notebooks. Moscow, 1979, vol. 16, p. 11–21. (in Russ.)
- Haspelmath, M.** Passive participles across languages. In: Voice: Form and Function. Ed. by Fox, B. and Hopper, P. Amsterdam, 1994, p. 151–178.
- Helbig, G., Buscha, J.** Deutsche Grammatik: ein Handbuch für den Ausländerunterricht. Leipzig, 1996, 735 S.
- Holz-Mänttari, J.** Translatorisches Handeln. Theorie und Methode. Helsinki, 1984, 193 S.
- Hönig, H.** Holmes' 'Mapping Theory' and the Landscape of Mental Translation Processes. In: Translation Studies: The State of the Art. Ed. by van Leuven-Zwart, K. and Naaijken, T. Rodopi, 1991, p. 91–101.
- Jäger, G.** Communicative and functional equivalence (transl. by A. Batrak). In: Issues of translation theory in foreign linguistics. Moscow, 1978, p. 137–156. (in Russ.)
- Kade, O.** Translation problems in the light of communication theory. (transl. by A. Batrak). In: Issues of translation theory in foreign linguistics. Moscow, 1978, p. 185–201. (in Russ.)
- Kartsevsky, S. O.** On the asymmetric dualism of the linguistic sign. In: Introduction to linguistics. Reader. Comp. by Blinov, A. V., Bogatyryova, I. I., Murat, V. P., Rapova, G. I. Moscow, 2001, p. 76–81 (in Russ.)
- Koshkareva, N. B.** Typical syntactic structures and their semantics in Uralic languages of Siberia. Synopsis of a DLitt's thesis. Novosibirsk, 2007. (in Russ.)
- Koshkareva, N.B.** Expressive syntactic characterization model in the Russian language (in comparison with the languages of the indigenous peoples of Siberia). In: Actual problems of lexicology and word formation: a collection of scientific papers. Novosibirsk, 2007, no. 10, p. 267–286. (in Russ.)
- Kurz, I.** A look into the "black box" – EEG probability mapping during mental simultaneous interpreting. In: Translation Studies. An Interdiscipline. Eds. Snell-Hornby, M. et al. Vienne, 1994, p. 199–207.
- Lörscher, W.** Translation Performance, Translation Process, and Translation Strategies. A Psycholinguistic Investigation. Tübingen, 1991, 307 p.
- Lukjanova, N. A.** Expressive colloquial lexis in semantic aspect. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2015, vol. 14, no. 9, p. 183–200. (in Russ.)
- Lukjanova, N. A.** Expressive colloquial lexis in semantic aspect: issues of semantics. Novosibirsk, 1986, 230 p. (in Russ.)
- Nord, Ch.** Textanalyse und Übersetzen. Theoretische Grundlagen, Methode und didaktische Anwendung einer übersetzungsrelevanten Textanalyse. Heidelberg, 1988, 313 S.
- Reiss, K.** Translation Criticism – The Potentials and Limitations: Categories and Criteria for Translation Quality Assessment (transl. by Rhodes, E. F.) Manchester, 2000. 127 p.

- Zelenetsky, A. L.** Comparative typology of German and Russian languages. Moscow, 1983, 240 p. (in Russ.)
- Zolotova, G. A.** Syntax dictionary: Repertoire of elementary units of Russian syntax. Moscow, 2006, 440 p. (in Russ.)

List of Dictionary

Large Explanatory Dictionary of Russian language. Edited by Kuznetsov, S.A. St. Petersburg, 2014, 974 p. (in Russ.)

*Материал поступил в редколлегию
Date of submission
19.07.2019*

Сведения об авторе / Information about the Author

Бакайтис Игорь Игоревич, Новосибирский государственный университет, ассистент кафедры общего и русского языкознания (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Igor I. Bakaytis, Novosibirsk State University, Assistant professor of the Department of General and Russian Linguistics (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

igor.bakajtis@gmail.com
ORCID 0000-0001-6626-2992

Лексический минимум по языку специальности: сколько слов достаточно? Разработка принципов минимизации

Е. А. Власова, Е. Л. Карпова, М. Ю. Ольшевская

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия*

Аннотация

Статья содержит исследование методологии составления лексических минимумов (далее – ЛМ) по русскому языку общего владения (Государственный стандарт, Система лексических минимумов В. В. Морковкина и Частотный словарь русского языка для иностранцев, созданный С. А. Шаровым в рамках проекта KELLY), а также анализ специальных лексических минимумов по медицине, робототехнике, ядерной энергетике, математике. Рассмотрены и систематизированы общеметодический, лингвостатистический и корпусно-ориентированный подходы к созданию ЛМ. Статья также описывает процесс и результаты создания собственного корпуса учебников по политологии и частотного списка на основе использования указанных методов. Выявлено, что ключевое место в разработке лексического минимума занимает сам процесс минимизации списка, т. е. принципы, на основании которых определяется длина лексического перечня, а также критерии включения или исключения лексической единицы из финального перечня. Показано, что при корпусно-ориентированном подходе к составлению лексического минимума по отдельной дисциплине ключевую роль играют не только абсолютные и относительные частоты, но и покрываемость – индекс, показывающий, сколько процентов текста составляют все употребления каждой лексической единицы. При составлении лексического минимума по политологии показатель покрытия выявил, что 8 237 самых частотных лексем образуют 98 % токенов всего корпуса. Анализ финального перечня с точки зрения лингводидактики показал, что для понимания 50 % корпуса учебно-профессиональных текстов по дисциплине необходимо знание 1 000 самых частотных знаменательных слов, а оптимальным количеством является интервал в 3 500–4 500 слов частотного списка, после освоения которых рост показателя покрытия замедляется, а понимание обеспечивается в большей степени средствами связности, логической структурой и стратегиями коммуникативного развертывания текста. Результаты показывают, что сочетание трех основных методов создания лексических минимумов позволяет получить методически обоснованное представление о требованиях к словарному запасу студентов, изучающих русский язык в учебно-профессиональных целях.

Ключевые слова

русский язык в специальных целях, лексический минимум, языковые минимумы, корпусная лингвистика, русский язык, критерии отбора лексического минимума, частотность, покрытие

Для цитирования

Власова Е. А., Карпова Е. Л., Ольшевская М. Ю. Лексический минимум по языку специальности: сколько слов достаточно? Разработка принципов минимизации // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 4. С. 63–77. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-4-63-77

Vocabulary: How Many Words Are Enough? Principles of Minimizing Learners' Vocabulary

Ekaterina Al. Vlasova, Elizaveta L. Karpova, M. Yu. Olshevskaya

*National Research University "Higher School of Economics"
Moscow, Russian Federation*

Abstract

This article analyses methodology of compiling Russian general wordlists and lexical minima for teaching Russian for specific purposes. The study systematizes three approaches: linguo-didactic, linguo-statistical, and corpus-based. The article also describes the process and results of applying all the three methods to the development of a lexical minimum based on political science corpus. Methodological analysis comprises general word lists for the Russian State Standard Exam (TRKI), the System of lexical minima by V. V. Morkovkin, and the Frequency dictionary of the Russian language for foreigners, created by S. A. Sharov as a part of the KELLY project, as well as special lexical minima for medicine, robotics, nuclear energy, and mathematics. It has been revealed that the core element in the development of a discipline-specific lexical minimum is minimization that involves a set of principles determining the optimal length of the list and lexeme selection. For the Russian general word lists, the most common principles of minimization are methodical expediency ("relevance" of the word at each level), quantitative metrics, including absolute and relative frequencies, the word rank, and a coverage index, showing the percentage of text that every lexeme covers. The article reports the results of combining the quantitative methods, corpus-based analysis, and didactic principles to apply to the development of the lexical minimum based on political science textbooks. The core index, defining the length of this list, was coverage which revealed that 8,237 most frequent lexemes cover 98 % of the whole corpus. The linguo-didactic analysis showed that 1,000 most frequent lexemes, without stop-words, cover 50 % of this corpus, and therefore this wordlist allows foreign learners to understand about a half of the corpus. After reaching the point of 3,500 of the most frequent words, the coverage index grows insignificantly, and this number can be considered to be a target in teaching and learning discipline-specific vocabulary. It is notable that the recommended lexical minimum, comprising 1,000–3,500 of the most frequent words, is only a starting point for reading comprehension of texts for professionals also referred to as 'special' texts. Their deeper and effective understanding also involves competence in rhetoric strategies and text structure.

Keywords

Russian language for specific purposes, lexical minima, word list, corpus linguistics, Russian language, criteria of lexical selection, word dispersion, word frequency, coverage, number of words

For citation

Vlasova, Ekaterina Al., Karpova, Elizaveta L., Olshevskaya, Maria Yu. Vocabulary: How Many Words Are Enough? Principles of Minimizing Learners' Vocabulary. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 4, p. 63–77. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-4-63-77

Вступительные замечания

Русский язык в специальных целях – отдельное направление в лингводидактике со своим кругом методических проблем, которые сформулированы в монографиях [Митрофанова, 1985; Маркина, 2011]. Во-первых, центральное место в преподавании занимает большой объем лексики, необходимой студенту для успешной учебно-профессиональной деятельности, и часто наблюдаемые несоответствия методических материалов реальному содержанию учебных дисциплин. Во-вторых, в отличие от курсов общего владения, на профессионально-ориентированных занятиях отсутствует деление на уровни, а словарный запас студентов в момент поступления в вуз может сильно различаться. В-третьих, профессиональные тексты отражают стилистическое варьирование и многозначность, характерную для узкоспециальных предметных областей.

Для преодоления указанного методического разрыва в отечественной лексикографии активно велась разработка лексических минимумов: под этим термином понимаются как учебные словари, так и комплексные лексические перечни, цель которых – представить сокращенную модель тезауруса, достаточного для осуществления коммуникативной деятельности

на разных уровнях владения языком или в разных предметных областях (см. определение [Маркина, 2011]). С развитием корпусных инструментов решать задачи учебной лексикографии стало проще благодаря возможности автоматически извлекать лексические списки из реальных текстов, используемых в узкоспециальных предметных областях [Sinclair, 2004; McCarthy, 2008]. Однако по мере роста корпусных исследований методисты столкнулись с проблемой, требующей теоретического осмысления [Nation, 2016]: какое количество слов следует считать достаточным для того, чтобы автоматически созданный лексический перечень адекватно отражал значимую лексику предметной области и был методически целесообразным?

Несмотря на растущее число корпусно-ориентированных лексических минимумов, в российской учебной лексикографии указанный вопрос отдельно не обсуждался. Задача данной статьи – проанализировать существующие подходы к минимизации частотного списка и определить оптимальную длину перечня по языку специальности. Исследование проводилось в три этапа:

- 1) проанализированы корпусно-ориентированные лексические минимумы по языку специальности и выделены методические проблемы, связанные с длиной списков;
- 2) систематизированы подходы к минимизации списков по языку общего владения и показана их применимость в области профессионально-ориентированных курсов РКИ;
- 3) на основе выделенных подходов и самостоятельно созданного корпуса учебников по политологии определена оптимальная длина лексического минимума, обеспечивающего понимание большей части текста.

Лексические минимумы по языку специальности: проблемы корпусно-ориентированных подходов

Корпусно-ориентированные исследования, опубликованные в последнее десятилетие, показывают, что рекомендуемая длина лексических минимумов сильно варьируется, а полученные на основе частотных данных списки не всегда полно отражают предметную область. Остановимся на наиболее значимых проблемах, выявленных составителями.

С помощью программы «Wordstat» в МГТУ им. Н. Э. Баумана разработан лексический минимум для специальности «Робототехника» [Ильина, 2013]. Основу корпуса составили все учебные пособия по специальности – всего 26 учебников и учебных пособий объемом 164 523 словоупотреблений, финальный лексический список содержит 1 700 слов. Составители обратили внимание на то, что перечень включал большой процент служебных слов, которые являются самыми частотными, однако для преподавания языка специальности они малосодержательны.

При помощи программы «LitFrequencyMeter» создан частотный список по ядерной энергетике на основе 20 учебников объемом 5 676 страниц. Финальный лексический минимум содержал только 1 000 единиц, а самыми частотными оказались слова, не относящиеся к ядерной тематике [Атийях, 2015. С. 239]:

- общеупотребительная лексика: *это, например* и др.;
- общенаучная лексика: *являться, следовать, позволять, определять, осуществлять, состоять, представлять, рассматривать, использовать, зависеть, обеспечивать, получать, требовать, применять, происходить, давать*;
- существительные естественнонаучной направленности: *управление, контроль, реактор, движение, безопасность, скорость, схема, пар, двигатель, генератор, энергия* и др.

Как отмечает сам составитель, лингводидактическая проблема полученного списка связана с тем, что он не отражает специфической узкоспециальной лексики по ядерной энергетике.

В 2016–2018 гг. на базе филологического факультета МГУ под руководством О. В. Кукушкиной разработан медицинский лексический минимум [Леоненко и др., 2018], основан-

ный на той же методике, что и английский список общемедицинской лексики MAWL. Исследование включало отбор современных научных статей, различных по тематике – всего 96 статей из 32 областей медицины за 2004–2016 гг. После автоматизации и чистки первичный частотный список составил 15 129 слов, после проверки на омонимию количество лексем в финальном списке составило 10 428 слов за вычетом наиболее частотных служебных слов. При включении / исключении лексем учитывались следующие принципы: словообразовательная активность, абсолютная частотность, регулярность (использование в большом количестве текстов), число родственных слов с данным семантическим элементом [Леоненко и др., 2018]. Исследователи отметили, что в списке, превышающем 10 000 слов, оказалось много лексических единиц, не относящихся к собственно медицинским терминам.

Некоторые корпусные исследования ориентированы только на автоматическое извлечение узкоспециальной терминологии, однако и при такой постановке задачи разброс цифр оказывается значительным. Например, в диссертации [Маркина, 2011. С. 19] описаны внушительные корпуса по философии и педагогике объемом 1 млн и 2 млн словоупотреблений соответственно, однако финальный список содержит всего 100 терминов по каждой предметной области. На базе текстов лекций в МГТУ «СТАНКИН» создан лексический минимум по математике, содержащий около 1 500 слов и сочетаний, а также лексические минимумы по различным специальностям МГТУ МАДИ, включающие 352 слова по математике, 146 слов по физике, 174 слова по химии, 736 слов по биологии [Ильина, 2013].

Представленный выше обзор недавних корпусных профессионально-ориентированных лексических минимумов показывает, что длина перечней варьируется от 1 000–1 700 лексических единиц до 10 000 и более. При этом разные подходы к минимизации приводят к разным методическим проблемам. При небольшой длине списков в 1 000–1 700 единиц список приоритетных лексем содержит много служебных слов, а также общенаучную лексику, при этом узкоспециальная терминология, представляющая трудность для иностранного учащегося, либо не попадает в группу частотных слов, либо извлекается вручную на основе интуитивных представлений. При составлении расширенного списка, содержащего порядка 10 000 лексем, перечень содержит большой объем общеупотребительных и общенаучных слов и не выявляет узкоспециальной терминологии. Кроме того, объем лексического минимума в 10 000 единиц сам по себе представляет трудность для изучения и требует ранжирования и стратификации – деления на темы или уровни. Таким образом, до сих пор не найдено ответов на принципиальные вопросы, связанные с составлением лексического минимума для узкоспециальных предметных областей: нет четкого представления о том, насколько рекомендуемые перечни достаточны для коммуникативной деятельности, не до конца выработаны критерии включения / исключения слов, не обсуждалась возможность их ранжирования. Между тем перечисленные проблемы уже возникали ранее при разработке лексических минимумов общего владения, разработано несколько теоретически обоснованных методов минимизации. В следующем разделе описаны возможности их применения при составлении рекомендуемых лексических списков по языку специальности.

Современные подходы к составлению лексических минимумов по политологии

Лексический минимум в системе тестирования

Наиболее заметное место в современной лингводидактике занимает лексический минимум, положенный в основу Государственного стандарта по русскому языку [Андрюшина и др., 2018]. Эта серия лексических минимумов положена в основу тестирования по русскому языку как иностранному и носит градуальный характер в соответствии с общеевропейской системой тестирования CERF. Система предусматривает 6 уровней владения языком – от A1 до C2, однако российские лексические минимумы разработаны только для 5 уровней – элементарный (A1), базовый (A2), пороговый ТРКИ-3 (B1), необходимый для поступления

в российские вузы, ТРКИ-2 (B2) и ТРКИ-3 (C1). По мнению разработчиков государственного стандарта, уровень C2 приравнивается к уровню носителя и не требует минимизации.

Основные алфавитные лексические перечни перечисленных минимумов создавались на большой лексикографической базе – толковых словарях С. И. Ожегова и Г. Н. Складневской. Последние издания популярного словаря Ожегова содержат более 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений, а «Толковый словарь живого русского языка начала XXI века» Г. Н. Складневской включает 8 500 слов, в то время как опубликованные лексические минимумы содержат от 3 500 до 10 500 вхождений. Эти данные показывают, что процесс минимизации включал большую работу по исключению лексических единиц. Принимая решение о включении слова в минимум, составители руководствовались общеметодическими критериями [Андрюшина, 2018]: семантическая ценность, способность слова входить в различные сочетания, стилистическая принадлежность, частотность и словообразовательный потенциал слова. Указанные критерии вызвали критику среди исследователей в связи с тем, что решения о включении лексических единиц в основной словарный перечень и соответствии уровню владения языком опираются на субъективный опыт и интуицию составителей [Маркина, 2011].

Длина перечня для каждого уровня в системе ТРКИ основана на методическом представлении о том, что переход на каждый следующий уровень должен сопровождаться удвоением тезауруса (это увеличение мы четко видим в ТРКИ-3,4). По этой причине требования к объему лексического минимума русского языка оказываются на уровнях B2 и C2 выше, чем требования стандартных экзаменов для других языков, ср. объем минимума для кембриджского экзамена по английскому языку [CERF; Meara and Milton, 2003].

Таблица 1

Требования к лексическому минимуму ТРКИ и кембриджского CEF

Table 1

The Comparison of Vocabulary Size for TRFL and CEF

Шкала CERF	ТРКИ	Длина минимума, ед.	Кембриджский экзамен CEF	Длина минимума, ед.
(A1)	Элементарный (ТЭУ)	780	Starters, Movers and Flyers	1 500
(A2)	Базовый (ТБУ)	1 300	Kernel English Test (KET)	1 500–2 500
(B1)	Первый сертификационный уровень (ТРКИ-1)	2 300	Preliminary English Test (PET)	2 750–3 250
(B2)	Второй сертификационный уровень (ТРКИ-2)	5 000	First Certificate in English (FCE)	3 250–3 750
(C1)	Третий сертификационный уровень (ТРКИ-3)	11 000	Cambridge Advanced English (CAE)	3 750–4 500
(C2)	Четвертый сертификационный уровень (ТРКИ-4)	не регламентировано	Cambridge Proficiency in English (CPE)	4 500–5 000

Сравнение данных показывает, что с уровня B2 объем лексического минимума ТРКИ начинает значительно превышать рекомендуемые стандарты кембриджского экзамена: в 1,5 раза на уровне B2, почти в 3 раза на уровне C1. Даже если принять во внимание, что в русском языке видовые пары входят в перечень как две разные лексемы, превышение все равно остается значительным.

Таким образом, система градуального лексического минимума, закрепленного в государственном стандарте, состоит из пяти перечней, максимальный объем словарного запаса, требуемый на уровне С1, составляет около 11 000 лексических единиц. Ключевые критерии минимизации, в том числе решение о включении лексемы в список, порядок следования и соответствие уровню, а также длина списка определялись преимущественно из представлений составителей о порядке изучения русской лексики. Несмотря на критику за субъективный отбор, действующий государственный лексический минимум является на данный момент наиболее объемным и актуальным перечнем из всех существующих.

Система лексических минимумов: лингвостатистический подход

Альтернативу лексическому минимуму, положенному в основу Государственного стандарта, составляет Система лексических минимумов русского языка [Морковкин и др., 1985; 2003]. Дополненное и отредактированное издание [Морковкин и др., 2003] содержит 5 000 слов, разделенных на 10 словарных перечней, которые разработаны на основе масштабного лингвостатистического исследования: решения о включении / исключении слова, длине списка и его делении на уровни принималось на основе количественных показателей.

Лексикографической базой Системы лексических минимумов стали крупные частотные словари русского языка (более подробный обзор см. [Алексеев, 1975]): словарь Джоссельсона 1959 г. (5 230 слов), Частотный словарь Э. А. Штейнфельдт 1963 г. (5 500 слов), словарь Н. П. Вакара 1966 г. (2 380 слов), Словарь разговорной речи 1968 г. (2 380 слов), словарь Л. Н. Засориной 1977 г. (1 024 слов), а также Комплексный частотный словарь русской научной и технической лексики 1978 г. (3 047 слов). Как видно из приведенных данных, при составлении первых русских частотных словарей длина списка варьировалась от 1 000 до 5 500 слов, т. е. разброс цифр меньше, чем в современных корпусных исследованиях.

Система лексических минимумов основана на теоретическом представлении о том, что, создав список слов, зафиксированных в нескольких частотных словарях, основанных на разножанровых источниках, лексикографы могут получить сводный перечень, отражающий лексическое ядро языка [Морковкин и др., 1985]. В основу методологии положено сравнение частотных словарей и данных об употребительности слова, которая измеряется двумя величинами – абсолютной частотой и рангом, т. е. номером в списке, расположенном в порядке убывания частоты. Чем выше частота, тем ближе слово к началу списка и тем ниже его ранг. Чтобы исключить эффект варьирования рангов слова в разных частотных словарях, В. В. Морковкин вводит собственную единую систему ранжирования, поделив список каждого словаря на сотни и присваивая каждому слову индекс в соответствии с номером сотни, в которую оно входит, например, индекс 24 означает, что слово находится в 24-й сотне частотного списка [Там же]. После составления таблицы, содержащей информацию об индексе каждой лексемы в частотных словарях, рассчитана статистическая ценность (степень употребительности) каждого слова – среднее арифметическое его индексов. Полученная таблица упорядочена по степени убывания среднего показателя и снова ранжирована по сотням. В результате анализа выделены слова с подтвержденной высокой употребительностью – это все лексемы, обозначенные индексами от 1 до 35 и встретившиеся среди 2 500 употребительных слов не менее чем в двух частотных словарях [Там же]. Лексические единицы с индексом 35–60, обнаруженные только в одном из частотных словарей среди первых 2 500 слов, выделены в группу слов с неподтвержденной высокой употребительностью [Там же]. Таким образом, ключевыми факторами попадания слова в лексический минимум были его присутствие в нескольких частотных словарях и низкий индекс, то есть близость к вершине списка.

Деление на уровни также проводилось на основе количественных метрик: чем меньше индекс слова, тем оно более употребительно и тем ранее следует его изучать студенту. Финальный перечень системы лексических минимумов, состоящий из 5 000 слов, разбит на 10 групп по 500 слов в каждой.

При определении финальной длины лексического списка В. В. Морковкин также руководствовался количественными показателями, взяв за основу процент покрытия [Алексеев, 1975] – коэффициент, показывающий, какой процент сумма словоформ одной лексемы или списка составляет от общего числа словоупотреблений. Согласно исследованиям по лингвостатистике, в письменной литературной речи первая 1 000 слов частотного списка покрывает 70–80 % текста [Там же]. Согласно данным В. В. Морковкина, 3 500 лексем из Лексического минимума 1985 г. покрывали 82 % текста [Морковкин и др., 1985]: информация о том, как меняется процент покрытия в зависимости от длины списка, представлена в табл. 2.

Таблица 2
Покрывание системы лексических минимумов
Table 2
Coverage of Lexical Minima

Номер градуального минимума	Длина минимума, ед.	Доля покрытия, %
1	500	58
2	1 000	67
3	1 500	72
4	2 000	76
5	2 500	79
6	3 000	81
7	3 500	83

Предположим, что иностранный студент пассивно владеет 3 500 самых частотных слов, это обеспечит ему понимание 83 % текста. Несмотря на то, что речь идет об идеализированной модели лексического запаса студента, указанные цифры могут служить объективным ориентиром, определяющим длину лексического перечня, достаточного для понимания. Таким образом, сторонники лингвостатистического подхода определяют лексический минимум как список 3 500–5 000 самых частотных слов. Важно учитывать, что составители Системы лексических минимумов использовали консолидацию списка: видовые пары считались как одна лексема, сравнительные и превосходные формы прилагательных и наречий при подсчетах возводились к положительной степени [Морковкин и др., 1985]. Если считать каждую видовую форму отдельным словом, как это делается в других учебных словарях, то рекомендуемый размер минимума необходимо увеличить до 5 000 и выше. Указанный объем лексического запаса в системе ТРКИ, использующей неконсолидированный список, соответствует уровням В2–С1.

Существенное достижение Системы лексических минимумов состоит в разработке объективных, количественно обоснованных критериях минимизации и возможности их применения в современных корпусных исследованиях. Между тем следует принимать во внимание, что лексикографическая база указанного издания основана на частотных словарях начала XX в. и отстает от современного состояния русского языка.

Корпусно-ориентированные учебные словари

Система лексических минимумов В. В. Морковкина опубликована в 2003 г., а уже 27 апреля 2004 г. появился сайт Национального корпуса русского языка (<http://ruscorpora.ru>), ставший основой для корпусной лингвистики и квантитативного анализа текста на материале русского языка. В настоящий момент объем корпуса достигает более 600 млн токенов.

Преимущества корпусной лингвистики и компьютерных инструментов заключаются в возможности быстрого обследования реального и актуального языкового материала большого объема, а также в применении более сложных статистических расчетов. Одной из первых задач, с которой успешно справилась корпусная лингвистика, было обновление частотных словарей русского языка на материале Национального корпуса русского языка. В настоящий момент в открытом онлайн-доступе находятся материалы Частотного словаря русского языка О. Н. Ляшевской и С. А. Шарова, при составлении которого методология создания частотного перечня была скорректирована с учетом достижений компьютерной лингвистики. В отличие от более ранних частотных словарей, использовавших абсолютные частоты и ранги, основной квантитативной метрикой в корпусных исследованиях по лексикографии являются относительные частоты: как правило, это коэффициент *ipm* (*instances per million words*) – абсолютные частоты, поделенные на объем корпуса и умноженные на миллион [Gries, 2015; Ляшевская, 2016]. Использование нормализованных частот позволяет сравнивать корпуса разного объема и сопоставлять полученные на их основе списки с использованием статистических методов, например, хи-квадрата или коэффициента логарифмического правдоподобия. Цель указанных статистических тестов – выявление значимой лексики, специфической для текстов определенного жанра. В частности, на основе Национального корпуса созданы частотные списки значимой лексики художественной литературы, публицистики, непублицистических текстов и разговорной речи.

На основе корпусных методов и статистических вычислений, а также сопоставлении лексических минимумов других языков создан градуальный, то есть поделенный на уровни A1–C2, учебный частотный список по русскому языку как иностранному [Kilgarriff et al., 2014]. Особенность этого лексического минимума состоит в том, что он составлен методом перевода и сведения лексических минимумов нескольких европейских языков: этот список максимально стандартизирует и унифицирует рекомендуемые лексические списки в рамках 6-уровневой системы CERF. Учебный словарь С. А. Шарова также включает частотную лингвоспецифическую лексику и учитывает грамматические свойства русского языка – наличие видовых пар. Соотносительные по виду лексемы посчитаны как отдельные слова. Полученный таким образом сводный учебный лексический минимум A1–C2 содержит 9 000 слов: данная цифра сопоставима с уровнем B2–C1 в системе ТРКИ и Системой лексических минимумов.

Таким образом, разработанные принципы сведения списков, современные корпусные инструменты и статистические методы позволяют решать разнообразные методические задачи и составлять частотные списки лексических единиц для обучения студентов лексике с учетом стилистического варьирования.

Автоматизированное составление лексического минимума по политологии

Основу исследования составил самостоятельно собранный и обработанный корпус учебников по политологии, которые используются в российских вузах. Главным требованием, предъявляемым к любому создаваемому корпусу, является репрезентативность, то есть его способность полно, объективно и адекватно отражать лингвистические свойства исследуемой области [Biber, Reppen, 2015; Баранов, 2003. С. 13]. Для выполнения указанного критерия проанализированы выложенные в открытый доступ списки рекомендованной литературы ведущих российских вузов в области политологии, в том числе МГИМО, МГУ им. М. В. Ломоносова, СПбГУ, РУДН, Высшей школы экономики и др. Далее составлен перечень, содержащий шесть непереводных учебников и учебных пособий, входящих в раздел обязательной литературы к курсу и получивших признание в научном сообществе.

Второй важный критерий надежного корпуса – сбалансированность текстов по их тематике и объему. Собранный корпус содержит современные учебники, изданные в разных науч-

ных центрах с 2004 по 2009 г. и отражающие широкий круг тем, описывающих основы политической теории и истории, политический процесс, отношения и технологии, а также регионалистику. Проверка объема текстов выполнена при помощи ресурса VoyantTool, который автоматически рассчитывает объем каждого текста (см. список учебников в порядке возрастания их объема в табл. 3).

Таблица 3

Корпус университетских учебников по политологии

Table 3

The Corpus of University Textbooks on Political Sciences

Автор	Название	Токены, ед.	Доля покрытия, %
Селютин В. И.	Теория и практика политической науки. Воронеж, 2009	82 457	12
Соловьев А. И., Пугачев В. П.	Введение в политологию. М., 2000	91 079	13
Баранов Н. А.	Политические отношения и политический процесс в современной России: Курс лекций. СПб.: БГТУ, 2004	115 466	16
Соловьев А. И.	Политология: Политическая теория, политические технологии: Учебник для студентов вузов. М., 2006	116 145	16
Макарин А. В.	Теория и история политических институтов. СПб., 2008	103 061	14
Туровский Р. Ф.	Политическая регионалистика. М.: Изд-во ГУ-ВШЭ, 2006	207 785	29
		715 993	100

Из табл. 3 видно, что лексический объем ни одного из учебников не превышает 30 % всего корпуса. Размер корпуса изначально составил 715 993 леммы, однако после чистки и лемматизации был сокращен до 696 939 токенов: некорректно было распознано 3 % текста. Первичный частотный список, извлеченный при помощи программы «AntConc», содержал 16 552 леммы – указанная цифра значительно превышает объем лексического минимума уровня ТРКИ-III (около 11 000 лемм), соответствующего уровню C1 в европейской системе тестирования, и в 8 превышает лексический минимум ТРКИ-1, который рассматривается как пороговый для поступления в российские вузы. Сравнение показывает, что первичный список нуждается в методически и статистически обоснованной минимизации.

Первое сокращение перечня выполнено в момент проверки и чистки: в отдельную группу слов (всего 1 213 лексем) выделены собственные имена, аббревиатуры (*КПРФ, НАТО, ЕС* и др.) географические наименования и прилагательные, образованные от них (например, *аварец – аварский*): указанная информация носит энциклопедический характер и соответствующие лексемы целесообразно оформлять в отдельный справочник персоналий и наименований. После устранения имен собственных и их производных список содержал 15 321 лемму, которые расположены по убыванию частоты в соответствии с законом Ципфа: чем больше порядковый номер слова в списке, тем ниже его частотность.

Важно, что консолидация списка произведена на основе лемматизатора «MyStem»: видо-вые пары посчитаны как разные лексемы, регулярные формы сравнительной степени и краткие прилагательные считались на основании начальной формы как одна лексема.

Следующий этап обработки списка состоял из исключения слов, встретившихся в учебных текстах по 1–2 раза, то есть представляющих собой феномен *haraх legomena* [Scott, 2006. С. 26–29]. После удаления из словарного списка лексем с абсолютной частотой < 3 длина полученного перечня составила 8 430 слов: указанный размер словника сопоставим с лексическими минимумами общего владения, в том числе с учебным словарем С. А. Шарова (около 9 000 лексем) и лексическим минимумом ТРКИ-III (11 000 лексем). В методических целях Сокращенный список длиной 8 430 слов был разделен на 2 части: в отдельную группу объединены знаменательные слова, выполняющие номинативную функцию (8 237 лексем), и служебные слова, знакомые иностранным студентам из курсов по русской грамматике (193 лексемы).

Таким образом, в результате проведенного анализа рабочий список, состоявший из 16 534 лексем, разделен на несколько групп: основной перечень, служебные слова, редкие лексемы *haraх legomena*, имена собственные. В табл. 4 для каждой группы указан суммарный коэффициент покрытия и соотношение объема.

Таблица 4

Частотные списки, составленные на основе корпуса по политологии

Table 4

The Wordlist Strata of the Political Science Corpus

Список	Количество		Покрытие, %
	лексем	словоформ	
Основной перечень	8 237	482 209	69
Служебные слова	193	198 097	29
Нарах legomena	6 891	8 904	1
Имена собственные	1 231	7 729	1
Корпус, всего	16 552	696 939	100

Данные, приведенные в табл. 4, показывают, что служебные слова обладают высоким коэффициентом покрытия, между тем имена собственные и редкие слова (т. е. *haraх legomena*) традиционно убираются из анализа. После стратификации рабочего списка проведена проверка того, какой процент всего корпуса, состоящего из 696 939 словоформ, образуют самые частотные знаменательные слова, включенные в основной перечень (8 237 лексем). Коэффициент покрытия рассчитывался с шагом в 500 слов в порядке убывания их частоты (табл. 5).

Таблица 5 показывает, что 1 000 самых частотных знаменательных слов финального списка покрывает около 50 % всего корпуса, 7 500 знаменательных слов образуют 69 % словоформ корпуса.

Полученные данные позволяют уточнить предложенную В. В. Морковкиным методическую концепцию, согласно которой первые 1 000–1 500 самых частотных лексем обеспечивают понимание около 60–70 % текста. Данное представление не предусматривает того, что среди самых частотных слов большой процент образуют незначительные части речи, отвечающие за грамматическую связность [Пумпянский, 1981. С. 318] и не выполняющие номинативных функций. Данные, приведенные в табл. 5, основаны на предположении о том, что понимание текста обеспечивается в первую очередь знанием знаменательных слов, а не служебных. Согласно информации о покрытии частотного списка, составленного на основе корпуса по политологии, для понимания 50–60 % исследованных учебников требуется знать 1 000–2 000 самых частотных номинативных лексем.

Таблица 5

Покрытие основного частотного перечня

Table 5

The Coverage of the Main Frequency Wordlist

Частотность лексемы	Количество словоформ, ед.	Покрытие, %
1 000	366 002	53
1 500	399 437	57
2 000	420 736	60
2 500	435 278	62
3 000	445 702	64
3 500	453 525	65
4 000	459 589	66
4 500	464 379	67
5 000	468 220	67
5 500	471 431	68
6 000	474 116	68
6 500	476 394	68
7 000	478 394	69
7 500	480 001	69
8 000	481 501	69
8 237	482 209	69

Количественные данные показывают, что рост словарного запаса ведет к увеличению показателя покрытия, а значит и пониманию большего объема текста, до границы в 4 500 лексем. После этой цифры расширение вокабуляра на 500 единиц (с 4 500 до 5 000 лексем) не меняет объема покрытия текста: в рамках этой модели студент, пассивно знающий 4 500 лексем, и студент, знающий 5 000 лексем, будут понимать одинаковое количество текста – 67 %. Еще слабее становится корреляция после порога частотности в 5 500 слов и выше. Таким образом, оптимальной длиной лексического минимума, который бы обеспечивал понимание большей части учебных текстов корпуса, можно считать 4 500 знаменательных слов.

Выводы

Современные компьютерные технологии позволяют быстро создавать корпуса на основе списков рекомендованной литературы и извлекать частотные лексические перечни. Между тем корпусно-ориентированные исследования не дают преподавателю четкой рекомендации по оптимальному объему словника, необходимого для чтения и понимания учебных текстов. Сложилась парадоксальная ситуация: преподаватель может легко узнать, какие лексические единицы являются самыми частотными в профессиональных текстах и в каком порядке их следует изучать, однако не имеет представления об объеме словника, оптимального для усвоения дисциплины. Обзор подходов к составлению лексических минимумов показал, что в качестве объективной величины, отражающей достаточный объем профессионально-ориентированного перечня, может быть использован показатель покрытия, распространенный в прикладной лингвистике, но, на наш взгляд, незаслуженно забытый в корпусно-ориентированных исследованиях по учебной лексикографии.

Наше исследование по созданию лексического минимума на основе рекомендуемых учебников по политологии основано на анализе и совмещении трех методов:

- а) общеметодического, основанного на градуальном принципе возрастания сложности;

б) лингвостатистического, основанного на показателе частотности и коэффициенте покрытия лексемы, – показателе, который отражает процент употреблений слова от общего количества словоформ в тексте;

в) корпусно-ориентированного, основанного на получении частотного списка и его сопоставлении с другими списками для выделения ядра лексикона и стилистической стратификации.

На основе существующих подходов разработан комплексный метод минимизации первичного частотного списка, исключающий собственные имена, редко используемые лексемы и служебные слова, не выполняющие номинативных функций. В результате применения данных критериев частотный список сокращен с 16 552 до 8 237 лексем. Для финального перечня знаменательных слов рассчитан коэффициент покрытия с шагом в 500 слов.

Анализ финального перечня показал, что 1 000 самых частотных знаменательных слов покрывают 50 % корпуса по политологии. После границы в 3 500 самых частотных знаменательных слов увеличение коэффициента покрытия замедляется. С точки зрения лингводидактики это можно интерпретировать так: после достижения объема словарного запаса, состоящего из 3 500 самых частотных слов, изучение 1 000 новых лексических единиц не приводит к значительному улучшению понимания – на этом этапе большее значение имеют средства связности, организация и логика развития текста рассуждения или текста-описания. Следовательно, при создании корпусно-ориентированных списков для обучения языку специальности минимальным объемом можно считать 1 000 знаменательных слов, покрывающих около 50 % корпуса. Используемый метод показывает, что оптимальным количеством является объем в 3 500–4 500 лексических единиц. Отметим, что указанные цифры не учитывают служебные слова: они исключены из списка в связи с тем, что в методике преподавания русского языка как иностранного служебные части речи является частью изучения грамматики.

Список литературы

- Андрюшина Н. П.** Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Третий сертификационный уровень. Общее владение. СПб.: Златоуст, 2018.
- Атийях Э. А.** Профессиональный лексический минимум по ядерной энергетике для иностранных магистрантов // Инновации и инвестиции. 2015. № 8. URL: <https://readera.ru/142163867> (дата обращения 22.06.2019).
- Алексеев П. М.** Статистическая лексикография. Л., 1975. 120 с.
- Баранов А. Н.** Введение в прикладную лингвистику. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 360 с.
- Ильина О. А.** Лексический минимум по языку специальности «Робототехника» как основа формирования лингвокоммуникативной компетенции иностранных магистрантов // Гуманитарный вестник. 2013. Вып. 2 (4). URL: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/lang/ling/42.html> (дата обращения 22.06.19).
- Ляшевская О. Н.** Корпусные инструменты в грамматических исследованиях русского языка. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2016. 518 с.
- Ляшевская О. Н., Шаров С. А.** Электронная версия издания: Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. URL: <http://www.artint.ru/projects/frqlist.php> (дата обращения 22.06. 2019).
- Леоненко А. Д., Шерварлы М. Г., Ямилова Д. А., Варивода Н. С.** Проблема отбора общепрофессиональной лексики для обучения иноязычных студентов (устный) // Метапредметный подход в образовании: Русский язык в школьном и вузовском обучении разным предметам: Сб. ст. Межрегион. науч.-практ. конф. / Сост. О. Е. Дроздова. М.: МПГУ, 2018. 372 с.

- Маркина Е. И.** Лингводидактические основы разработки лексических минимумов по русскому языку как иностранному (для разных уровней и профилей обучения): Дис. ... канд. пед. наук. М., 2011.
- Митрофанова О. Д.** Научный стиль речи: проблемы обучения. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 1985. 128 с.
- Морковкин В. В., Сафьян Ю. А., Степанова Е. М., Дорофеева И. В.** Лексические минимумы современного русского языка. М.: Рус. яз., 1985. 609 с.
- Морковкин В. В., Богачева Г. Ф., Луцкая Н. М., Попова З. П.** Система лексических минимумов современного русского языка: 10 лексических списков от 500 до 5000 самых важных русских слов / Под ред. В. В. Морковкина. М.: АСТ: Астрель, 2003.
- CERF – Общевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка. Страсбург: Департамент по языковой политике, 2003. 256 с.
- Пумпянский А. Л.** Введение в практику перевода научной и технической литературы на английский язык. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1981. 344 с.
- Савина О. Ю.** Методика формирования лексического минимума с помощью конкордансера // Вестник Тюмен. гос. ун-та. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2016. Т. 2, № 1. С. 92–99.
- Gries, S.** Statistics for learner corpus research. In: S. Granger, G. Gilquin, F. Meunier (eds.). The Cambridge Handbook of Learner Corpus Research (Cambridge Handbooks in Language and Linguistics. Cambridge, Cambridge University Press, 2015.
- Biber, D., Reppen R.** (eds.). Handbook of Corpus Linguistics. Cambridge, Cambridge University Press, 2015.
- Kilgarriff, F.** Charalabopoulou, M. Gavrilidou et al. Corpus-based vocabulary lists for language learners for nine languages. In: Lang Resources & Evaluation, 2014.
- Meara P., Milton J. X.** Lex, The Swansea levels test. Newbury, Express, 2003.
- McCarthy, M.** Accessing and interpreting corpus information in the teacher education context. *Language Teaching*, 2008, vol. 41.
- Nation, I. S. P.** Making and Using Word Lists for Language Learning and Testing. John Benjamins, 2016.
- Sinclair, John McN.** How to use corpora in language teaching. Amsterdam, Benjamins, 2004, 307 p.
- Scott, M., Tribble, C.** Textual Patterns: Key words and corpus analysis in language education. Amsterdam, Benjamins, 2006, 200 p.

Список источников

- Баранов Н. А.** Баранов. Политические отношения и политический процесс в современной России: Курс лекций. СПб.: БГТУ, 2004.
- Макарин А. В.** Теория и история политических институтов: Учеб. пособие для вузов / Под ред. А. В. Макарина, А. И. Стребкова. СПб., 2008.
- Селютин В. И.** Теория и практика политической науки. Воронеж, 2009.
- Соловьев А. И., Пугачев В. П.** Введение в политологию. М., 2000.
- Соловьев А. И.** Политология: Политическая теория, политические технологии: Учебник для студентов вузов. М., 2006.
- Туровский Р.Ф.** Политическая регионалистика. М.: Изд-во ГУ-ВШЭ, 2006.

References

- Alekseev, P. M.** Statistical lexicography. Leningrad, 1975, 120 p. (in Russ.)
- Andryushina, N. P.** A minimal Russian wordlist for foreign learners. Third certificate level. General knowledge. St. Petersburg, Zlatoust, 2018. (in Russ.)

- Attiyah E. A.** Professional'nyi lersicheskii minimum po yadernoi energetike dlya inostrannykh magistrantov. *Innovations and Investments*, 2015, no. 8. (in Russ.) URL: <https://readera.ru/142163867> (date accessed 22.06.2019).
- Baranov, A. N.** Introduction to applied linguistics. Moscow, Editorial URSS, 2003, 360 p.
- Biber, D., Reppen R.** (eds.). Handbook of Corpus Linguistics. Cambridge, Cambridge University Press, 2015.
- CERF – Common European framework of reference for languages: learning, teaching, assessment. Strasbourg: Department of language policy, 2003, 256 p. (in Russ.)
- Gries, S.** Statistics for learner corpus research. In: S. Granger, G. Gilquin, F. Meunier (eds.). The Cambridge Handbook of Learner Corpus Research (Cambridge Handbooks in Language and Linguistics. Cambridge, Cambridge University Press, 2015.
- Ilyina, O. A.** Lexical minimum of English for special purposes “Robotics” as the basis for the formation of linguo-communicative competence of foreign mA – gitrento. *Humanitarian Bulletin*, 2013, iss. 2 (4). (in Russ.) URL: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/lang/ling/42.html> (date accessed: 22.06.2019).
- Kilgarrieff, F.** Charalabopoulou, M. Gavrilidou et al. Corpus-based vocabulary lists for language learners for nine languages. In: Lang Resources & Evaluation, 2014.
- Leonenko, A. D., Servarly, M. G., Amirova, D. A., Varivoda, N. S.** The problem of selection professional vocabulary for learning foreign language students (oral). In: Metasubject approach in education: Russian language in school and University teaching different subjects: collection of articles of Interregional scientific and practical conference. Comp. by O. E. Drozdova. Moscow, Moscow State University Press, 2018, 372 p. (in Russ.)
- Lyashevskaya, O. N.** Corpus tools in grammatical studies of the Russian language. Moscow, Handwritten monuments of Ancient Russia, 2016, 518 p. (in Russ.)
- Lyashevskaya, O. N., Sharov, S. A.** Electronic version of the publication: Frequency dictionary of the modern Russian language (based on the materials of the National corpus of the Russian language). Moscow, Azbukovnik, 2009. (in Russ.) URL: <http://www.artint.ru/projects/frqlist.php> (date accessed: 22.06.19)
- Markina, E. I.** Linguodidactic basis for creating minimal wordlists for Russian foreign learners. Abstract. Moscow, 2011, 24 p. (in Russ.)
- McCarthy, M.** Accessing and interpreting corpus information in the teacher education context. *Language Teaching*, 2008, vol. 41.
- Meara P., Milton J. X.** Lex, The Swansea levels test. Newbury, Express, 2003.
- Mitrofanova O. D.** Scientific style of speech: teaching issues. 2nd ed., improved. Moscow, Russian Language Publ., 1985, 128 p. (in Russ.)
- Morkovkin, V. V., Bogacheva, G. F., Lutsкая, N. M., Popova, Z. P.** System of lexical minima of the modern Russian language: 10 lexical lists from 500 to 5000 of the most important Russian words. Ed. by V. V. Morkovkin. Moscow, AST: Astrel, 2003. (in Russ.)
- Morkovkin, V. V., Safyan, Y. A., Stepanov, E. M., Dorofeeva, V. I.** Lexical minimums of contemporary Russian language. Moscow, Russian Language Publ., 1985, 609 p. (in Russ.)
- Nation, I. S. P.** Making and Using Word Lists for Language Learning and Testing. John Benjamins, 2016.
- Pumpyansky, A. L.** Introduction to English translation of research and technical literature. Moscow, Nauka, 1981, 344 p. (in Russ.)
- Savina, O. Yu.** The Method of Forming a Vocabulary Minimum by Applying Corpus Analysis Toolkit for Concordancing. *Tyumen State University Herald. Humanities Research*, 2016, vol. 2, no. 1, p. 92–99. (in Russ.)
- Scott, M., Tribble, C.** Textual Patterns: Key words and corpus analysis in language education. Amsterdam, Benjamins, 2006, 200 p.
- Sinclair, John McH.** How to use corpora in language teaching. Amsterdam, Benjamins, 2004, 307 p.

Source List

- Baranov, N. A.** Political relations and political process in modern Russia: Lectures. St. Petersburg, BSTU Press, 2004. (in Russ.)
- Makarin, A. V.** Theory and history of political institutions: textbook for universities. Eds. A. V. Makarin, A. I. Strebkov. St. Petersburg, 2008. (in Russ.)
- Selyutin, V. I.** Theory and practice of political science. Voronezh, 2009. (in Russ.)
- Solovyov, A. I., Pugachev, V. P.** Introduction to political science. Moscow, 2000. (in Russ.)
- Soloviev, A. I.** Political Science: Political theory, political technologies: Textbook for University students. Moscow, 2006. (in Russ.)
- Turovsky, R. F.** Political regions. Moscow, Publishing house of HSE, 2006. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
19.07.2019

Сведения об авторах / Information about the Authors

Власова Екатерина Александровна, кандидат филологических наук, старший преподаватель Школы лингвистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия)

Ekaterina Al. Vlasova, PhD, Senior Lecturer of the Faculty of Humanities, School of Linguistics, National Research University Higher School of Economics (20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation)

evlasova@hse.ru

ORCID 0000-0001-6121-1934

SPIN 9231-4765

Карпова Елизавета Львовна, магистрант факультета гуманитарных наук школы лингвистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия)

Elizaveta L. Karpova, Master Graduate of the Faculty of Humanities, School of Linguistics, National Research University Higher School of Economics (20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation)

lizakarpova95@mail.ru

ORCID 0000-0001-8405-2518

SPIN 8074-4047

Ольшевская Мария Юрьевна, старший преподаватель Школы лингвистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия)

Maria Yu. Olshevskaya, Senior Lecturer of the Faculty of Humanities, School of Linguistics, National Research University Higher School of Economics (20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation)

molshevskaya@hse.ru

ORCID 0000-0002-1050-0784

SPIN 2146-2398

Блог как источник новейших англицизмов: на материале текстов интернет-дискурса моды

Ю. М. Алюнина

*Российский университет дружбы народов
Москва, Россия*

*Университет Люмьер Лион 2
Лион, Франция*

Аннотация

Обсуждается возможность использования блога как источника актуальных английских заимствований и их новых значений в современном русском языке. Цель исследования – рассмотреть блог как ресурс для изучения англицизмов и их значений, не имеющих лексикографического описания, на материале текстов интернет-дискурса моды. Активное вхождение в русский язык англицизмов, заключающееся в заимствовании новой лексики, создании производных и освоении новых значений, ставит проблему их лексикографического описания. В России наиболее полным и проработанным является Словарь англицизмов русского языка А. И. Дьякова, включающий как английские заимствования, так и производные от них неологизмы. Развитие информационных технологий и появление новых платформ интернет-коммуникации ускоряют процессы ассимиляции англоязычных заимствований и их значений и делают необходимым освоение современных ресурсов для поиска, научного изучения и лексикографического описания англицизмов. В данной работе таким ресурсом являются блоги о моде, расположенные на платформе «LiveJournal» («Живой журнал»). Поскольку интенсификация процессов заимствования англоязычной лексики приводит к освоению не только новых лексических единиц, но и новых значений у ранее заимствованных англицизмов, актуальным видится изучение как новейших заимствований, так и ассимилировавшихся. Результатом анализа 280 блоговых записей из шести блогов за период с 2014 по 2018 г. стало выделение группы английских заимствований, у которых в русскоязычном интернет-дискурсе моды обнаружились значения, не включенные в лексикографическое описание ранее освоенных англицизмов. Также были выявлены новые производные, свидетельствующие о продуктивности русских словообразовательных моделей и подтверждающие способность русского языка осваивать иноязычные слова, добавляя им новые стилистические и семантические оттенки посредством аффиксации. Такой результат позволяет сделать вывод о том, блог является эффективной платформой для сбора языкового материала при изучении заимствованной лексики. Перспектива обнаружения не зафиксированных значений у англицизмов в специализированных текстах предоставляет возможность более глубокого познания природы семантического освоения заимствований русским языком.

Ключевые слова

английские заимствования, современный русский язык, блог, дискурс моды, интернет-дискурс

Для цитирования

Алюнина Ю. М. Блог как источник новейших англицизмов: на материале текстов интернет-дискурса моды // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 4. С. 78–91. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-4-78-91

Blog as a Source of Recent Anglicisms: Internet Discourse of Fashion

Yulia M. Alyunina

*Peoples' Friendship University of Russia
Moscow, Russian Federation
University Lumière Lyon 2
Lyon, France*

Abstract

The paper dwells on the possibility of using a blog as a source of recent English loanwords and their new meanings in the modern Russian language. In the frame of researching internet discourse of fashion, the article is focusing on studying blogs as a resource of finding new Anglicisms and their meanings, which are not included into dictionaries. The modern Russian language tends to intensify the process of borrowing English lexical units and their semantics, which brings about the need of their lexicographic description. In Russia, the most detailed and well-developed source of English loanwords is the *Dictionary of Anglicisms of the Russian Language* composed by A. I. Dyakov who included there both the loanwords and derived from them neologisms. Information technologies development and introduction of new platforms for Internet communication boost the assimilation of English loanwords and their meanings and necessitate familiarizing with modern resources for searching, researching and fixation of Anglicisms. In this work, blogs on fashion stand for the resource allocated on the «LiveJournal» platform. Given the intensification of both Anglicisms and their new semantics borrowing, the research is targeting not only on recent English loanwords study, but on the assimilated ones as well. The analysis of 280 blog texts from six blogs of 2014-2018 in Russian fashion discourse revealed a group of old English loanwords that show new meanings, not included into the *Dictionary*. Another finding is a group of recent derivatives, which demonstrate the efficiency of Russian word formation patterns and confirm the ability of the Russian language to assimilate foreign words by extending their stylistic and semantic potential by means of Russian affixation. This result allows us to conclude that a blog is a rich resource for researching borrowings. The prospect of allocating new loanwords and their derivatives in a specific discourse provides an opportunity for deeper understanding of the loanwords semantic assimilation by the Russian language.

Keywords

English loanwords, modern Russian language, blog, internet-discourse, fashion discourse

For citation

Alyunina, Yulia M. Blog as a Source of Recent Anglicisms: Internet Discourse of Fashion. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 4, p. 78–91. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-4-78-91

Введение

Заемствованные слова составляют значительный пласт лексики любого языка. На сегодняшний день самым распространенным языком-источником является английский. В русском языке заметный рост числа англицизмов наблюдается с начала 50-х годов XX в. и особенно усиливается в 80–90-е гг. Согласно С. В. Воробьевой [2009. С. 178], в русском языке рубежа XX–XXI вв. количество новейших английских заимствований, зафиксированных в словарях, составило 673 слова. В это число не входят производные от англицизмов, имена собственные и реалии. Если принимать в расчет только англоязычные заимствования, имеющие лексикографическую фиксацию, современный лексикон русского языка на 10 % состоит из англицизмов [Лихачева, 2017. С. 48].

Под заимствованием понимается «элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т. п.)», перешедший из языка в язык, и процесс такого перехода [Языкознание: БЭС, 2000. С. 158]. Лексические единицы заимствуются чаще, чем синтаксические конструкции и фразеологизмы. Ассимилировавшиеся заимствования утрачивают черты своего иноязычного происхождения, получают лексикографическую фиксацию, входят в активное употребление и не воспринимаются носителями языка как иностранные. Русский язык отличается развитым словообразованием, поэтому многие англицизмы становятся производящими основами, от которых образуются неологизмы, также заслуживающие исследовательского внимания.

Согласно БЭС 2000 г., заимствуемые лексические единицы, как правило, относятся «к специальным отраслям знания или производства, <...> обозначают свойственные чужим народам или странам понятия» [Языкознание: БЭС, 2000. С. 158]. Однако интенсификация процессов заимствования, обусловленная развитием информационных технологий и межкультурных контактов, приводит к тому, что заимствованию из английского подвергается и обиходно-бытовая лексика: наименования предметов одежды и обуви (*мюли, сникерсы, свитшот, тренч* или *тренчкот*), названия популярных фитнес-тренировок (*сайкл, хот айрон* или *боди памп, бодикомбат, аквабайкинг, кроссфит*), названия блюд и напитков (*смузи, шейк, кукис, панкейки, ролл, маффин, пай*), канцелярских принадлежностей и офисной оргтехники (*степлер, стикер, диспенсер канцелярский, датер, бейдж, шредер, оверхед-проектор*), названия товаров для дома и строительных материалов (*джакузи, спот, сайдинг, молдинг, сплит-кондиционер*) и др.

Согласно Л. П. Крысину, активизация процессов освоения иноязычной лексики в столь широком спектре тематических групп во многом обусловлена «открытой (иногда чрезмерной) ориентацией на Запад» [Крысин, 2002].

Заимствования в русском языке моды

Наиболее ярко и продолжительно такая ориентация ощущается в сфере моды. Так, французская мода, захватившая «власть в Европе» [Васильев, 2019. С. 48] в XVII в., считалась в России эталонной вплоть до конца века XIX. Знакомство с французской модой привело к заимствованию соответствующей лексики, часть из которой закрепилась в русском языке и уже не кажется непривычной (*вуаль, тюль, габардин, жилет, ботинок, берет, ботильоны*), а часть осталась в истории вместе с предметами гардероба, потерявшими актуальность или переосмысленными сегодня (*горжетка, корсет, пеньюар, боа, жабо, галифе, панталоны*).

Язык современной моды утверждается под влиянием англоязычных глянцевого журналов, формирование которых «во всем мире происходило в основном под диктовку британских и американских образцов жанра» [Долматовская, 2013. С. 6–7]. Многие из современных журналов мод являются переводными с английского («Vogue», «Cosmopolitan», «Glamour» и др.), что стимулирует вхождение английских заимствований в язык перевода и обращает на себя исследовательское внимание: в польском [Witalisz, 2008], в испанском [Кулешова, 2010; Diez-Arroyo, 2016], румынском [Pop, Sim, 2012], французском [Cynarska-Chomicka, 2012], новогреческом [Худорopoulos, Papadopolou, 2018].

Несмотря на распространение и привлекательность глянцевого журналов, развитие информационных технологий способствовало росту популярности блогов, тематика которых очень разнообразна. Поскольку блоговые записи не подвергаются редакторской правке, как статьи в журналах и газетах, тексты в блогах публикуются в авторском варианте, соответственно, сохраняются те языковые средства, которые видятся автору уместными и репрезентативными. Согласно А. Ф. Ирбаевой [2018. С. 336] и Т. М. Гермашевой [2010. С. 153], в русскоязычных блогах наблюдается интенсивное использование англоязычных заимствований и производных от них неологизмов вне зависимости от темы сообщения.

Принимая во внимание тот факт, что язык блогеров «является отражением современных тенденций в языке» [Ирбаева, 2018. С. 336], интерес представляет научное изучение блога как источника актуальных английских заимствований и их производных в современном русском языке на материале текстов дискурса моды, в формировании которого важное участие принимали переводные западные издания.

Блог: понятие и классификация

В англоязычных словарных источниках блог определяется как сайт, на котором пользователь или группа пользователей регулярно публикует тексты, обычно объединенные общей тематикой (блог о здоровом образе жизни, блог для изучающих китайский), отличающиеся неформальным, разговорным стилем и часто дополняемые изображениями, видео, гипер-

ссылками¹. В английском языке слово *blog* является производным от *Weblog*, где *web* – *паутина, сеть*, а *log* – *запись наблюдений*².

Впервые слово *blog* было зафиксировано Оксфордским словарем в 2003 г. [Евсюкова, Гермашева, 2015. С. 234]. Относительно недавнее возникновение блога оставляет его развивающимся феноменом в культуре, что проявляется в возникновении разных жанровых форм блога, в составлении классификаций блогов, научном изучении этого феномена как инструмента виртуального общения и средства массовой информации.

В современной филологической науке блог рассматривается как жанр интернет-коммуникации со своими жанровыми законами [Калашникова, 2010. С. 173]. Блог возник в результате «трансформации жанровой модели «классического» дневника, <...> и оформился в процессе развития блогосферы в гипержанр» [Кочеткова, Тубалова, 2014. С. 40], объединяющий несколько жанров (блог-дневник, новостной блог, блог-репортаж, модный блог и т. п.). Также разным жанрам могут принадлежать отдельные блог-статьи или посты, как их принято называть в блогосфере (от англ. *to post* – *опубликовать*): пост-инструкция, пост-комментарий, пост-обзор, пост-рейтинг и т. д. [Евсюкова, Гермашева, 2015. С. 236–237]. В нашей статье используется научный эквивалент понятия *пост*, предложенный Е. А. Баженовой и И. А. Ивановой, – *блоговая запись* [2012. С. 128].

Итак, с технической точки зрения блог представляет собой интернет-платформу, на которой регулярно публикуются тексты пользователей на определенную тематику, предполагающие возможность обсуждения текстов в комментариях. С литературоведческой точки зрения, блог – это жанр, которому принадлежат тексты, публикуемые блогерами на одной интернет-платформе.

С развитием блога как интернет-платформы и как жанра сформировалось множество подходов к классификации блогов.

1. По мультимедийности: текстовые (преобладает текстовая информация), фотоблоги (ряд фотографий дополняется комментариями), видеоблоги (видеозаписи на своем интернет-канале, например, в YouTube, где блогер выступает ведущим).

2. По категории читателей: женский блог, блог велосипедиста, преподавателя, блог молодой мамы и др.

3. По тематике: мы предлагаем использовать термины тематически открытые и закрытые блоги. Последние посвящены конкретной теме: кулинария (рецепты и советы), мода (одежда, внешний вид), красота (косметика, макияж, уход за собой), политика, спорт и др. В тематически открытых блогах, напротив, могут появляться статьи на совершенно разные темы, которые интересуют автора.

4. По содержанию и цели: «блог новостей, персональный (личный) блог, профессиональный (специализированный) блог, имиджевый блог (бренд-блог)» [Ибраева, 2018. С. 334]. Многие блоги сочетают признаки разных групп. Например, персональный блог может быть одновременно профессиональным (блог независимого художника).

Названные классификационные основания были использованы для выбора блогговых платформ и дальнейшего поиска конкретных блогговых записей, из которых производился сбор языкового материала.

Постановка проблемы

Активное вхождение в русский язык англицизмов, заключающееся в заимствовании новой лексики, создании производных и освоении новых значений, ставит проблему их лексикографического описания. В России наиболее полным и проработанным является Словарь англицизмов русского языка [Дьяков], имеющий книжную и электронную версии, последняя из

¹ Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/window> (accessed: 19.02.2019); Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/>; Oxford English Dictionaries. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/> (accessed: 14.02. 2019).

² Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/> (accessed: 19.02.2019).

которых насчитывает более 20 000 английских заимствований [Fenogenova, Kazorin, Karpov, 2016. С. 32]. В Словаре представлены не только собственно англицизмы (*байер, макбук, зип-файл, тимкиллер* и др.), но и неологизмы, образованные от основ англоязычных заимствований (*байерский, макбуковый, зиповать, тимкиллерство* и др.). Последние входят в лексикографическое описание англицизмов как их производные.

Развитие информационных технологий и появление новых платформ интернет-коммуникации (блоги, социальные сети, мессенджеры и др.) ускоряют процессы ассимиляции английских заимствований и их значений и делают необходимым освоение современных ресурсов для поиска, научного изучения и лексикографического описания англицизмов, оставшихся без внимания. В данной работе таким ресурсом являются блоги о моде, расположенные на платформе «LiveJournal» («Живой журнал»).

Цель и гипотеза

Цель нашего исследования – рассмотреть блог как источник современных английских заимствований и их значений, не имеющих лексикографического описания, на материале текстов интернет-дискурса моды.

Ожидается выявление английских заимствований и их производных, не имеющих лексикографической фиксации в Словаре англицизмов русского языка, и обнаружение новых значений у ранее зафиксированных заимствований.

Дискурс моды в отечественной лингвистике

В широком смысле мода трактуется как господство каких-либо вкусов. В узком – под модой понимается смена «форм и образцов одежды», происходящая в относительно короткие промежутки времени [БРЭ, 2012. С. 572]. Второе понимание моды обратило на себя внимание зарубежных исследователей в середине XX в. [Barthes, 1967]. Р. Барт рассматривал моду как систему, имеющую три уровня: реальная одежда, одежда-образ и одежда-описание. Именно последний уровень стал предметом изучения французских структуралистов и впоследствии утвердился как объект лингвистических исследований. В России мода вошла в фокус научного освещения лишь на рубеже XX–XXI вв., поэтому с языковедческой точки зрения пока остается развивающимся и малоизученным явлением [Губина, 2015; Косицкая, 2014; Никитина, 2015].

В лингвистике мода изучается с позиции ее вербального воплощения в текстах, что определяет основные предметные области ее изучения, сформировавшиеся в отечественном языкознании: 1) этимология заимствованной лексики в русскоязычном дискурсе моды [Ягафарова, 2017]; 2) лексика в русскоязычном дискурсе моды в сопоставительном аспекте с другим языком [Никитина, 2015. С. 108]; 3) функциональные особенности иноязычных заимствований в дискурсе моды [Бочарникова, 2012; Мартынова, Рубцова, 2015]; 4) концептуальные особенности формирования русскоязычного дискурса моды [Малетина, Гариб, 2009; Подобед, 2016].

В отечественной литературе дискурс моды определяется как «продукт деятельности группы людей мира моды (вестиментарный код), где указаны совокупность значимых оппозиций и правил сочетания элементов одежды» [Косицкая, 2014. С. 23]. Иными словами, под дискурсом моды понимаются тексты о моде: описание и характеристика одежды, обуви, аксессуаров, советы по стилю и макияжу, обзоры модных показов, тексты по истории моды и т. д. Таким образом, дискурс моды справедливо рассматривать как универсальный в плане потенциальной вовлеченности в него говорящих разных социальных, профессиональных и возрастных групп, поскольку все мы «соприкасаемся» с миром моды, например, просматривая каталоги интернет-магазинов или консультируясь у продавца.

Согласно В. В. Губиной, русскоязычный дискурс моды зарождается в текстах переводных журналов [Губина, 2015. С. 76], что, с нашей точки зрения, является одним из объяснений

обильного использования в российских изданиях заимствованной лексики и, как следствие, интереса к ее научному осмыслению. Развитие информационных технологий в свою очередь дало импульс к распространению английских заимствований посредством платформ для интернет-коммуникации, среди которых особое место занимают блоги как «альтернативные и независимые источники информации, новостей и средство выражения общественного мнения» [Кочеткова, Тубалова, 2014. С. 43].

Методология сбора и анализа материала

Объектом нашего изучения выступают английские заимствования в русскоязычном дискурсе моды, представленном в блоговых записях за период с 2014 по 2018 г.

Сбору материала предшествовала трехступенчатая выборка источников. На первой ступени производился выбор блоговых платформ. На второй – выбор блогов. На третьей – выбор блоговых записей.

Выбор блогов осуществлялся на основании описанных выше критериев, некоторые из них использовались также для выборки блоговых записей.

1. По мультимедийности выбирались блоги, в которых доминирует текстовая информация.

2. По категории читателей – женские блоги. Этот критерий в основном следует из тематики анализируемого дискурса. Поскольку внимание сосредоточено на блогах о моде, категория читателей как критерий практически не регулируется. Блоги о моде, как и модные журналы, в основном посвящены женской моде, если не оговорено, что блог или журнал предназначен для мужчин (журналы «Men's Health», «MAXIM»; блоги «Yerman», «Мужской блог»).

3. По тематике – блоги о моде. Это основной критерий, на который мы ориентировались в выборе блогов и блоговых записей.

4. По содержанию и цели создания выбирались персональные и профессиональные блоги. Понятие персональности блога соотносится с принадлежностью блога к конкретному лицу, а не к организациям, которые ведут корпоративные блоги. Так, блоги некоторых (интернет-)магазинов позиционируют себя как персональные, рассказывающие о новинках в мире моды, которые можно приобрести у конкретного производителя. Понятие профессиональности соотносится с тем, что некоторые авторы модных блогов являются стилистами и используют блоги для привлечения внимания к своей деятельности, расширения клиентской базы.

Также в рамках исследования был установлен временной критерий, ограничивающий период выборки (2014–2018 гг.) и выбор блогов, которые должны демонстрировать свою активность в заданное время.

Первая ступень выборки

Источником языкового материала послужили тексты блоговой платформы «Живой журнал» или «LiveJournal» [Живой журнал]. Выбор платформы обусловлен ее популярностью в русскоязычном сегменте интернета.

Вторая ступень выборки

В ленте раздела «Стиль» на «LiveJournal» за четыре года было обнаружено шестнадцать блогов, авторы которых освещают тему моды.

Поскольку не каждый блог является тематическим, не каждая блоговая запись о моде принадлежит модному блогу: автор может вести блог на различные темы и посвящать некоторые из своих публикаций моде. Проверка блогов на предмет их принадлежности к рассматриваемой тематической группе обнаружила тринадцать закрытых блогов и три открытых. Было принято решение не исключать последние из выборки, поскольку обнаружение

«модных» англицизмов в тематически открытых блогах служит в пользу универсальности дискурса моды.

Блоги, позиционирующие себя как модные, прошли проверку на тематическую универсальность, в результате чего из выборки был исключен блог «Anna_Chertkova: Москвичка в Милане», поскольку его содержание не полностью соответствует тематике моды: более частотны записи о жизни в Италии и об итальянской кухне, а публикации о моде преподносятся сквозь призму «как одеваются итальянки».

По критерию мультимодальности из списка модных блогов был исключен блог «Бюро модных дел», так как в нем преобладает графическая информация (личные фотографии, фотографии из интернета и журналов), а текстовая информация является лишь сопровождающей.

Также на основании установленного в рамках исследования временного критерия не вошли в финальную выборку блоги «Красота, одежда, шоппинг!», «О моде и стиле для тех, кому за 30» и «Idealistkame», поскольку в первом в 2014–2015 гг. практически отсутствуют записи, второй активен только в 2016–2017 гг., в третьем имеются записи лишь в 2017 г.

В результате второй ступени выборки в финальный список блогов-источников языкового материала вошло шесть блогов: три тематически закрытых и три открытых (табл. 1). Из открытых блогов источниками англицизмов стали только блоговые записи о моде.

Третья ступень выборки

На финальной ступени выборки осуществлялся отбор блоговых записей, подходящих для сбора языкового материала. На этой ступени релевантными оказались два критерия. Первый – по мультимедийности, на основании которого из выборки исключались блоговые записи с минимальным текстом (названия к фотографиям) или без него. Второй – по тематике, на основании которого в выборку не включались блоговые записи, повествующие не о моде (поздравление читателей с новым годом, объявление об уходе в отпуск, рассказ о поездке за границу и проч.).

Финальная выборка составила 280 блоговых записей, включающих 172 454 слова (см. табл. 1).

Выбранные блоговые записи были проанализированы на предмет использования английских заимствований и их производных в текстах дискурса моды. В первичную выборку включались все англицизмы и производные от них неологизмы: имеющие непосредственное отношение к дискурсу моды (*глиттер, пейсли, тотал-лук, бейсболка*) и не имеющие (*трабл, фейс, постить, коммент, ангрейдить*), являющиеся давно ассимилировавшимися заимствованиями (*свитер, джинсы, леггинсы, клипсы, дизайнер, кеды*) и новые или не частотные (*свитишот, чокер, френч, комбидрес, боди, скетчерсы*).

В результате анализа было выявлено 303 англицизма (см. табл. 1) с количеством вхождений 4 951 единиц, что составляет 3 % от 172 454 слов. Среди этих англицизмов в исследовательский корпус вошло 196 слов (4 219 вхождений), относящихся к дискурсу моды.

Английские заимствования в русскоязычном интернет-дискурсе моды

Следующий этап работы с исследовательским корпусом – проверка вхождения английских заимствований и их производных в электронную версию Словаря англицизмов русского языка А. И. Дьякова [2012] по состоянию на первый квартал 2019 г. Проверка выявила наличие в нашем корпусе слов и значений, отсутствующих в словаре (табл. 2). Наличие слов из исследовательского корпуса в Словаре проверялось посредством сопоставления единиц корпуса со словарными единицами. Наличие значений, присущих лексическим единицам корпуса, проверялось посредством детального изучения лексикографического описания англицизмов и их производных, которые присутствуют и в корпусе, и в Словаре. Обнаруженные в корпусе значения, не представленные в Словаре, маркировались как новые. В первой колонке представлены англицизмы и их производные, не включенные в Словарь А. И. Дьякова. Во вторую колонку включены отсутствующие в Словаре производные, которые были обра-

зованы от англицизмов, зафиксированных Словарем. В третьей колонке приведены англицизмы, которые употребляются в дискурсе моды в значениях, не учтенных Словарем. Цифры показывают количество вхождений англицизмов и их производных в исследовательский корпус.

Таблица 1

Источники и языковой материал

Table 1

Sources of Anglicisms

Название блога	Период выборки	Количество		
		записей	слов	англицизмов и их производных
Тематически закрытые блоги				
«Стильные заметки, блог о стиле и моде»	03.01.2014 – 13.08.2018	112	43 157	83
«7 одежек. Свой гардероб – свои правила»	31.01.2014 – 10.08.2018	83	79 828	160
«Lena View»	22.04.2015 – 11.12.2018 *	81	46 821	107
Тематически открытые блоги				
«Anything for a quiet life»	18.12.2017	1	1 075	1
«Дневник очаровательной киберледи»	26.06.2017 и 28.05.2017	2	872	15
«Блог визуальных осколков. Иллюстрированный журнал Алексея Наседкина»	04.10.2017	1	701	1
Всего	2014–2018	280	172 454	303 **

* Блог ведется с апреля 2015 года, поэтому 2014 год в выборке отсутствует. По этой причине выборка продлена до конца 2018 г.

** Общее число англицизмов состоит не из суммы заимствований в каждом блоге, а из суммы неповторяющихся англицизмов во всех блоговых записях.

Таблица 2

Новейшие англицизмы дискурса моды в русском языке

Table 2

Recent Anglicisms in Russian Fashion Discourse

Англицизмы и их производные	Новые производные	Англицизмы с новыми значениями
Левайсы 2, найки 1, ньюбэлансы 1, рибоки 2, фитбит 1, капрон 2 – капроновый 7, гикшик или гик-шик 8, преппи 8, томбой 2, битловка 1, киттенхилы или киттен хилл 1, нюд 7 – нюдовый 12, руана 31, скини 26, слиперы 17, слипоны 17, смарт-вотч 6, флатформа 4, тоут 3, чинос 13, хобо 2	Кэжуально 6 – кэжуальность 9 – кэжуальщик 24, трендец 2 – трендобрендово 1 – трендобрендовый 1 – трендыбренды 25 – трендово 1 – трендовость 2, хиппушка 1, застайлить 1, шопоголизм 1, стритстайловский 3, миксование 1 – миксовать 24, принтованный 2	Хантеры 3, финиш 2, кейп 3, лайнер [вид подводки для глаз] 1, челси 8, [очки] авиаторы 3

Низкая частотность вхождения в исследовательский корпус большинства слов из табл. 2 не означает их низкую частотность в речи. Простейший поиск в браузерах «Google» и «Яндекс» свидетельствует о распространении данных англицизмов и их производных интернет-текстах. Например, при установлении настройки «точное соответствие» в Google на запрос *гик-шик*³ обнаруживается 279 000 результатов, на *киттен хилл*⁴ – 28 500, на *битловка*⁵ – 10 800. На запрос *нюд*⁶ в Яндексе обнаруживается 360 000 результатов, на *тоут*⁷ – 505 000.

Исключения составляют англицизмы, образованные от наименований брендов (*левайсы*, *найки*, *ньюбэлансы*, *рибоки*, *фитбит*): на эти поисковые запросы в первую очередь появляются сайты магазинов и производителей, где используются слова *Levi's*, *Nike*, *New Balance*, *Reebok*, *Fitbit*. То же самое характерно для заимствований *тимберленды*, *мартинсы* / *мартенсы*, *конверсы* (*Timberland*, *Dr. Martens*, *Converse*), зафиксированных Словарем.

Наибольший интерес, с нашей точки зрения, представляет третья группа заимствований. Все эти лексические единицы учтены Словарем, однако в русскоязычном дискурсе моды они используются в иных значениях, которые имеются в семантике аналогичных английских слов⁸. Ниже приведены эти значения и примеры из проанализированных блогговых записей, а также лексикографические данные слов, зафиксированные в Словаре по состоянию на первый квартал 2019 г.

1. Лайнер (англ. *eye liner*, *liner*) – подводка для глаз.

Чтобы ваша внешность не терялась на фоне одежды, добавьте контраста в макияж, например, используя лайнер для глаз и насыщенный цвет губ («Lena View»)/

В Словаре представлены следующие значения этого слова: 1. авиа. Скоростной пассажирский самолет. 2. мор. Большое быстроходное пассажирское судно. 3. сленг. Человек хуже лужера. 4. спорт. В лыжах – мягкий сапожок, вставляющийся в жесткий пластмассовый ботинок. 5. бум. Слой картона [Дьяков].

2. Финиш (англ. *finish*) – последний слой покрытия или полировки какой-либо поверхности (тканевой, кожаной, деревянной и др.)

Этой зимой в почете кожа с любым финишем, лак, замша, матовые поверхности («Lena View»).

Лексикографическое описание данного слова в Словаре выглядит следующим образом: 1. спорт. Заключительная часть спортивного состязания. 2. спорт. Конечный пункт дистанции. 3. общ. Завершение чего-либо [Дьяков].

3. Кейп (англ. *cape*) – часть длинного плаща или пальто, свободно покрывающая плечи и завязывающаяся у шеи; короткая безрукавная накидка аналогичного кроя.

Можно не спешить облачаться в пальто, а выбрать себе уютный кейп или пончо в Массимо Дутти («Стильные заметки, блог о стиле и моде»).

³ Гик-шик (от англ. *geek chic*) (в моде) – стиль, основанный на сочетании, казалось бы, не модных элементов гардероба, создающих впечатление скучного и занудного человека, увлеченного комиксами и компьютерными технологиями. Основным атрибутом гик-шика являются прозрачные (не солнцезащитные) очки [OED; Cambridge Dictionary; Urban Dictionary].

⁴ Киттен хилл(ы) (от англ. *kitten heel*) – туфли на каблучке или каблучки, напоминающие шпильку, но не превышающие 5 см [OED; Cambridge Dictionary; Urban Dictionary]. В России также известны как каблук-рюмочка.

⁵ Битловка (от англ. *The Beatles*) – то же, что и водолазка [AbbyLingvo].

⁶ Нюд, нюдовый (от англ. *nude*) – цвета, близкие к естественным оттенкам кожи [OED; Cambridge Dictionary]. Обычно используется по отношению к тонам макияжа, маникюра, предметов гардероба.

⁷ Тоут (от англ. *tote / tote bag*) – большая сумка из прочного материала, с двумя ручками, обычно без застежки или молнии. Предназначена для ношения большого количества предметов [OED; Cambridge Dictionary].

⁸ Oxford English Dictionaries. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/>; Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (accessed: 14.02.2019); Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/window/>; Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/> (accessed: 19.02.2019).

Словарное толкование слова *кейн* выглядит следующим образом: «Серия алмазов, характеризующаяся жёлтым оттенком в диапазоне от практически бесцветного до ярко жёлтого цвета во всем объеме камня» [Дьяков].

4. Челси (англ. *chelsea*) – ботинки по щиколотку с боковыми вставками из эластичного материала.

Но самое главное в эксперименте даже <...> то, что обувь не подходит для моей фигуры и пропорций. Челси в этом плане очень требовательны к фигуре! («Стильные заметки, блог о стиле и моде»).

В словаре представлены следующие значения рассматриваемой лексической единицы: 1. част. общ. Город в штате Массачусетс. 2. общ. Район западных улиц г. Нью-Йорка между Седьмой и Десятой Авеню. 3. тур. Название гостиницы в Нью-Йорке. 4. част. общ. Название района Лондона. 5. част. нескл. спорт. Английский футбольный клуб [Дьяков].

5. Авиаторы (англ. *aviator glasses, aviators*) – солнцезащитные очки с легкой металлической оправой и относительно большими стеклами, обычно не полностью темными, а слегка затусованными.

Приведу пример с авиаторами, потому как умные люди из авторитетных источников утверждают, что это и есть самая универсальная форма оправ («7 одежек»).

В Словаре слово отсутствует.

6. Хантеры (англ. *hunter boots, hunters*) – непромокаемые резиновые сапоги. Изначально название *hunters* использовалось по отношению к резиновым сапогам производителя Hunter Boot Ltd, которые отличались своим дизайном и качеством. Впоследствии любые похожие резиновые сапоги стали называться *hunters*.

Хантеры и другие довольно дорогие резиновые сапоги, как правило, прямые в голенище и на большинстве не модельных ног доходят почти до колена, <...> («7 одежек»).

Лексикографическое описание слова *хантеры* представлено так: 1. комп. сленг. Персонаж, который за кем-то охотится. 2. авто. УАЗ Хантер – вседорожник [Дьяков].

Новые производные, безусловно, не всегда свидетельствуют о появлении потенциально частотного слова. Некоторые из них, скорее, относятся к сленгу (*стритстайловский, принтованный, кэжуальщик*) или выступают речевой особенностью отдельно взятого человека (*трендыбренды, трендобрендовый, трендово, трендовость, трендец*), однако в обоих случаях они свидетельствуют о продуктивности русских словообразовательных моделей и еще раз подтверждают способность русского языка осваивать иноязычные слова, добавляя им новые стилистические и семантические оттенки посредством аффиксации.

Заключение

Исследование англоязычных заимствований и их производных в интернет-дискурсе моды на материале блоговых записей позволило сделать вывод о том, блог является эффективным источником для сбора языкового материала при изучении заимствованной лексики. Русскоязычные блоги обнаруживают англицизмы и их производные, не имеющие лексикографической фиксации, а также новые значения, не включенные в словари заимствований. Перспектива обнаружения таких значений в специализированных текстах предоставляет возможность более глубокого познания природы семантического освоения заимствований русским языком.

Список литературы

Баженова Е. А., Иванова И. А. Блог как интернет-жанр // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 4 (20). С. 125–131.

- Бочарникова М. М.** Англоязычные заимствования в дискурсе российских телевизионных программ о моде (на материале наименований одежды) // Ярославский педагогический вестник. 2012. Вып. 1 (2). С. 188–191.
- Васильев А.** Этюды о моде и стиле. М.: Альпина нон-фикшн; Глагол, 2019. 560 с.
- Воробьева С. В.** Грамматическая ассимиляция новейших англицизмов в русском языке // Вестник Моск. гос. лингвист. ун-та. Серия: Филология. 2009. Вып. 5 (42). С. 178–186.
- Гермашева Т. М.** Исследование лингвистических и паралингвистических характеристик блог-дискурса // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2010. Вып. 126. С. 150–155.
- Губина В. В.** Топология современного русскоязычного дискурса моды: перевод, адаптация, аналоговый текст // Вестник Удмурт. ун-та. Серия: История и филология. 2015. Вып. 5 (25). С. 76–80.
- Долматовская Т. В.** Феномен женского глянцевого журнала в российской культуре: Автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2013. 29 с.
- Дьяков А. И.** Особенности функционирования англицизмов тематической группы «обиходно-бытовая лексика» // Язык и культура. 2012. Вып. 4 (20). С. 5–21.
- Евсюкова Т. В., Гермашева Т. М.** Основные подходы к определению понятий «блог» и «блогосфера» в лингвистике // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. Вып. 11. С. 234–239.
- Ибраева А. Ф.** Языковые особенности текстов англоязычной и русскоязычной блогосферы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. Вып. 8 (86). Ч. 2. С. 333–336.
- Калашникова А. А.** Блог как гибридный речевой жанр // Научная мысль Кавказа. 2010. Вып. 3. С. 172–177.
- Косицкая Ф. Л.** Дискурс моды и его жанровая дифференциация // Вестник ТГПУ. 2014. Вып. 145 (4). С. 22–27.
- Кочеткова М. О., Тубалова И. В.** Динамика развития блога как жанра дискурса блогосферы: социолингвистический аспект // Вестник Томск. гос. ун-та. 2014. Вып. 1 (27). С. 39–52.
- Крысин Л. П.** О русском языке наших дней // Изменяющийся языковой мир. 2002. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-02.htm> (дата обращения 23.04.2018).
- Кулешова Н. А.** Англицизмы в испанских женских журналах // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2010. Вып. 2. С. 34–41.
- Лихачева Ж. В.** О способах заимствования в современном русском языке на примере молодежного сленга // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2017. Вып. 30 (4). С. 48–52.
- Малетина О. А., Гариб А. Б.** Реализация концепта «мода» в массово-информационном дискурсе (на материале журналов «Vogue», «Yes») // Lingua mobili. 2009. Вып. 17 (3). С. 137–142.
- Мартьянова Н. А., Рубцова М. В.** Практики управления идентичностью быти-блогеров: мультимодальный подход к анализу депрофессионализации // Studia Humanitatis. 2015. Вып. 1. URL: <http://st-hum.ru/content/martyanova-na-rubcova-mv-praktiki-upravleniya-identichnostyu-byuti-bloggerov-multimodalnyu> (дата обращения 16.02.2018).
- Никитина Е. А.** «Модный» дискурс российской недели моды // Коммуникативные исследования. 2015. Вып. 3 (1). С. 104–116.
- Подобед К. А.** Фэшн-текст в глобальном информационном пространстве (опыт сопоставления национальных концептосфер) // Вестник Череповецкого гос. ун-та. 2016. Вып. 1. С. 55–60.
- Ягафарова Л. Т.** Заимствованная лексика в вербализации концепта «мода» в современной массовой литературе // Язык и культура. 2017. Вып. 40 (4). С. 113–121.
- Barthes, R.** *Système de la mode*. Paris, 1967.
- Barthes, R.** *Fashion system*. Paris, 1967. (in French)

- Cynarska-Chomicka, B.** Les Anglicismes Récents dans le vocabulaire Français de la Mode. *Romanica-Cracoviensia*, 2012, no. 11, p. 75–82.
- Cynarska-Chomicka, B.** Recent anglicisms in the French fashion vocabulary. *Romanica-Cracoviensia*, 2012, no. 11, p. 75–82. (in French)
- Diez-Arroyo, M.** English Words as Euphemisms in Spanish Fashion. *English Today*, 2016, no. 3 (32), p. 30–39.
- Fenogenova A., Kazorin V., Karpov I.** A General Method Applicable to the Search for Anglicisms in Russian Social Network Texts. In: Proceedings of the Artificial Intelligence and Natural Language AINL FRUCT 2016 Conference, 2016, p. 31–36.
- LiveJournal. URL: <https://www.livejournal.com/>.
- Pop A.-M., Sim M.-A.** Anglicisms in Romanian Fashion Magazines. Case Study – Elle, Harper's Bazaar, Marie Claire. *Journal of Languages for Specific Purposes*, 2015, no. 2, p. 21–34.
- Witalisz, A.** Polish Anglicisms in the Fields of Leisure, Fashion and Entertainment against Historical Background. *Revista de Linguas para Fines Especificos*, 2018, no. 24 (1), p. 142–165.
- Xydopoulos G. J., Papadopoulou R.** Fashion Anglicisms in Modern Greek: A preliminary investigation. *Revista de Linguas para Fines Especificos*, 2018, no. 24 (1), p. 166–187.

Список словарей

- БЭС – Большая Российская энциклопедия / Под. ред. Ю. С. Осипова. М.: Большая российская энциклопедия, 2012. Т. 20. 767 с.
- Дьяков А. И.** Словарь англицизмов русского языка. URL: <http://anglicismdictionary.dishman.ru/> (дата обращения 23.04.2018).
- Языкознание: большой энциклопедический словарь / Под. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. 688 с.
- AbbyLingvo. URL: <https://forum.lingvolive.com/thread/177576/> (дата обращения 24.12.2018).
- AbbyLingvo. URL: <https://forum.lingvolive.com/thread/177576/> (accessed: 24.12.2018). (in Russ.)
- Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (accessed: 14.02.2019).
- OED – Oxford English Dictionaries. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/> (accessed: 14.02.2019).
- Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/window> (accessed: 19.02.2019).
- Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/> (accessed: 19.02.2019).
- Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/> (accessed: 19.02.2019).

References

- Barthes, R.** Fashion system. Paris, 1967. (in French)
- Barthes, R.** Système de la mode. Paris, 1967.
- Bazhenova, E. A.** Blog as an Internet Genre. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2012, no. 4 (20), p. 125–131. (in Russ.)
- Bocharnikova, M. M.** English-Speaking Borrowings in the Discourse of the Russian Television Programmes about Fashion (on the material of Clothes Names). *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2012, no. 1 (2), p. 188–191. (in Russ.)
- Cynarska-Chomicka, B.** Les Anglicismes Récents dans le vocabulaire Français de la Mode. *Romanica-Cracoviensia*, 2012, no. 11, p. 75–82.
- Cynarska-Chomicka, B.** Recent anglicisms in the French fashion vocabulary. *Romanica-Cracoviensia*, 2012, no. 11, p. 75–82. (in French)
- Diez-Arroyo, M.** English Words as Euphemisms in Spanish Fashion. *English Today*, 2016, no. 3 (32), p. 30–39.

- Dolmatovskaya, T.** Women Glossy Magazine in Russian Culture. Dissertation abstract. Moscow, 2013, 29 p. (in Russ.)
- Dyakov, A. I.** Peculiarities of the Functioning of Anglicisms Belonging to a Topic Group «Every-day Colloquial Vocabulary». *Language and Culture*, 2012, no. 4 (20), p. 5–21. (in Russ.)
- Evsyukova, T. V., Germasheva, T. M.** The main approaches to the Definition «Blog» and «Blogosphere» in Linguistics. *Humanities, Social-economic and Social Sciences*, 2015, no. 11, p. 234–239. (in Russ.)
- Fenogenova A., Kazorin V., Karpov I.** A General Method Applicable to the Search for Anglicisms in Russian Social Network Texts. In: Proceedings of the Artificial Intelligence and Natural Language AINL FRUCT 2016 Conference, 2016, p. 31–36.
- Germasheva, T. M.** Linguistic and Paralinguistic Features of the Blog-Discourse. *Bulletin of Herzen State Pedagogical University of Russia*, 2010, no. 126, p. 150–155. (in Russ.)
- Gubina, V. V.** Topology of Fashion Discourse in Modern Russian: Translation, Adaptation, Analog Text. *Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*, 2015, no. 5 (25), p. 76–80. (in Russ.)
- Iagafarova, L. T.** The Borrowed Lexicon in Verbalization of a Concept Fashion in the Modern Popular Literature. *Language and Culture*, 2017, no. 40 (4), p. 113–121. (in Russ.)
- Ibraeva, A. F.** Linguistic Features of Texts of English and Russian Blogosphere. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 2018, no. 8 (86), part 2, p. 333–336. (in Russ.)
- Kalashnikova, A. A.** Blog as a Hybrid Speech Genre. *Scientific Thought of Caucasus*, 2010, no. 3, p. 172–177. (in Russ.)
- Kochetkova, M. O., Tubalova, I. V.** Development of the Blog as a Genre of the Blogosphere Discourse: the Sociolinguistic Aspect. *Tomsk State University Journal of Philology*, 2014, no. 1 (27), p. 39–52. (in Russ.)
- Kositskaya, Ph. L.** The Fashion Discourse and its Genre Differentiation. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2014, no. 145 (4), p. 22–27. (in Russ.)
- Krysin, L. P.** On Russian Language of our Times. *Changing Language World*, 2002. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-02.htm> (accessed: 23.04.2018). (in Russ.)
- Kuleshova, N. A.** Anglicisms in the Spanish Women's Magazines. *Russian Journal of Linguistics*, 2010, no. 2, p. 34–41. (in Russ.)
- Lilhacheva, Zh. V.** Methods of Borrowing in Modern Russian Language on the Example of Youth Slang. *The Science of Person: Humanitarian Researches*, 2017, no. 30 (4), p. 48–52. (in Russ.) LiveJournal. URL: <https://www.livejournal.com/>.
- Maletina, O. A., Garib, A. B.** Concept of Fashion in Mass-Media Discourse. *Lingua Mobilis*, 2009, no. 17 (3), p. 137–142.
- Martyanova, N. A., Rubtcova, M. V.** The Identity Management Practices of Beauty-Bloggers: A Multimodal Approach to the Deprofessionalization's Analysis. *Studia Humanitatis*, 2015, no. 1. URL: <http://st-hum.ru/content/martyanova-na-rubtcova-mv-praktiki-upravleniya-identichnostyu-byuti-bloggerov-multimodalnyy> (accessed: 16.02.2018). (in Russ.)
- Nikitina, E. A.** The Fashion Discourse of the Russian Fashion Week. *Communication Studies*, 2015, no. 3 (1), p. 104–116. (in Russ.)
- Podobed, K. A.** Fashion-Text in Global Information Space (National Concept Spheres Comparison). *Cherepovets State University Bulletin*, 2016, no. 1, p. 55–60.
- Pop A.-M., Sim M.-A.** Anglicisms in Romanian Fashion Magazines. Case Study – Elle, Harper's Bazaar, Marie Claire. *Journal of Languages for Specific Purposes*, 2015, no. 2, p. 21–34.
- Vasil'ev, A.** Sketches on Fashion and Style. Moscow, Alp'ina non-fiction; Glagol, 2019, 560 p. (in Russ.)
- Vorob'jova, S. V.** Grammatical Assimilation of Recent Anglicisms in Russian. *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Philology*, 2009, no. 5 (42), p. 178–186. (in Russ.)
- Witalisz, A.** Polish Anglicisms in the Fields of Leisure, Fashion and Entertainment against Historical Background. *Revista de Limburi pentru Scopuri Specifice*, 2018, no. 24 (1), p. 142–165.

Xydopoulos G. J., Papadopoulou R. Fashion Anglicisms in Modern Greek: A preliminary investigation. *Revista de Linguas para Fines Especificos*, 2018, no. 24 (1), p. 166–187.

List of Dictionaries

- AbbyLingvo. URL: <https://forum.lingvolive.com/thread/177576/> (accessed: 24.12.2018). (in Russ.)
AbbyLingvo. URL: <https://forum.lingvolive.com/thread/177576/> (дата обращения: 24.12.2018).
Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (accessed: 14.02.2019).
Dyakov, A. I. Dictionary of Anglicisms of the Russian Language. URL: <http://anglicismdictionary.dishman.ru/> (accessed: 23.04.2018). (in Russ.)
Large Russian Encyclopedia. Ed. by Yu. S. Osipov. Moscow, Big Russian Encyclopedia, 2012, vol. 20, 767 p. (in Russ.)
Linguistisc: Large Encyclopedic Dictionary / Ed. by V. N. Yartseva. Moscow, Big Russian Encyclopedia, 2000, 688 p. (in Russ.)
Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/window> (accessed: 19.02.2019).
OED – Oxford English Dictionaries. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/> (accessed: 14.02.2019).
Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/> (accessed: 19.02.2019).
Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/> (accessed: 19.02.2019).

*Материал поступил в редколлегию
Date of submission
23.05.2019*

Сведения об авторе / Information about the Author

Алюнина Юлия Матвеевна, аспирант кафедры иностранных языков Российского университета дружбы народов (ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия), докторант школы «Литературы, языки, лингвистика и гуманитарные науки» университета Люмьер Лион 2 (ул. Пастера, 89, Лион, 69007, Франция)
Yulia M. Alyunina, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation) and PhD student of École doctorale «Lettres, Langues, Linguistique & Arts» of the University Lumière Lyon 2 (89 Pasteur str., Lyon, 69007, France)
alyunina.y@mail.ru
ORCID 0000-0002-4970-5584
SPIN 1972-7723
Researcher ID O-5901-2019

Редкая и малоупотребительная лексика как прагматический инструмент современного французского политического дискурса

Е. А. Соловьева

*Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Россия*

Аннотация

Рассматривается редкая и малоупотребительная лексика, используемая в современном французском политическом дискурсе. Исследование базируется на предположении о том, что обращение к данному типу лексики служит для достижения определенных прагматических целей. Актуальность настоящей работы обусловлена необходимостью изучения подобных языковых единиц, поскольку это способствует более продуктивной межкультурной коммуникации. Источником практического материала послужили доступные для ознакомления публичные выступления, речи, дебаты, интервью современных французских политических деятелей. Методологической основой исследования является дискурсивный анализ в сочетании с оценкой динамики частотности лексических единиц, выявленных на материале французского корпуса Google Books Ngram Viewer. Общий объем эмпирической выборки составляют 32 лексические единицы. Для оценки релевантности корпуса и оптимизации интерпретации полученной частотности, в исследование включена «контрольная группа», состоящая из 31 лексической единицы, ожидаемо присутствующей в политическом лексиконе. Анализ практического материала позволил описать и типологизировать выявленные лексические единицы. Он также свидетельствует о том, что прагматические эффекты редкой и малоиспользуемой лексики обусловлены ее способностью нарушать функциональную симметрию дискурсивного пространства. Возникающее несоответствие может быть обусловлено временным несовпадением используемой лексики (включение в речь устаревших слов), топическим (употребление специальной лексики) или культурным расхождением (использование книжных слов со сложной семантикой, недостаточно описанной лексики, региональных и иноязычных заимствований). Полученные результаты позволяют утверждать, что редкая и малоупотребительная лексика обладает разнообразным прагматическим потенциалом и представляет интерес для дальнейших исследований.

Ключевые слова

редкая и малоупотребительная лексика, политический дискурс, лингвопрагматика, изоморфизм, корпус

Для цитирования

Соловьева Е. А. Редкая и малоупотребительная лексика как прагматический инструмент современного французского политического дискурса // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 4. С. 92–107. DOI 10.25205/ 1818-7935-2019-17-4-92-107

Rare and Uncommon Vocabulary as a Pragmatic Tool of Modern French Political Discourse

Evgeniya A. Solovyeva

*Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russian Federation*

Abstract

The article deals with the rare and uncommon vocabulary used in contemporary French political discourse. Nowadays discourse studies are becoming increasingly complex and multidimensional. Political discourse is an essential component of everyday political life. The choice of research question is determined by its contribution to cross-cultural communication, as well as by the lack of discursive explorations regarding the rare and uncommon vocabulary. Our

hypothesis is that this type of lexis would have some pragmatic motivation and may serve to realize a certain number of communication tasks. Thus, our research aims to describe the collected samples and reveal their pragmatic potential. Discursive analysis coupled with frequency evaluation shapes a methodological framework for our study. The total number of lexical samples is 32 units coming from public speeches, debates and interviews of contemporary French politicians. We have checked the frequency profile of all collected observations on the Google Books French Corpus Ngram Viewer. In order to test the relevance of the corpus and optimize the interpretation of results, we have also introduced a «control group», which contain 31 lexical units expectedly present in political lexicon. Our analysis shows that the rare and uncommon vocabulary serves various pragmatic goals, such as demonstrating the speaker's performance, capture the audience's attention, achieving a euphemistic effect and some others. Our research gives us ground to affirm that the pragmatic effects of this type of lexical phenomena are due to its ability to break the functional isomorphism of discourse space. The arising disharmony may be caused by temporary disparity (obsolete words), topical mismatch (special vocabulary) or cultural variance (book words with complex semantics, little-known words or constructions, regional and foreign language borrowings). In general, our research leads us to conclude that the rare and uncommon vocabulary possess diverse pragmatic functions, which present an undoubted interest in further research.

Keywords

rare and uncommon vocabulary, political discourse, linguistic pragmatics, isomorphism, corpus, French language

For citation

Solovyeva, Evgeniya A. Rare and Uncommon Vocabulary as a Pragmatic Tool of Modern French Political Discourse. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 4, p. 92–107. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-4-92-107

Современные подходы к исследованию политического дискурса

В современной лингвистике дискурсивные исследования принимают все более многоаспектный характер. Это связано с осознанием того, что, актуализируя в речи различные языковые сочетания, человек следует не только формальным правилам языка, но и требованиям дискурса, которые модифицируются в зависимости от личностных, социальных и компетентностных характеристик говорящего, его коммуникативных целей и сопутствующего экстралингвистического контекста.

Политический дискурс является основополагающим компонентом политической коммуникации и политических отношений в целом. Его изучению посвящено множество работ, которые обычно имеют либо «внутреннюю» (лингвистическую), либо «внешнюю» (экстралингвистическую) доминанту. К первым можно отнести исследования, посвященные анализу стилистических и риторических приемов [Amossy, 2011; Sandré, 2014; Utah, 2017], а также корпусные исследования, сфокусированные на компонентном и статистическом анализе текстов и обычно имеющие конечной целью лингвистическое профилирование речей политических деятелей [Mayaffre, 2005, 2013, 2016; Qiuyan, 2018]. Экстралингвистический аспект тесно связан с теорией речевых актов и социологическими науками. Он может быть нацелен как на изучение условий формирования политического дискурса [Le Bart, 2014], так и на анализ взаимосвязей между языком и его окружением. Например, дискурс-анализ позволяет не только обнаруживать социальные и политические факторы, влияющие на выбор языковых средств, но и выявлять манипулятивные стратегии и интенции субъектов коммуникации [Charaudeau, 2016; Van Dijk, 2012].

Политический дискурс отличается значительным разнообразием жанров, которые варьируются от предвыборных дебатов и парламентских дискуссий до кулуарных обсуждений и закрытых заседаний. За последние десятилетия он претерпел существенную трансформацию, которая, по мнению некоторых исследователей, выражается в переходе от дискурсивной логики, легитимирующей противоречия, к технократической логике, их исключающей [Gobin, 2011. P. 185]. С другой стороны, на фоне интенсивного развития информационного общества и глобализации коммуникативного пространства, одной из ведущих целей участников политической коммуникации становится привлечение и удержание внимания макси-

мально широкой аудитории, что обуславливает заметную театральность и даже агрессивность современного политического дискурса, которые отмечают многие ученые.

Редкая и малоупотребительная лексика: проблемы дефиниции и изучения

Редкая и малоупотребительная лексика остается недостаточно изученной в различных видах дискурса, а границы понятия не являются четко обозначенными. Обычно к данной категории относят устаревшую лексику, слова из специальной лексики, редкие заимствования из иностранных языков и говоров родного языка [Кузнецова, 2012. С. 42]. Однако, как справедливо отмечают исследователи, редкая и малоупотребительная лексика оказывается динамическим и нестабильным феноменом [Там же. С. 41]. Это обусловлено тем, что обращение к тому или иному лексикону имеет функциональный характер и во многом определяется не только требованиями дискурсивного контекста, но и текущими историческими реалиями, а также субъективными предпочтениями социума, которые эволюционируют во времени. Поэтому лексические единицы могут не только выходить из активного употребления, но и возвращаться в него под влиянием различных факторов. Проблема выбора объективных критериев для определения данного явления, а также его интегральная дефиниция остаются крайне сложными вопросами современной лингвистики.

В последние десятилетия активно развиваются квантитативные методы исследований, которые позволяют получать частотные списки слов и могут дать представление о репрезентативности словарей. Тем не менее создание частотных списков слов на основе корпуса и интерпретация результатов тоже сталкиваются с целым рядом проблем. С одной стороны, это обусловлено тем, что любой лингвистический корпус представляет собой некоторый «образец» используемого лексикона, релевантность которого всегда относительна. С другой – с точки зрения математической статистики язык представляет собой набор редких событий. Поэтому, согласно закону распределения Ципфа – Парето, значительное количество общеупотребительных слов имеет в корпусе очень невысокую частоту встречаемости. Соответственно, показатель частотности лексической единицы даже в крупных корпусах не может служить абсолютным и единственным критерием отнесения лексической единицы к категории устаревшей, редкой или малоупотребительной лексики. То же самое можно сказать и о словарях редких слов, которые, как правило, создаются на основе различных корпусных данных. Кроме того, они могут быть также не всегда свободными от субъективного мнения составителей.

Поэтому для исследования редкой и малоупотребительной лексики в политическом дискурсе мы предлагаем комплексный подход, включающий в себя оценку частотности лексической единицы и анализ ретроспективной динамики ее использования. Мы также полагаем необходимым осуществлять анализ результатов в непосредственной связи с таким понятием как «активный словарный запас», который обычно включает общеизвестные и активно используемые слова в устной и письменной речи [СЛТ, 2010. С. 26]. Как правило, активный словарный запас французского языка представлен в обновляемых редакциях толковых словарей объемом до 75–85 тысяч слов, а наиболее используемые идиоматические выражения обычно присутствуют в лексикографических источниках объемом до 10 тысяч единиц.

В рамках настоящего исследования под «редкой и малоупотребительной лексикой» мы понимаем недостаточно описанную и устаревшую лексику; различные лексемы и их сочетания, которые не включаются на регулярной основе в современные французские толковые словари, отражающие активный лексикон; книжные слова со сложной семантикой, а также лексические единицы, номинирующие реалии, относящиеся к специальным областям знания.

Гипотезой нашего исследования стало предположение о том, что редкие и малоупотребительные лексические единицы, используемые в современном французском политическом

дискурсе, имеют определенную прагматическую мотивацию. Целью исследования стало выявление и описание редких и малоупотребительных лексических единиц, а также анализ их прагматического потенциала. Данная тематика представляется нам актуальной, поскольку позволяет лучше понять этнокультурные особенности французского социума, что способствует более продуктивной межкультурной коммуникации.

Эмпирический материал и методы его исследования

Материалом для изучения послужили доступные для ознакомления публичные выступления, речи, дебаты, интервью современных французских политических деятелей. При отборе практического материала мы также учитывали мнение носителей языка, которое широко представлено на различных медиа-платформах (см., например: [Le Figaro langue française, 2017; Barthes 04.05.2017; Barthes 11.10.2017; Bernard, 2017] и др.).

В качестве референтных словарей активного лексикона нами были использованы такие издания, как Dictionnaire Larousse Maxipoche (DLMP, 2009), Dictionnaire Le Robert Maxi Plus (DRMP, 2016), а также Le Robert. Expressions et locutions (REL, 2003).

Метод лингвистического наблюдения, а также дискурсивный анализ в сочетании с оценкой динамики частотности лексических единиц на материале французского корпуса «Google Books Ngram Viewer» составил непосредственную методологическую базу нашей работы. Указанный сервис связан с корпусами оцифрованных печатных текстов книг (с 1500 по 2008 г.) проекта «Google Books». Корпус франкоязычных текстов составляет примерно 45 миллиардов словоупотреблений. Он позволяет оценить частотность использования той или иной лексической единицы не только в синхроническом, но и в ретроспективном аспекте, что вполне отвечает концепции нашего исследования.

Сервис «Google Books Ngram Viewer» позволяет получить графики частотности языковых единиц путем обращения к базам N-грамм, представленных таблицами N-грамм с последовательностями от 1 до 5 элементов. При использовании данного сервиса необходимо учитывать, что N-граммы, имеющие частотность менее или равную 40, исключаются при построении графика. Координатная ось X представляет временные промежутки, а ось Y отображает относительную частоту N-грамм в корпусе, данную в процентах. Функция сглаживания позволяет варьировать поиск и получать динамику относительной частоты N-граммы либо за каждый конкретный год (сглаживание 0), либо как среднюю величину заданного временного отступа с возможными интервалами от ± 1 года до ± 50 лет.

Кроме того, сервис обладает разнообразным набором функций. Например, осуществляется поиск одновременно по нескольким словоформам. Использование тега *_INF* (Inflections) дает возможность построить отдельные графики для каждой парадигматической формы, тогда как функция суммарного поиска позволяет получить совокупный график частотности. Среди недостатков можно отметить невозможность одновременного применения двух указанных функций и опции поиска без учета регистра (case-insensitive), что может приводить к потере некоторых данных. Обращаясь к функции умножения можно сравнивать графики частот, имеющих разные квантили. Необходимо учитывать, что при использовании функции умножения на экране отображается уже пересчитанный квантиль частотности. Более детально информация о сервисе «Google Books Ngram Viewer» и работе с ним изложена в публикациях коллектива его разработчиков [Michel et al., 2011; Lin et al., 2012]. Учитывая необходимость преимущественно обобщенного динамического анализа частотности лексических единиц, мы отдавали предпочтение использованию таких функций, как сглаживание 5, функция суммарного поиска по словоформам и функция умножения. Использование этих инструментов представлено на рисунке. В оригинале инструмент «сглаживание» называется «smoothing». Инструмент (+) может быть использован как эквивалент поиска по лемме. Инструмент (*) – умножение графиков – позволяет сопоставить кривые, значения которых су-

щественно различаются. Общий объем эмпирической выборки составил 32 лексических единицы: 23 униграммы, 5 триграмм, 3 биграммы и 1 квадриграмма.

К сожалению, корпус «Google Books» представлен исключительно текстами книг и не включает в себя материалы прессы, которые более релевантны для изучения политического дискурса. С целью оптимизации интерпретации полученной частотности мы включили в исследование «контрольную группу», состоящую из 31 лексической единицы, ожидаемо присутствующей в лексиконе политической сферы.

Редкая и малоупотребительная лексика во французском политическом дискурсе

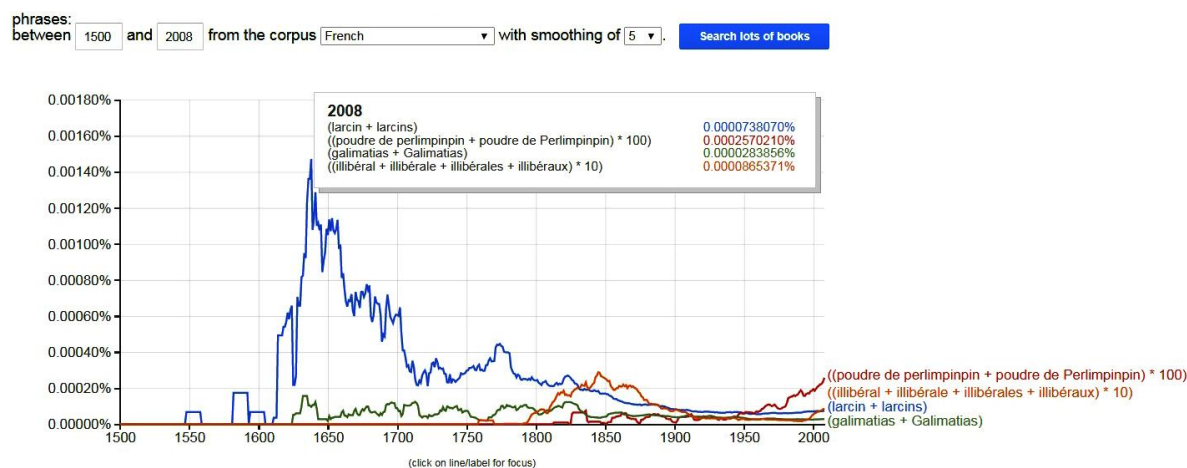
Наблюдения показывают, что в речи современных французских политических деятелей отмечается наличие *устаревшей субстантивной* и *адъективной лексики*, а также *устаревших идиоматических выражений*. Так, например, во время оживленных теледебатов перед вторым туром президентских выборов Э. Макрон произнес:

«<...> ce sont nos concitoyens qui voient chaque jour des *larcins* qui ne sont pas condamnés comme il le se doit» [Débat télévisé..., 03.05.2017, 1:26:57 – 1:27:03] («<...> это наши сограждане видят каждый день мелкие кражи, которые не осуждаются должным образом») ¹.

«Mais Madame Le Pen, sur ce sujet, c'est la deuxième fois parce que là vous faites un grand *galimatias* <...>» [Там же, 2:02:47 – 2:02:50] («Но, г-жа Ле Пен, по этой теме, вот уже во второй раз, вы говорите ужасную галиматью <...>»).

«Donc, ce que vous proposez, comme d'habitude, c'est de la *poudre de perlimpinpin*» [Там же, 1:08:38 – 1:08:41] («Таким образом, то, что вы предлагаете, это, как обычно, шарлатанский порошок»).

Кривые частотности лексем *larcin* и *galimatias* имеют «затухающий» профиль, характерный для устаревшей лексики, которая утратила свою актуальность и остается практически не востребуемой (см. рисунок).

Динамика частотности выявленной устаревшей лексики
Dynamics of the Frequency of Detected Obsolete Words

¹ Здесь и далее перевод наш. – Е. С.

Существительное *larcin* начинает фиксироваться в печатных источниках в середине XVI в., а пик его использования приходится на период с 1640 по 1660 г. Оно обычно употребляется для вербализации мелкой кражи как в прямом, так и в переносном смыслах или, более редко, для обозначения плагиата. Что касается существительного *galimatias*, которое обозначает путанную речь, бессмыслицу, то оно появляется в текстах корпуса в 1620-х гг., но уже к 1840 г. обращение к данному вербализатору начинает носить все более спорадический характер. Хотя лексемы *larcin* и *galimatias* присутствуют в словарях, избранных нами в качестве референтных [DLMP, 2009; DRMP, 2016], носители языка воспринимают их как необычные и устаревшие, что вполне согласуется с полученными корпусными данными (см., например: [Le Figaro langue française, 2017; Bvoltage.fr, 2017; Yahoo actualités, 2017]).

Идиоматическое выражение *poudre de perlimpinpin* встречается в корпусе уже в середине XVIII века. Словарь 1786 г. указывает, что данное выражение актуализирует то, что не имеет никакой ценности [DCSCBLP, 1786. P. 342]. А электронный ресурс TLFi, созданный на базе словаря, включающего вокабуляр XIX–XX вв. [TLFi], интерпретирует идиому как шарлатанский порошок с вымышленными целебными свойствами, другими словами *un remède sans valeur*, некоторую выдуманную вещь. Ресурс также уточняет, что входящая в состав идиомы лексема *perlimpinpin* напоминает магическое заклинание. Несмотря на то, что результаты поиска в корпусе свидетельствуют о некотором возрастании частотности выражения *poudre de perlimpinpin* начиная с 1976 г., и оно присутствует в словаре REL 2003, комментарии носителей языка позволяют заключить, что данная идиома воспринимается как редкая, устаревшая и даже смешная (см., например: [Barthes 04.05.2017; Yahoo actualités, 2017]). Последнее не представляется удивительным, поскольку обращение к анахронизмам и использование устаревшей или устаревающей лексики является известным стилистическим приемом, позволяющим вызвать эффект комического [Шмелева, 2015. С.152; Papin, 2017].

Следующее высказывание Э. Макрона также содержит лексический архаизм, представленный прилагательным: «<...> parce qu'une tentation est là qui existe, croissante, aux frontières de l'Europe comme au sein de l'Europe, c'est la tentation des démocraties *illibérales*» («<...> потому что соблазн существует, он возрастает как на границах Европы, так и внутри Европы, это соблазн демократий, которые противоречат принципам либерализма») [Vœux du Président..., 04. 01.2019].

Прилагательное *illibéral* не обнаружено нами в словарях DLMP (2009) и DRMP (2016). Оно появляется в корпусе в конце XVIII в., а максимум его использования отмечается с 1842 по 1851 г. Впоследствии его частотность прогрессивно снижается, однако после 1991 г. отмечается некоторое оживление интереса к лексеме, которая обычно используется для характеристики индивида или явления, противоречащего идеям и духу либерализма. Кроме того, данное прилагательное может обозначать скупого, прижимистого человека. Необходимо отметить, что лексема *illibéral* присутствует в современной французской прессе, что свидетельствует о возврате лексической единицы в активный лексикон. В тексте «Пожеланий президента прессе от 04.01.2019» прилагательное *illibéral* употребляется несколько раз и входит в состав таких словосочетаний как *démocraties illibérales*, *tentation(s) illibérale(s)* и *fascination illibérale*.

Если говорить о возможной прагматической мотивации использования рассмотренных лексических единиц, то она, на наш взгляд, носит неоднозначный характер. С одной стороны, можно предполагать некоторое стремление к языковой элитарности, яркости и запоминаемости дискурса, направленное на удержание внимания и завоевания расположения аудитории. Например, лексема *larcin*, относящаяся к литературному языку, позволяет избежать употребления таких, более привычных или даже разговорных вариантов, как *petit vol*, *vol de peu d'importance* или *grappillage*. Следует отметить, что стремление к языковой элитарности в совокупности с активной демонстрацией лексического резерва французского языка вполне коррелирует с идеями Э. Макрона о возвращении Франции былого величия и распространении французской культуры [Ladepeche.fr, 2018; Une ambition..., 20.03.2018].

С другой стороны, благодаря иной коннотативной окраске, редкие и малоупотребительные единицы иногда позволяют обозначить реалию в более разноплановом ракурсе. В частности, лексема *illibéral* имеет менее активную коннотативную составляющую, нежели ее возможный контекстуальный синоним *antilibéral*. А существительное *galimatias* позволяет сохранить краткость и экспрессивность суждения, без обращения к более пейоративным синонимам как, например, *ânerie*, *charabia*, *radotage* и некоторые другие.

В речи современных французских политиков также присутствуют **недостаточно описанные лексемы** и **коллокативные конструкции**, что наглядно демонстрируют следующие примеры. «Ce qui est *croquignolesque* dans le monde où nous vivons, c'est que nous finançons le logement social mais il augmente les loyers et nous finançons de l'autre côté les locataires les plus modestes par les APL. On dépense des deux côtés !» [Le Grand Entretien..., 16.10.2017, 51:13 – 51:16] («Что особенно смехотворно в том мире, в котором мы живем, так это то, что мы финансируем социальное жилье, но его арендная плата растет и мы, с другой стороны, финансируем самых малообеспеченных квартиросъемщиков путем выплаты им адресного жилищного пособия. Мы расходует с обеих сторон!»).

Прилагательное *croquignolesque* является гораздо более редким, чем лексема *croquignolet*, которая относится к обиходно-разговорному страту французского языка и имеет значение «хорошенький», «очаровательный». Употребленное в ироническом контексте, прилагательное *croquignolet* выражает такие характеристики как «странный», «необычный» и даже «неприятный». В отличие от прилагательного *croquignolet*, присутствующего в корпусе уже с конца XVIII в. как в форме единственного, так и множественного числа, лексема *croquignolesque* появляется в 50-х гг. XX в. и имеет значения «смешной», «смехотворный». Ее использование фиксируется в корпусе исключительно в форме единственного числа и демонстрирует некоторую тенденцию к возрастанию. Прилагательное *croquignolesque* не только не включено в словари DLMP (2009) и DRMP (2016), но и отсутствует в базе TLFi. Современными носителями языка лексема *croquignolesque* воспринимается как устаревшая и весьма забавная (см., например: [Bernard, 2017, 0:00 – 0:46; RTL, 15.10.2017, 0:10 – 0:43]).

Во время предвыборных теледебатов, организованных на канале на TF1, в ответ на комментарий журналистки Ж. Л. Меланшон произнес: «D'abord, j'ai admiré vos *pudeurs de gazelle* quand vous dites que la campagne a été polluée par les affaires de certains d'entre vous» («Я, прежде всего, восхитился вашей скромностью, когда вы говорите, что президентская кампания была загрязнена скандалами, связанными с некоторыми из вас») [Débat télévisé sur TF1, 21.03.2017, 0:00 – 0:10]. В приведенном контексте выражение *pudeurs de gazelle* служит для язвительно-ироничной актуализации таких понятий, как скромность и деликатность (*discretion*, *délicatesse*). Данное словосочетание не выявляется во французском корпусе «Google Books» и, судя по комментариям в прессе, является непривычным для носителей языка. Оно также отсутствует в доступных нам словарях. Однако его употребление уже было зафиксировано во французской прессе конца XIX в. [Le Parisien, 2017].

По нашему мнению, использование в речи таких лексических единиц, как *croquignolesque* и *pudeurs de gazelle* привносит в дискурс элемент театральности и преимущественно служит для привлечения внимания аудитории.

Другое неожиданное словосочетание, использованное премьер-министром Франции Э. Филиппом во время его интервью на радиостанции RTL, оказалось совершенно непонятным для подавляющего большинства слушателей и послужило причиной целого шквала комментариев и дополнительных разъяснений. Прочитируем: «<...> la liberté de manifester en France, elle passe par des déclarations, par la prise de responsabilités de chacun. Celui qui se dit: “Ah bah tiens, je vais bloquer ici, ça va être formidable je vais *mettre le bololo* partout”. Il sait que ce faisant, il va prendre un risque s'il ne respecte pas la loi» [L'invité de RTL, 17.11.2018, 0:40 – 0:57]. («<...> свобода демонстраций во Франции, она реализуется через подачу заявок, через принятие ответственности каждым. Тот, кто говорит себе: “А вот, смотри, я заблокирую

здесь, это будет потрясающе, я устрою бардак повсюду». Он знает, что, поступая таким образом, он примет на себя определенный риск, если не уважает закон»).

Выражение *mettre le bololo* содержит существительное *bololo*, которое принадлежит к субстантивному слою военной лексики и является достаточно распространенным среди военнослужащих французского контингента, присутствующего на африканском континенте. Происхождение данной лексемы связано с наименованием одного из неблагополучных кварталов в Нджамене, столице Республики Чад, которое было фигурально переосмыслено и приобрело значения *sapharnaiim* (место беспорядка и разврата; хаотическое нагромождение вещей) и *bordel* (бордель) [GDAM, 2007. Р. 79]. Таким образом, выражение *mettre le bololo* оказывается менее грубым, но не менее экспрессивным синонимом другого арготического выражения *foutre le bordel* (устраивать бардак). Более нейтральным стилистическим вариантом могло бы стать словосочетание *mettre la pagaille* (устраивать беспорядок). Можно предполагать, что в рассматриваемом контексте обращение к военному жаргону имеет случайный, эмоционально обусловленный характер. Выражение *mettre le bololo* ни разу не встречается во французском корпусе и даже отсутствует в «Большом словаре военного арготического» [GDAM, 2007], что дает нам основание причислить его к редким и недостаточно описанным коллокативным конструкциям.

Современный политический дискурс оказывается открытым и для различного рода малопотребительных *латинизмов*, а также *заимствований* из других языков и из региональных вариантов французского языка. Так, например, отвечая на вопросы журналистов, президент Э. Макрон произнес следующее: «Je viens à votre question précise, mais comme elle a une *captatio benevolentiae* très précise aussi, j'ai le droit d'y répondre <...>» [BFMTV, 15.04.2018, 01:15 – 01:19] («Я постепенно перехожу к вашему конкретному вопросу, но так как он содержит в себе тоже очень конкретное *captatio benevolentiae* (снискание расположения. – Е. С.), я имею право на это ответить <...>»). Латинская идиома *captatio benevolentiae* (*recherche de la bienveillance*) является малопотребительным термином античной риторики, который обозначает прием, направленный на завоевание расположения слушающей аудитории. Идиома используется в процессе оживленной дискуссии и, возможно, становится неожиданным элементом, который позволяет несколько разрядить ситуацию. Лексическая единица *captatio benevolentiae* отсутствует в словарях DLMP (2009) и DRMP (2016), а также в словаре REL (2003).

Рассмотрим еще один пример. В своей речи, адресованной французской общине в Египте, Э. Макрон замечает: «Nous nous sommes mis d'accord sur la nécessité de donner un *momentum* à la coopération dans les différents domaines économiques <...>» [Discours du Président..., 29.01.2019] («Мы договорились о необходимости придания динамики сотрудничеству в различных областях экономики <...>»). Лексема *momentum* отсутствует в словарях DLMP (2009) и DRMP (2016), а также в базе TLFi. Являясь латинизмом и термином рынка, она обычно используется для обозначения индикатора торговли, позволяющего оценить тенденции. В приведенном контексте ее значение сводится к понятиям «динамики», «импульса», «активных перемен». Наблюдения показывают, что данная единица оказывается привычной для лексикона политика. Мы ее, в частности, находим в его речи на выставке Vivattech [Discours du Président..., 15.07.2017], а также в записях в его Твиттере [Tweeter Emmanuel Macron, 2017].

В другом радиоинтервью президента можно было услышать следующий диалог: «– Vous connaissez, donc, votre premier ministre, vous savez qui c'est, vous l'avez désigné, en tout cas, vous l'avez désigné dans votre tête? – *In petto*» [Askaneews, 05.05.2017, 0:31 – 0:40] («– Итак, вы знаете вашего премьер-министра, вы знаете кто он, вы его назначили, по меньшей мере, вы его назначили в вашей голове? – *In petto*. Заимствование из итальянского *in petto* (досл. в груди) имеет значение «втайне», «в глубине души», «мысленно». Оно имеет сложную коннотативную семантику, так как происходит из церковного слоя лексики и использовалось для вербализации акта назначения кардинала без объявления его имени, которое Папа Римский

мог сохранять некоторое время в секрете, т. е. «у себя в груди». Э. Макрон использует данное выражение в контексте ухода от однозначного ответа на вопрос журналиста. Наиболее активно лексическая единица *in petto* использовалась в 1700-х гг., а также во второй половине XIX в. Она включена в словарь DRMP (2016) с пометой «littéraire», но отсутствует в словарях DLMP (2009) и REL (2003), что, в совокупности с полученным квантилем частотности 10^{-7} , позволяет отнести данную коллокацию к редким выражениям.

Вероятной прагматической мотивацией использования латинизмов и заимствований со сложной коннотативной семантикой является стремление оратора позиционировать себя как представителя элитарной языковой культуры. Однако реакция слушающей аудитории может носить неоднозначный, иногда даже ироничный характер (см., например: [Lavie.fr, 2017]).

Во время ответов на вопросы после выступления на европейском форуме в Брюсселе Н. Косцюшко-Моризе произнесла: «Ceux qui promettent l'abrogation de la loi Taubira *racontent des carabistouilles*» («Те, которые обещают отменить закон Тобира, говорят вздор») [Le Salon Beige, 2015]. Существительное *carabistouille*, употребляемое преимущественно во множественном числе, является бельгийцизмом и может актуализировать «глупость», «вздор», «небылицу». Если для бельгийской аудитории восприятие и интерпретация разговорного выражения *raconter des carabistouilles*, возможно, и не вызвали затруднений, то фраза президента Э. Макрона «Il ne faut pas raconter non plus des *carabistouilles* à nos concitoyens» [Le Figaro Live, 12.04.2018, 0:07 – 0:11] («Не нужно также говорить вздор нашим согражданам»), была неоднозначно воспринята французской аудиторией. Наблюдения показывают, что выражение *raconter des carabistouilles* может рассматриваться реципиентами по меньшей мере как вычурное (см., например: [Le Figaro langue française, 2018]). По нашему мнению, использование в политическом дискурсе подобных лексических средств позволяет привнести элемент гротеска и может служить как для отвлечения от предмета дискуссии и/или разрядки напряжения, так и для привлечения аудитории. В целом, профили частотности свидетельствуют о некотором увеличении интереса к единицам *captatio benevolentiae*, *in petto* и *carabistouille* начиная со второй половины XX в.

Заметной популярностью в современном политическом дискурсе пользуется малоупотребительная **книжная, специальная, религиозно-философская** и даже **мифологическая** лексика. Например, в ходе уже упоминаемых оживленных предвыборных теледебатов М. Ле Пен заметила: «<...> et puis le sourire étudié se transforme en *rictus* au fur et à mesure des meetings, l'enfant chéri du système et des élites en réalité a tombé le masque» [Débat télévisé, 03.05.2017, 04:22 – 04:35] («<...> и затем, в процессе публичных выступлений, заученная улыбка превращается в гримасу, любимый ребенок системы и элит действительно сбросил маску»). Лексема *rictus* принадлежит к книжному слою лексики. По данным корпуса, ее частотность не превышает 10^{-7} . Обычно она встречается в медицинской литературе, особенно в изданиях XIX и начала XX в., для описания так называемой «сардонической улыбки» (*rictus (rire) sardonique*) – судорожного сокращения мимических мышц, возникающего у больных столбняком. Однако во второй половине XX в. отмечается прогрессивное возрастание интереса к данной лексеме, которое сохраняется по настоящее время. Обращение к данному вербализатору позволяет не только продемонстрировать широту активного лексикона, но и дает возможность избежать менее емких или менее уместных синонимов.

Рассмотрим еще один пример. В своей речи во время официального визита в Тунис, Э. Макрон произнес: «Nous avons collectivement plongé la Libye depuis ces années dans l'*anomie* sans pouvoir régler la situation» [RT France, 02.02.2018, 0:59 – 01:07] («В течение этих лет мы коллективно погрузили Ливию в состояние аномии и не можем урегулировать ситуацию»).

Как философский и социологический термин понятие «аномии» было введено в научный лексикон Э. Дюркгеймом для экспликации причин девиантного поведения человека. Оно объединяет в себе такие явления, как деградация и отчуждение (*dégradation, aliénation*) и репрезентирует состояние общества и индивидов, переживающих утрату порядка и ценностных установок. Как показывают наблюдения, данная лексема присутствует в словаре

DRMP (2016) с пометой «didactique», но отсутствует в словаре DLMP (2009), а ее частотность не превышает 10^{-6} . Тем не менее она является привычной для лексикона политика, к ней он, в частности, обращался в своем интервью газете «Le Monde» [2016]. Данная лексема служит, на наш взгляд, своеобразным эвфемизмом, используемым при оценке острых и сложных для разрешения общественно-политических вопросов.

Во время открытых дебатов о будущем Европы в университете им. И. В. Гёте во Франкфурте Э. Макрон также неоднократно использует в речи различные лексические раритеты. Например, говоря о террористических угрозах, политик замечает: «Mais compte tenu de notre histoire collective, ce terrorisme islamiste a des ramifications, des *rhizomes* dans nos sociétés <...>» [Débat sur l'Europe, 2017, 19:41 – 19:48] («Но, учитывая нашу коллективную историю, этот исламистский терроризм имеет разветвления, корневища в наших обществах <...>»).

Лексема *rhizome* является термином ботаники и актуализирует корневище растения. Ее частотность по данным корпуса находится в пределах 10^{-7} . Несмотря на то, что в философии постмодернизма понятие ризомы приобрело дополнительные значения, в приведенном контексте данная лексема используется в качестве более редкого синонима слова *racine* (корень) и образует привычную фитоморфную метафору. Можно предполагать, что обращение к лексеме с более сложным коннотативным компонентом служит для демонстрации не только широты лексикона, но также сложности и масштабности описываемого явления. Однако ее употребление породило весьма насмешливые комментарии [Barthes, 11.10.2017, 04:35 – 04:54].

Христианский религиозный термин *irénisme* также оказывается достаточно привычным словом в политическом вокабуляре. Как минимум дважды мы отмечаем его употребление: на открытии мемориала жертвам Первой мировой войны и в речи, адресованной французской общине Ватикана. Процитируем в качестве примера: «Mais le dialogue que nous avons entre le Vatican et la France est dans cette période, indispensable. Si nous ne voulons pas céder aux peurs, et si nous ne voulons pas nous réfugier dans l'*irénisme*» [Discours du Président..., 26.06.2018]. «Но диалог, который мы ведем между Ватиканом и Францией, в этот период крайне необходим. Если мы не хотим поддаваться страхам и если мы не хотим найти прибежище в иренизме».

Лексема *иренизм* присутствует в корпусе только в форме единственного числа. Она обычно используется для актуализации богословского направления, ставящего своей целью примирение между различными конфессиями путем взаимных уступок. В упомянутых дискурсивных контекстах лексема отчасти выступает синонимом примиренчества, пацифизма с элементами попустительства. По нашему мнению, ее использование обусловлено как определенным стремлением к языковой элитарности, так и поиском эвфемистических замен для репрезентации сложных процессов.

Иногда в политическом дискурсе можно отметить появление несколько неожиданной мифологической лексики. Так, в своем интервью журналу Challenges Э. Макрон заметил: «François Hollande ne croit pas au “président *jupitérien*”» [Challenges, 2016] («Франсуа Олланд не верит в действительно “властного (досл. юпитерианского) президента”»). Прилагательное *jupitérien* отсылает к верховному божеству древнеримского пантеона Юпитеру, который является аналогом Зевса в греческой мифологии. Оно служит для необычной метафорической репрезентации управленческих качеств и полномочий президента. Частотность данной лексемы в корпусе не превышает 10^{-8} . Ввиду своей необычности и яркой коннотативной составляющей, лексема *jupitérien* стала источником для целой серии шуток.

В своей речи в день дебатов по проблемам искусственного интеллекта Э. Макрон трижды использует лексему *prométhéen*, которая содержит референцию на героя древнегреческой мифологии, пожертвовавшего собой ради блага человечества. Данная лексема присутствует в словарях с пометами «didactique» и «littéraire», а ее частотность в корпусе составляет около 10^{-6} . Процитируем: «Il y a chez Leibniz cette hypothèse que “Dieu calcule pour nous le meilleur monde possible” et il y a donc quelque chose d’une option presque *prométhéenne* qui nous permet

de revisiter la conception du monde de Leibniz à travers l'intelligence artificielle» [Discours du Président..., 29.03.2018] («Лейбниц предполагает, что “Бог рассчитывает для нас наиболее оптимальную конфигурацию мира”, а искусственный интеллект дает нам практически прометееву возможность пересмотреть мировоззрение Лейбница»). Возможной прагматической целью весьма настойчивого использования этой лексемы может являться как стремление к демонстрации собственной эрудиции, так и создание театрального эффекта для привлечения аудитории.

В целом, контрастивный анализ частотного профиля проанализированных лексем по состоянию на 2008 г. (см. таблицу) свидетельствует о том, все униграммы, относящиеся к исследуемой выборке, имеют в корпусе более низкие квантили частотности, чем униграммы из контрольной группы, что подтверждает их гораздо меньшую востребованность в активном лексиконе носителей языка. Что же касается оценки уровней частотности N-грамм, содержащих более одного элемента, то она представляет значительные сложности, обусловленные недостаточной разработанностью методологического подхода к интерпретации получаемых результатов. При этом распределение по частотам лексических единиц, составляющих контрольную группу, позволяет утверждать, что французский корпус «Google Books Ngram Viewer» демонстрирует допустимую релевантность для нашего исследования.

Частотность собранных единиц и контрольной группы по состоянию на 2008 г.
Frequency of Collected Units and Control Group in 2008

f 10 ⁻⁶	f 10 ⁻⁷	f 10 ⁻⁸	Не обнаружено в корпусе	Контроль	
				(f 10 ⁻³ – 10 ⁻⁵)	(f 10 ⁻⁶)
<i>anomie, aphasie, harmonique, in fine, ipséité, palimpseste, prométhéen</i>	<i>aggiornamento, galimatias, idiosyncrasie, in petto, irénisme, irrédentisme, larcin, logorrhée, momentum, rictus, rhizome</i>	<i>barycentre, captatio benevolentiae, carabistouille, croquignolesque, illibéral, illibéralisme, jupitérien, liste à la Prévert, pacta sunt servanda, poudre de perlimpinpin, saut de cabri, totipotent</i>	<i>mettre le bololo, pudeurs de gazelle</i>	<i>accord, chômage, conflit, crise, développement, économie, économique, entreprise, facile, France, gouvernement, national, négociation, guerre, guerre civile, heure, je, ministère, ministre, monde, nucléaire, progrès, publique, réforme, temps, vous</i>	<i>conflit armé, élection présidentielle, système bancaire, progrès technique</i>

Выводы

Французская политическая риторика уходит своими корнями в период античности и сохраняет присущие классической риторической школе стратегии убеждения и воздействия на аудиторию. В частности, наблюдения показывают, что обращение к редкой и малоупотребительной лексике способствует как проявлению личных качеств оратора, т. е. реализации риторической категории «этоса», так и демонстрации эмоциональной составляющей («пафоса») высказывания, что в совокупности позволяет достичь различные прагматические цели. Во-первых, использование данной лексики делает речь запоминающейся и демонстрирует эксклюзивные компетенции говорящего. Во-вторых, она может служить проводником эмоций говорящего и его личностных установок. В-третьих, благодаря созданию людического эффекта, такая лексика способствует привлечению и удержанию внимания аудитории. В-четвертых, ввиду своей необычности и наличия дополнительного коннотативного содержания, она способна играть роль эвфемизмов, которые позволяют избежать резкости выражений по отношению к собеседнику или однозначности суждений о сложных и трудноразрешимых проблемах. В-пятых, обращение к данному типу лексики позволяет отвлечь внимание собеседника и может использоваться для ухода от ответа на конкретный вопрос или для уменьшения напряженности диалога.

Однако любой дискурс реализуется в определенных культурных и пространственно-временных координатах и неразрывно связан с феноменом хронотопа, одной из важнейших характеристик которого является структурный и функциональный изоморфизм, т. е. взаимное соответствие между составляющими элементами. Нарушение данного соответствия обычно не остается незамеченным для реципиента и может изменять восприятие сообщаемой информации. Это происходит из-за возникновения дополнительных эффектов, которые могут варьироваться от изменения стилистической тональности сообщения до создания комического.

Прагматические эффекты редкой и малоупотребительной лексики во многом обусловлены ее способностью в той или иной степени нарушать функциональный изоморфизм дискурсивного пространства. Возникающий диссонанс может быть обусловлен временным несовпадением используемой лексики (включение в речь устаревшей лексики), топическим (употребление специальной лексики) и культурным расхождением (использование книжных слов со сложной семантикой, недостаточно описанной лексики, региональных и иноязычных заимствований). В ряде случаев выбор редкого и неожиданного вербализатора может приводить к существенной деформации изоморфизма, которая вступает в значительное противоречие с привычным и / или приемлемым с точки зрения реципиента шаблоном политического дискурса и порождает его комическое или даже негативное восприятие. Напротив, в случае отсутствия заметного расхождения, вышедшая из употребления единица может вернуться в активный лексикон. В целом, редкая и малоупотребительная лексика оказывается полифункциональным прагматическим инструментом, дальнейшее изучение которого представляет несомненный теоретический и практический интерес.

Список литературы

- Кузнецова А. И.** Грамматические и лексические раритеты в языке бесермян в сопоставлении с другими уральскими языками // Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 41–59.
- СЛТ – Словарь лингвистических терминов / Под ред. Т. В. Жеребило. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.
- Шмелева Т. В.** Анахронизм как погрешность и как стилистический прием // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 1. p. 146–159.
- Amossy, R.** Des sciences du langage aux sciences sociales : l'argumentation dans le discours. A contrario, 2011, no. 2, p. 10–25.

- Charaudeau P.** Le discours politique. Les masques du pouvoir. Limoges, Lambert-Lucas, 2014, 255 p.
- Gobin, C.** Des principales caractéristiques du discours politique contemporain. *Semen*, 2011, vol. 30, p. 169–186.
- Le Bart, C.** Les conditions de production du discours politique. *Recherches en communication*, 2014, vol. 41, p. 35–46.
- Lin Y., Michel J. B., Aiden E. L., Orwant J., Brockman W., Petrov S.** Syntactic annotations for the google books ngram corpus. In: Proceedings of the ACL 2012 system demonstrations. Association for Computational Linguistics, 2012, p. 169–174.
- Mayaffre, D.** Analyse du discours politique et logométrie : point de vue pratique et théorique. *Langage et Société*, 2005, no. 114, p. 91–121.
- Mayaffre, D.** Du candidat au président. Panorama logométrique de François Hollande. *Mots. Les langages du politique*, 2016, no. 3, p. 81–92.
- Mayaffre, D.** Sarkozysme et populisme. Approche logométrique du discours de Nicolas Sarkozy (2007–2012). *Mots*, 2013, vol. 103, p. 73–87.
- Michel, J. B., Shen, Y. K., Aiden, A. P., Veres, A., Gray, M. K., Pickett, J. P., Pinker, S.** Quantitative analysis of culture using millions of digitized books. *Science*, 2011, vol. 331, p. 176–182.
- Papin, B.** Anachronisme et humour: de l'usage intempestif de l'anachronisme dans la fiction en costumes. Mise au point. *Cahiers de l'association française des enseignants et chercheurs en cinéma et audiovisuel*, 2017, no. 9. URL: <https://journals.openedition.org/map/2282#tocto1n2>
- Qiuyan, L. U.** De la lecture à la déconstruction du discours: relation entre la langue et la vision du monde dans les discours de François Hollande et d'Emmanuel Macron. *Synergies Chine*, 2018, no. 13, p. 117–130.
- Sandré, M.** Ethos et interaction: analyse du débat politique Hollande-Sarkozy. *Langage et société*, 2014, no. 3, p. 69–84.
- Utah, D. N.** Analyse stylistique des éléments déictiques dans le discours inaugural du président français, Emmanuel Macron. *Covenant Journal of Language Studies*, 2017, vol. 5, no. 2, p. 48–64.
- Van Dijk, T. A.** Society and discourse: how social contexts influence text and talk. Cambridge University Press, 2012, 298 p.

References

- Amossy, R.** Des sciences du langage aux sciences sociales : l'argumentation dans le discours. *A contrario*, 2011, no. 2, p. 10–25.
- Charaudeau P.** Le discours politique. Les masques du pouvoir. Limoges, Lambert-Lucas, 2014, 255 p.
- Dictionary of linguistic terms. Ed. by T. V. Zhrebilo. Nazran, Pilgrim Publ., 2010, 486 p. (in Russ.)
- Gobin, C.** Des principales caractéristiques du discours politique contemporain. *Semen*, 2011, vol. 30, p. 169–186.
- Kuznetsova, A. I.** Grammatical and lexical rarities in the language of Besermyans in comparison with the other Uralic languages. *Finno-ugorskije yazyki: fragmenty grammaticheskogo opisaniya. Formal'nyi i funktsional'nyi podkhody*. Moscow: *Yazyki Slavyanskikh Kul'tur*, 2012. Pp. 41–59. (in Russ.)
- Le Bart, C.** Les conditions de production du discours politique. *Recherches en communication*, 2014, vol. 41, p. 35–46.
- Lin Y., Michel J. B., Aiden E. L., Orwant J., Brockman W., Petrov S.** Syntactic annotations for the google books ngram corpus. In: Proceedings of the ACL 2012 system demonstrations. Association for Computational Linguistics, 2012, p. 169–174.

- Mayaffre, D.** Analyse du discours politique et logométrie : point de vue pratique et théorique. *Langage et Société*, 2005, no. 114, p. 91–121.
- Mayaffre, D.** Du candidat au président. Panorama logométrique de François Hollande. *Mots. Les langages du politique*, 2016, no. 3, p. 81–92.
- Mayaffre, D.** Sarkozysme et populisme. Approche logométrique du discours de Nicolas Sarkozy (2007–2012). *Mots*, 2013, vol. 103, p. 73–87.
- Michel, J. B., Shen, Y. K., Aiden, A. P., Veres, A., Gray, M. K., Pickett, J. P., Pinker, S.** Quantitative analysis of culture using millions of digitized books. *Science*, 2011, vol. 331, p. 176–182.
- Papin, B.** Anachronisme et humour: de l'usage intempestif de l'anachronisme dans la fiction en costumes. Mise au point. *Cahiers de l'association française des enseignants et chercheurs en cinéma et audiovisuel*, 2017, no. 9. URL: <https://journals.openedition.org/map/2282#tocto1n2>
- Qiuyan, L. U.** De la lecture à la déconstruction du discours: relation entre la langue et la vision du monde dans les discours de François Hollande et d'Emmanuel Macron. *Synergies Chine*, 2018, no. 13, p. 117–130.
- Sandré, M.** Ethos et interaction: analyse du débat politique Hollande-Sarkozy. *Langage et société*, 2014, no. 3, p. 69–84.
- Shmeleva, T. V.** Anachronism as an error and as a stylistic device. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*, 2015, no. 1, p. 146–159. (in Russ.)
- Utah, D. N.** Analyse stylistique des éléments déictiques dans le discours inaugural du président français, Emmanuel Macron. *Covenant Journal of Language Studies*, 2017, vol. 5, no. 2, p. 48–64.
- Van Dijk, T. A.** Society and discourse: how social contexts influence text and talk. Cambridge University Press, 2012, 298 p.

Список источников / List of Sources

- Askanews**, 05.05.2017. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tfLKJa5QuKs>
- Barthes Y.**, 04.05.2017. URL: <https://www.tf1.fr/tmc/quotidien-avec-yann-barthes/videos/point-poudre-de-perlimpinpin.html>
- Barthes Y.**, 11.10.2017. URL: <https://www.tf1.fr/tmc/quotidien-avec-yann-barthes/videos/fait-jour-con-de-francais-by-macron.html>
- Bernard E.**, 2017. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Abd4WupLP6c>
- BFMTV**. 15.04.2018. URL: <https://www.bfmtv.com/mediaplayer/video/emmanuel-macron-a-plenel-votre-question-a-une-captatio-benevolentiae-tres-precise-1060047.html>
- Bvoltaire.fr** 2017. URL: <https://www.bvoltaire.fr/macron-pma-cest-quoi-galimatias/>
- Challenges**. 16.10.2016. URL: https://www.challenges.fr/election-presidentielle-2017/interview-exclusive-d-emmanuel-macron-je-ne-crois-pas-au-president-normal_432886
- Débat sur l'Europe**. Francfort. 10.10.2017. URL: <https://www.pscp.tv/Elysee/1OwxWoXNmNQxQ>
- Débat télévisé** entre M. Emmanuel Macron et Mme Marine le Pen. 03.05.2017. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=iOAbBdlWgz0>
- Débat télévisé** sur TF1, 21.03.2017. URL: <https://www.20minutes.fr/elections/2034411-20170320-video-affaires-judiciaires-mettez-tous-sac-plaisante-melenchon>
- Dictionnaire** Larousse Maxipoche Paris : Larousse, 2009. 1620 p. (DLMP)
- Dictionnaire** Le Robert Maxi Plus. Paris: Le Robert-Sejer, 2016. 1582 p. (DRMP)
- Discours du Président de la République**, Emmanuel Macron, #AIforhumanity 29.03.2018. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2018/03/29/discours-du-president-de-la-republique-sur-lintelligence-artificielle>
- Discours du Président de la République**, Emmanuel Macron, à la communauté Française du Vatican. 26.06.2018. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2018/06/29/transcription->

- du-discours-du-president-de-la-republique-emmanuel-macron-a-la-communaute-francaise-du-vatican-italie
- Discours du Président de la République**, Emmanuel Macron, à la communauté française d'Égypte 29.01.2019. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2019/01/29/discours-du-president-de-la-republique-emmanuel-macron-a-la-communaute-francaise-degypte>
- Discours du Président de la République**, Emmanuel Macron, lors de l'inauguration de l'Historial franco-allemand de la guerre 14–18. 10.11.2017. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2017/11/10/discours-du-president-de-la-republique-emmanuel-macron-lors-de-l-inauguration-de-l-historial-franco-allemand-de-la-guerre-14-18-du-hartmannswillerkopf-en-presence-de-frank-walter-steinmeier-president-de-la-republique-federale-d-allemande>
- Discours du Président de la République**, salon Vivattech 15.07.2017. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2017/06/15/discours-du-president-de-la-republique-au-salon-vivatech-201>
- Ladepeche.fr**. 2018. URL: <https://www.ladepeche.fr/article/2018/07/10/2833735-emmanuel-macron-construire-l-etat-providence-du-xxie-siecle.html>
- Lavie.fr**. URL: http://www.lavie.fr/debats/encore-un-mot/emmanuel-macron-merci-pour-ce-momentum-23-01-2017-79398_683.php
- Le Figaro langue française**. 2017. URL: <http://www.lefigaro.fr/langue-francaise/quiz-francais/2017/06/17/37004-20170617ARTFIG00004-parlez-vous-le-macron.php>
- Le Figaro langue française**. 2018. URL: <http://www.lefigaro.fr/langue-francaise/actu-des-mots/2018/04/12/37002-20180412ARTFIG00195-d-o-vient-la-carabistouille-d-emmanuel-macron.php>
- Le Figaro Live**. 12.04.2018. URL: <http://video.lefigaro.fr/figaro/video/macron-il-ne-faut-pas-raconter-des-carabistouille-les-a-nos-concitoyens/5768827296001/>
- Le grand dictionnaire de l'argot militaire**. J.M.Cassagne. Little Big Man, 2007, 459 p. (GDAM)
- Le Grand entretien** d'Emmanuel Macron sur TF1. 16.10.2017. URL: <https://www.lci.fr/politique/replay-emmanuel-macron-sur-tf1-et-lci-grand-entretien-revoyez-l-integrale-du-15-octobre-2017-2067459.html>
- Le Monde**, 2016. URL: https://www.lemonde.fr/politique/article/2016/01/06/emmanuel-macron-ily-a-du-mal-a-l-interieur-de-notre-societe_4842535_823448.html 2016
- Le Parisien**, 2017. URL: <http://www.leparisien.fr/elections/presidentielle/candidats-et-programmes/pudeur-de-gazelle-on-est-remonte-aux-origines-de-l-expression-de-melenchon-21-03-2017-6782004.php>
- Le Robert** Expressions et locutions. A. Rey, S. Chantreau. Paris: Le Robert, 2003. 1086 p. (REL)
- Dictionnaire** comique, satirique, critique, burlesque, libre et proverbial... Nouvelle édition, revue, corrigée et considérablement augmentée. P.-J. Le Roux, 1786. 342 p. (DCSCBLP).
- Le Salon Beige**, 2015. URL: <https://www.lesalonbeige.fr/abrogation-de-la-loi-taubira-selon-nkm-sarkozy-raconte-des-carabistouilles/>
- L'invité de RTL**, 17.11.2018. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3JhJGuBiVcw>
- RT France**, 02.02.2018. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZlIdDOsyelk>
- RTL**. 15.10.2017. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=b2PmPZKwuRg>
- TLFi**: URL: <http://atilf.atilf.fr/tlfr3.htm>
- Tweeter Emmanuel Macron**, 2017. URL: <https://twitter.com/emmanuelmacron/status/875378767413334016>
- Une ambition** pour la langue française et le plurilinguisme. 20.03.2018. URL: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/une_ambition_pour_la_langue_francaise_et_le_plurilinguisme_cle816221.pdf
- Vœux du Président de la République**, Emmanuel Macron, à la presse. 04.01.2019. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2018/01/03/voeux-du-president-de-la-republique-emmanuel-macron-a-la-presse>
- Yahoo actualités**. 2017. URL: <https://fr.news.yahoo.com/que-signifient-ces-expressions-desuetes-demmanuel-macron-172324069.html>

*Материал поступил в редколлегию
Date of submission
28.05.2019*

Сведения об авторе / Information about the author

Соловьева Евгения Анатольевна, преподаватель кафедры романской филологии, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет (ул. Большая Садовая, 33, Ростов-на-Дону, 34082, Россия)

Evgeniya A. Solovyeva, Lecturer, Department of Romance Philology, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University (33 Bolshaya Sadovaya Str., Rostov on Don, 34082, Russian Federation)

e_rossignol@mail.ru
ORCID 0000-0001-8796-6059

УДК 81.255.4

DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-4-108-118

К вопросу о статусе и функционировании переводческих дублетов в европейском культурном пространстве поздней Античности, Средневековья и раннего Нового времени

А. Л. Соломоновская

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Статья посвящена обзору точек зрения на статус, происхождение и функционирование двойных переводов (или переводческих дублетов) в общеевропейском культурном пространстве обозначенного в заглавии периода. Под переводческим дублетом понимается перевод одного слова оригинала двумя (изредка более) лексемами, связанными сочинительным, разделительным или пояснительным союзом. Этот прием является универсальным в переводческих школах этого периода независимо от их географического положения. Однако до сих пор в научной литературе отражены в основном исследования по конкретным переводческим школам или персоналиям, поэтому целью этого обзора стало обобщение представленного в литературе материала, обсуждение спорных вопросов, которые в той или иной форме поднимаются исследователями и предложение своих ответов на эти вопросы. Спорные вопросы при рассмотрении этого явления затрагивают причины его возникновения (от фактически случайной фиксации колебаний переводчика до сознательного параллельного применения двух философских концепций перевода (этимологического и смыслового)), языковой статус дублетов в паре (на каком этапе можно говорить о дублетах – синонимах) и их функционирование в тексте (являются ли они смыслоразличительным или риторическим средством). Рассмотрев предложенные в литературе точки зрения, автор предполагает, что, рассматривая двойной перевод в динамическом аспекте и исторической перспективе, можно утверждать, что дублеты первоначально появляются именно как смыслоразличительное средство и способ передать весь спектр значений многозначного слова (предоставляющий читателю право самому решать, какое именно значение выбрать в данном контексте). Насколько при этом переводчик руководствовался какой-либо философской теорией (будь то философия языка Августина Блаженного или теория подобных и неподобных подобий Псевдо-Дионисия Ареопагита) сказать затруднительно, так как в известных автору высказываниях самих средневековых переводчиков нет однозначных упоминаний этого приема. В любом случае, такое философское обоснование к определенному моменту (началу Нового времени) было забыто, и дублеты, если и использовались авторами и переводчиками, выполняли чисто риторическую функцию, а отдельные двойные переводы закрепились в языке как устойчивые выражения.

Ключевые слова

двойной перевод (переводческий дублет), средневековый перевод, этимологический и смысловой перевод, смыслоразличительная и риторическая функция, философия языка Августина Блаженного, теория подобных и неподобных подобий Псевдо-Дионисия Ареопагита

Для цитирования

Соломоновская А. Л. К вопросу о статусе и функционировании переводческих дублетов в европейском культурном пространстве поздней Античности, Средневековья и раннего Нового времени // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 4. С. 108–118. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-4-108-118

© А. Л. Соломоновская, 2019

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 4
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2019, vol. 17, no. 4

About Status and Functioning of Double Translations in European Cultural Space of Late Antiquity, Middle Ages and Early Modern Period

Anna L. Solomonovskaya

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article reviews different perspectives concerning the status, origin and functions of double translations in European cultural space throughout the period. The term *double translation* here refers to the translation of one word with two (rarely more) lexemes connected with a conjunction or another linking word. This technique was universal across medieval translation schools, whatever their geographic origin. However, only particular schools or individual translators have been studied in terms of this technique so far, so the author aims to summarize the findings, delineate some controversial issues in the domain under consideration and place the findings in a common perspective. The controversial issues comprise (but are not limited by) the causes of their emergence in translated texts (from almost accidental fixation of the translator's hesitation to the conscious decision to apply two different methods of translation based on specific philosophy of language). Another widely discussed question is the status of the words in such a pair – whether they were regarded as synonyms or had another status. One more question that causes discussion is their functions in the text, namely whether they were a rhetorical device or a certain means of semantic differentiation. The author of the article supposes that double translation should be considered dynamically and such chronological consideration makes it possible to argue that double translations first appeared to convey the whole range of meanings of a certain word enabling the reader to make their own choice concerning the exact meaning of the word in each particular context. As for the philosophical or theological background of the technique (be it language philosophy of St. Augustine or the theory of images developed by Pseudo-Dionysius the Areopagite) sometimes assumed to have been intentionally realized by medieval translators, it is hard to verify such claims as the utterances (Prefaces) of the medieval translators themselves hardly mention (with the possible exception of Praefatio Brixiana) either the technique or its presumed theological grounds. Moreover, word pairs (hendyadis) had been used as a rhetorical device both in the literary tradition and the national epic poetry of many European countries. This rhetorical device was widely used for emphasis, so when double translation actually lost its semantic function, it was retained by languages as set phrases or a purely stylistic device.

Keywords

double translation (translator's doublets), medieval translation, etymological and semantic translation, sense differentiation and rhetorical function, language philosophy of Saint Augustine, theory of similar and dissimilar images of Pseudo-Dionysius the Areopagite

For citation

Solomonovskaya, Anna L. About Status and Functioning of Double Translations in European Cultural Space of Late Antiquity, Middle Ages and Early Modern Period. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 4, p. 108–118. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-4-108-118

Введение

Двойной перевод или переводческий дублет представляет собой достаточно распространенный переводческий прием в течение более тысячи лет, начиная с переводов Иеронима Стридонского и его коллеги и соперника Руфина Аквилейского и заканчивая некоторыми переводчиками уже в Новое время. В первую очередь необходимо уточнить, что именно будет подразумеваться под переводческим дублетом в данной статье. В исторической славистике этот термин иногда употребляется для обозначения слов с идентичным значением в языке одного или даже нескольких памятников. Именно так трактуют дублеты болгарский славист Р. М. Цейтлин (в нескольких работах, например 1969, 1977 годов); в советской и российской традиции такое же понимание дублета как лексического варианта встречается в работах Л. П. Жуковской (1964), В. Н. Виноградовой (1964), Г. Н. Лукиной (1964), С. В. Дегтева (1991), Л. П. Клименко (1997).

Более узкое и вместе с тем точное понимание этого термина представлено в целом ряде работ отечественных и зарубежных лингвистов и историков языка. Под дублетом в таком случае понимается расчлененное выражение одного понятия. При этом не суть важно, является ли это способом выражения собственно авторской мысли в оригинальном тексте – риторический прием, известный как гендиадис, – или же речь идет о расчлененной передаче смысла одного исходного слова при переводе в случае собственно переводческих дублетов или двойного перевода. Два (в редких случаях больше) элемента этого выражения обычно связаны синтаксическими средствами. Для славянских языков это может быть сочинительный союз *и*, разделительный *или*, а также пояснительные союзы (в терминологии Л. А. Глинкиной (1978), «гибридные словоформы, близкие к вводным словам и одновременно к союзам» [Глинкина, 1978. С. 99]) *рекше* и *сиречь*. Обе связи по происхождению связаны с корнем *-рек-*: первая из них представляет собой краткое действительное причастие от *речи*, вторая – эллиптическое сочетание *си рѣчь есть*. При наличии пояснительного союза двойной перевод можно трактовать и как внесенную в текст глоссу.

Определение дублета, или синонимичного бинорма, по терминологии французского ученого Клода Буридана, которое он приводит в своей обзорной работе по синонимичным бинормам или дублетам во французской литературе [Buridant, 1980], звучит следующим образом: «Последовательность двух слов, относящихся к одной части речи, находящихся на одном уровне синтаксической иерархии и обычно связанных какой-либо синтаксической связкой»¹. Это определение, как кажется, наиболее адекватно отражает суть описываемого явления. Определение распространяется и на дублеты в оригинальных текстах того или иного автора, и на собственно предмет данной статьи – переводческие дублеты.

Дублет как смысловозначительное средство и риторический прием

Использование дублетов разного характера (синонимических и несинонимических) и в оригинальных произведениях, и при переводе, является древним явлением. Еще Цицерон приветствовал включение в речь дублетов (типа «честь и хвала») как для достижения риторического эффекта, так и для перифрастического объяснения [Eichel, 2016]. Источником парных наименований типа «радость и веселие» также являются библейские тексты и народный эпос (в частности, славянский и германский) [Пименова, 1994; Discenza, 2005; Eichel, 2016]. Широкое распространение этот риторический прием получил в средневековой латинской литературе и, вероятней всего, под ее влиянием распространился в литературы национальные, в частности, французскую.

Лексические дублеты в новозаветном греческом тексте и его переводах (в частности, славянских) восходят к ветхозаветной культурной традиции. Главным источником таких риторических, в первую очередь, конструкций на славянской почве является Псалтирь [Дмитриев, 1994]. Благодаря этому влиянию парные синтагмы (как называет их В. В. Колесов (1989)), к числу которых относятся и дублеты, как способ расширения текста стали частью византийской, а за ней и славянской литературной традиции. Что касается переводческих дублетов, их появление в библейских переводах может также оправдываться двойным пониманием одного слова, которое изначально входило в намерение составителей библейского (в частности, новозаветного текста). Так, Я. Ваард и Ю. Найда приводят пример из Евангелия от Иоанна 1:5, где греческое слово *καταλαμβάνω* означает одновременно и «охватить», и «понимать». В таком случае двойной перевод был оправдан и необходим для передачи, насколько это возможно, всей полноты смысла того или иного стиха Писания.

Вопрос, какая функция дублета является основной, пока остается открытым. Как смысловозначительное средство его рассматривает в упомянутой работе Клод Буридан. В первую

¹ The sequence of two words pertaining to the same form-class, placed on identical level of syntactic hierarchy and ordinarily connected by some kind of lexical link (цит. по Note 3 в [Buridant: 53]; перевод с английского мой. – А. С.)

очередь, как считает этот ученый, дублеты используются для компенсации отсутствия однословного эквивалента в переводящем языке, а также для уточнения передаваемого автором или переводчиком содержания – с точки зрения теории семантического поля дублеты позволяют выделить конкретный его фрагмент (например, во французском семантическом поле *beau / belle* пара *bel et gent* выделяет тот фрагмент поля, который связан с утонченностью и благородством «красивого» человека). При этом некоторые поля более других склонны к биномному выражению, в частности семантические поля эмоций – радости, грусти, страха. Второй элемент бинома в этих случаях может как уточнять содержание более общего первого элемента, так и выполнять функцию интенсификатора, так как интенсивность выражения эмоции в средневековой культуре воспринималась как мерило ее искренности. В текстах другого рода («научных») дублеты служили для введения и объяснения заимствуемых (или, как в случае со славянскими переводами греческих текстов, калькируемых) латинских или греческих терминов. Дублеты как средство экспликации вписываются в средневековую ментальность, в которой новое (например, вновь вводимый «научный» термин) должно было опираться на авторитет (будь то уже существующее слово языка или авторитет первоисточника), а также соответствует дихотомической организации средневекового мышления, восходящей к биполярному манихейскому мировосприятию [Buridant, 1980].

В жанрах определенного рода дублеты могли выполнять и чисто риторическую функцию. В сочинениях французского философа Мишеля Монтеня, например, дублеты (почти всегда имеющие тонкие смысловые различия и часто объединенные аллитерацией) также выполняют риторическую функцию – они позволяют варьировать скорость движения мысли, подчеркивают оппозицию, акцентируют интенсивность эмоции [Ibid.].

В определенный период (для французской литературы это XVII в., эпоха преклассицизма и классицизма, с ее требованием ясности и недвусмысленности выражения) риторические дублеты начинают восприниматься как разновидность плеоназма, тавтологичные сочетания, употреблять которые можно лишь с большой осторожностью. Однако к этому времени многие дублеты уже стали формулами, и как таковые они частично сохраняются в современных языках (например, «честь и хвала» в русском или английское выражение *aid and abate*).

Также дублеты продолжают применяться как чисто риторическое средство. Например, экспрессивную функцию синонимических пар, передающих одно греческое слово (типа *φιλίας* – **любве и дрѣзвы**), в переводах басен Эзопа в России в XVII в. подчеркивает в своей работе 1979 г. Р. Б. Тарковский. Ученый насчитал 123 подобных синонимических пары, из которых лишь 12 восходят к паре слов оригинала, а остальные являются собственно переводческим дублетом. По наблюдениям исследователя, в паре могут сочетаться более архаичное слово и его современный аналог, а также точный перевод и его ситуативное уточнение. В любом случае, повторение выполняет эмфатическую функцию, усиливает тот или иной мотив или оценку.

Переводческие дублеты: причины появления

Если в оригинальной литературе или эпосе у дублетов была очевидна риторическая функция, то появление дублетов в литературе переводной объяснялось самыми разными причинами. В первую очередь рассмотрим текстологические причины. К ним относятся, например, колебания переводчика, случайно зафиксированные писцом, который записывал под диктовку. Это, возможно, произошло в ходе первого латинского перевода сочинений Дионисия Ареопажита Гильдуином (первая половина IX в.). Греческому *ὑφθόνως* в раннем переводе Гильдуина соответствует *multo, magis*, тогда как в несколько более позднем переводе того же автора, выполненном Эригеной этому греческому слову соответствует одна лексема *copiose* [Thery, 1932].

В некоторых случаях исследователи склонны видеть в появлении дублетов результат взаимодействия (и соединения) двух традиций передачи одного текста оригинала. В этом

случае дублет возникает не собственно при переводе, а при последующих копировании и/или редактировании. В Лукиановской редакции Септуагинты, например, появление дублетов объясняется тем, что новое, гебраизирующее чтение, которое вносили переписчики-иудеи, не заменяет уже существовавшее греческое, а вставляется рядом с ним [Harl, Dorival, Munnich, 1988]. Таким же образом рассматривает британский ученый Филип Бёртон [Burton, 2000] двойной перевод в доиеронимовском переводе Евангелий (или «старых латинских Евангелиях» (Old Latin Gospels)) – один греческий термин мог передаваться по-разному в двух известных традициях этого текста – Африканской и Европейской, и эти разные варианты мог объединить в своей работе очередной переписчик. Другой пример того же рода встречается в восточнославянской письменности XII в. Составитель славянского Толкового перевода Песни Песней, как считает российский исследователь этого памятника А. А. Алексеев, воспользовался выполненным, возможно, еще Мефодием Четым переводом этой библейской книги и соединил взятое из этого перевода слово и поясняющий его синоним: **въ кринахъ в цвѣтѣхъ** [Алексеев, 1980].

Источником появления дублета могло быть сознательное решение переводчика именно так передать сложное греческое слово оригинала – как, например, поступил славянский переводчик Хроники Георгия Амартола, передав греческое *compositum* *φιλότητις* как **чѣсть и любовь** [Вялкина, 1966]. Интересно отметить, что через восемьсот лет после перевода Хроники Георгия Амартола дублет как способ передачи сложного слова оригинала применяется в анонимном переводе Ареопагитик конца XVIII в., сохранившемся в так называемой рукописи Ивана Голикова (*εὐπρεπείας* **вида и доброты**) [Николаева, 2007].

Еще одна интерпретация появления дублетов – это дублет как своего рода глосса, пояснение нового латинского (для французской литературы) или греческого (на славянской почве) термина. Например, в уже упомянутом переводе Хроники Георгия Амартола встречаются глоссы, содержащие или два варианта перевода одного греческого слова (**црьковь рекше съборъ**) или заимствованное слово и его перевод (**фисіологна рекше родословья**) [Истрин], т. е. разновидности дублетов (одноязычные и двуязычные), которые традиционно рассматриваются в славистике.

Некоторые ученые (в частности А. Лориан) считают даже, что именно переводчики были основными поставщиками дублетных формул в национальную литературу – переводческие дублеты были для них способом ввести в национальный язык некоторые латинские и греческие термины, своего рода глоссированием (точка зрения приводится в [Buridant, 1980. Note 8]). Сам Буридан называет дублет «эмбриональной глоссой» [Ibid. Note 28].

В то время как одни исследователи склонны рассматривать дублеты именно как «синонимические или почти синонимические пары» [Brook, 1986], другие стремятся увидеть в появлении дублетов влияние философских и теологических построений поздней Античности и Средневековья. Бельгийский ученый Ф. Томсон видит в дублете (как в «классическом», так и двуязычном) проявление взаимоотношения философий языка *φύσει* и *θέσει*. В первом случае речь идет или об этимологическом переводе, или о транслитерации исходного греческого слова, во втором – о его актуальном конвенциональном эквиваленте. В рамках двойного перевода эти два подхода представлены одновременно [Thomson, 1991].

Несколько иную, хотя и очень близкую, философскую трактовку этого явления дает немецкий ученый Эрнст Ханзак. Опираясь на теорию языка Блаженного Августина, он утверждает, что собственно переводческие дублеты не имеют ничего общего с синонимией и появляются благодаря стремлению переводчика совместить два способа перевода – этимологический, то есть передачу внутренней формы слова и смысловой (передачу актуального значения) [Hansack, 1981]. Двойной перевод, таким образом, позволял снять противоречие между «переводом по смыслу» и переводом этимологическим, призванным «вызывать те же движения души», что и оригинал, что соответствовало философии языка Августина.

Эрнст Ханзак утверждает, что «описанный тип перевода – это ступень развития (переводческой мысли и практики. – А. С.), которая проявляется – более или менее ясно – во всех языках европейского культурного пространства: это христианская переводческая техника средневековья. Все европейские языки пользовались этим методом при переводе Библии»². В другой работе (1987) тот же автор приводит примерные временные рамки распространения такого типа перевода – начиная с ранних сирийских переводов Библии II в. и заканчивая XI в., хотя еще и в XIV в. и даже уже в Новое время некоторые как западноевропейские, так и славянские книжники и переводчики пользуются этим методом. Немецкий ученый опирается в своих построениях на так называемое *Praefatio Brixiana*, в котором, по его мнению, содержится первое подробное описание техники и идеологии двойного перевода на европейской почве. Это латинское предисловие к двуязычной (латинской и готской) или трехязычной (греческой, латинской и готской) Библии, скорее всего, Ветхому Завету. Сама рукопись (вероятно, середины V в., хотя возможна и более поздняя датировка), к сожалению, не сохранилась, поэтому полностью подтвердить мнение немецкого ученого о текстовых (маргинальных или межстрочных глоссах), которые Э. Ханзак рассматривает как двойной перевод или дублеты, не представляется возможным. Предисловие написано разговорной латынью, содержит грамматические ошибки, что доказывает, что его автор – не очень образованный человек. Стиль документа не соответствует классическим нормам. В вопросе его датировки ученые расходятся. Традиционно этот текст связывали с корреспондентами Иеронима Блаженного Суннией и Фретелой, двумя готскими священнослужителями. Однако палеографические данные противоречат такой атрибуции и позволяют отнести этот текст к более позднему времени (самому концу V в.). Э. Ханзак в упомянутой статье, не рассматривает вопросы датировки текста, но имплицитно возводит его именно к переводу, а не к редакции перевода готской Библии.

Подробное рассмотрение *Praefatio Brixiana* не входит в задачи данной работы. Здесь мы остановимся только на трактовке этого текста как обоснования переводческих дублетов. Не имея прямых текстовых доказательств (в виде самого перевода), Э. Ханзак делает вывод о наличии в нем переводческих дублетов на основе следующего рассуждения: поскольку маргинальные и межстрочные глоссы были привычным и общеизвестным филологическим инструментом античности, сам факт написания *Praefatio* свидетельствует о том, что описанные в нем *Wulthres* (примечания, *adnotationes*) – не глоссы в привычном смысле, а совершенно новая техника разъяснения, а именно текстовые глоссы или двойной перевод. Таким образом, с точки зрения немецкого ученого, переводческие дублеты – это своего рода глоссы, внесенные в текст. Поскольку готский перевод Библии был первым в Европе переводом Священного Писания на национальный язык, его дублеты (примечания, *adnotationes*, *Wulthres* – содержащие по-видимому, этимологический перевод наряду со смысловым) были первым свидетельством применения этой техники в христианской национальной письменной традиции. Переводческие дублеты позволяли решить дилемму соблюдения буквы Священного Писания, с одной стороны, и доступности результирующего текста, с другой. Однако именно по причине того, что мы можем сейчас лишь гадать, что именно имеет в виду под *Wulthres* древний переводчик, построения Э. Ханзака еще нуждаются в эмпирическом подтверждении.

Тот же прием можно трактовать и с помощью теории другого неоплатонического христианского мыслителя (Псевдо) Дионисия Ареопагита – перевод как подобное (этимологический) и неподобное (актуальный) подобие, как это делает в работе 1994 г. М. И. Чернышева. Теория образов Ареопагитик была очень популярна в Средние века и касалась не столько зрительных образов, сколько библейской экзегезы. До сих пор остающийся загадочной фи-

² Die geschilderte Art zu übersetzen ist eine Entwicklungsphase, die sich – mehr oder weniger deutlich – in allen Sprachen des europäischen Kulturraums nachweisen läßt: es ist die christliche Übersetzungstechnik des Mittelalters. Alle europäischen Sprachen haben auf diese Weise von der Bibelüßprofitiert ([Hansack, 1981:23], перевод мой. – А. С.).

гурой поздней античности автор, воспользовавшийся псевдонимом, восходящим к новозаветному тексту, рассматривая многочисленные библейские метафоры, которые используются в Писании применительно к Богу во всех его трех ипостасях, делит их на подобные (физические объекты, играющие в чувственно-воспринимаемом мире ту же роль, что Божественное играет в мире трансцендентном – например, солнце) и неподобные (как например, в известном стихе из Евангелия от Иоанна (глава 10 стих 9): «Я есмь дверь»). Последние даже более предпочтительны, так как их метафорический характер очевиден и верующий не впадет в грех идолопоклонства, как это может случиться с «подобными» подобиями. Применяя эту теорию к переводу, можно предположить, что этимологический перевод (лексическая, иногда семантическая калька с греческого оригинала) может трактоваться как подобное подобие, а смысловой – как неподобное. Опять же, за неимением эксплицитного выражения такой связи в каком-либо переводческом предисловии или трактате (на данный момент автору неизвестен такой текст), и такое философское обоснование остается лишь современной реконструкцией предполагаемого хода мысли давно ушедшего от нас переводчика.

В литературе также встречаются оригинальные, даже в некоторой степени экзотические версии появления дублетов, в частности, в ранних переводах Преславской школы. Болгарская исследовательница П. Пенкова объясняет их появление противопоставлением, в рамках экзегетической школы Афанасия Александрийского, трансцендентного и временного, божественного и земного (например, греческое *ἀνάστασις* передается как **вѣскресе́ние** (о Христе) или как **вѣста́ние** о людях (имеется в виду, по-видимому, апокалиптическое «восстание из мертвых»). Таким образом, заключает П. Пенкова, слова, которые часто считаются синонимами или переводческими дублетами (исследователь, однако, не уточняет, имеет ли она в виду то явление, которое обычно обозначается этим термином (две лексемы, передающие одно и то же греческое слово и соединенные союзом), или просто разные славянские эквиваленты одной греческой лексемы), на самом деле являются теологическими антонимами.

Однако не все ученые согласны с положительной оценкой этой техники, некоторые, например А. А. Пичхадзе [2011], видят в таких переводах следы неуверенности переводчика (в данном случае, восточнославянского), исправления им замеченной ошибки. Рассматривая переводы, известные в домонгольской Руси, А. А. Пичхадзе выделяет группу переводов, содержащих южнославянизмы (в которую входят и уже неоднократно упомянутая Хроника Георгия Амартола, и другие памятники, восходящие к ранним славянским переводам). Одной из собственно переводческих особенностей данной группы является наличие в тексте дублетов (как славяно-греческих, так и собственно славянских), которые предполагают альтернативное прочтение греческой лексемы, предлагая читателю, таким образом, самому выбрать нужное в данном контексте.

Заключение

Таким образом, переводческие дублеты, понимаемые в рамках этой работы как использование в одном микроконтексте двух (изредка более) слов переводящего языка, связанных соединительным, разделительным или пояснительным союзом, в соответствии с одной лексемой оригинала, являются широко распространенным переводческим приемом на всем протяжении рассматриваемого периода, универсальным для европейского (но также и ближневосточного, так как встречается в сирийских христианских переводах, выполненных в позднеантичную эпоху) культурного пространства.

Дублеты могут появляться в переводных текстах относительно случайно, как результат определенной организации труда переводчика или при последующей переписке изначально-го перевода в другой диалектной среде, но в основном этот прием использовался средневековыми переводчиками сознательно. Его популярности способствовало распространение риторического приема повторения (частным случаем которого является гендиадис) как в письменной европейской и ближневосточной культуре (с одной стороны, классические ла-

тинские сочинения (Цицерон), с другой – Ветхий Завет (особенно Псалтирь)), так и в устной эпической традиции европейских народов.

Переводчики пользовались этим приемом, чтобы выразить всю полноту значения слова оригинала, если не могли подобрать однословного эквивалента в переводящем языке или если исходное слово было многозначным. Также двойной перевод часто рассматривается как своего рода глосса-пояснение, которая могла вводиться в текст или существовать в качестве маргиналии-пояснения. Также такого рода повторы могли играть роль риторического приема, чаще всего применяющегося для усиления эмоционального воздействия, что характерно не только для переводной, но и для оригинальной литературы. Возможно также и предполагаемое некоторыми учеными (Э. Ханзак, М. И. Чернышева) сознательное стремление переводчика соединить два типа передачи исходной лексемы (воспроизведение его внутренней формы, так называемый этимологический перевод, передающий «движение души» автора исходного текста (или «подобное подобие», если применить не философию языка Августина, а теорию божественных образов Псевдо-Дионисия Ареопагита) и передача ее (лексемы) актуального значения (смысловой перевод, «неподобное подобие»). Так как последняя гипотеза базируется в основном на современной реконструкции взглядов средневекового переводчика, а не на аутентичных заявлениях, достаточно сложно судить об осознанности такого подхода. Так или иначе, со временем лингвофилософское обоснование, если оно и существовало в реальности, было забыто и позднейшие переводчики (раннего Нового времени в рамках данной работы), если пользовались этим приемом вообще, то воспринимали дублет как синонимическую пару по сути и как стилистическое средство по функции (о чем свидетельствуют переводческие дублеты к слову *δύναμις* в одном и том же контексте – отрывке из четвертой главы трактата «О божественных именах» Псевдо-Дионисия Ареопагита – ‘сила и разум’ (т. е. «значение») в Македонском кириллическом листке, с одной стороны, и ‘сила и мощь’ в позднем (конец XVIII в.) переводе Ареопагитик, с другой).

Список литературы

- Алексеев А. А.** «Песнь песней» в древней славянской письменности. М., 1980. Ч. 1. 64 с.; Ч. 2. 64 с.
- Виноградова В. Н.** Образование отвлеченных существительных с приставками не- и без- в древнерусском языке XI–XIV вв. // Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. М.: Наука, 1964. С. 218–244.
- Вялкина Л. В.** Греческие параллели сложных слов в древнерусском языке XI–XIV вв. // Лексикология и словообразование древнерусского языка. М.: Наука, 1966. С. 154–188.
- Глинкина Л. А.** Из истории пояснительных союзов в русском языке // Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка. М.: Наука, 1978. С. 98–116.
- Дегтев С. В.** Замечания о двух переводах в составе сочинения Григория Назианзина «Тринадцать слов» // Традиции древнейшей славянской письменности и языковая культура восточных славян. М.: Наука, 1991. С. 36–41.
- Дмитриев Д. В.** Синонимические дублеты библейского происхождения в древнерусской письменности // Динамика русского слова. СПб., 1994. С. 43–50.
- Жуковская Л. П.** Лексические варианты в древних славянских рукописях // Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. М.: Наука, 1964. С. 5–17.
- Истрин В. М.** Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Текст, исследование и словарь. ПГ., 1920. 612 с.; 1922. Т. 2. 454 с.; Л., 1930. 348 с.
- Клименко Л. П.** Некоторые лексические особенности древнего славянского перевода греческой Псалтири (по материалам рукописей XI–XIV вв.) // Термин и слово. Н. Новгород, 1997. С. 116–125.
- Колесов В. В.** Древнерусский литературный язык. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 295 с.

- Лукина Г. Н.** К истории антонимических прилагательных в русском языке (слова *тонкий* и *толстый*) // Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. М.: Наука, 1964. С. 80–93.
- Николаева Н. Г.** Славянские Ареопагитики: Лингвистическое исследование. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2007. 184 с.
- Пименова М. В.** Выражение эстетической оценки в древнерусском языке (на материале памятников литературы XI – нач. XII в.) // Динамика русского слова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. С. 150–154.
- Пичхадзе А. А.** Переводческая деятельность в домонгольской Руси. Лингвистический аспект. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2011. 403 с.
- Тарковский Р. Б.** Экспрессивно-стилистические акценты в системе пословного перевода в России XVII в. // ТОДРЛ, 1979. Т. 34. С. 162–175
- Цейтлин Р. М.** О лексических особенностях языка старославянских памятников // Вопросы языкознания. 1969. № 6. С. 35–47.
- Цейтлин Р. М.** Лексика старославянского языка. М.: Наука, 1977. 336 с.
- Чернышева М. И.** К вопросу об истоках лексической вариантности в ранних славянских переводах с греческого языка: переводческий прием «двуязычные дублеты» // Вопросы языкознания. 1994. № 2. С. 97–107.
- Brook, L.** Synonymic and Near-synonymic Pairs in Jean de Meun's Translation of the Letters of Abelard and Heloise. *Neuphilologische Mitteilungen*, 1986, vol. 87, no. 1, p. 16–33.
- Buridant, C.** Les binômes synonymiques. Esquisse d'une histoire des couples de synonymes du Moyen Age au XVII siècle. *Bulletin d'analyse du discours*, 1980, no. 4, p. 5–79.
- Burton, Ph.** The Old Latin Gospels: A Study of their Texts and Language. Oxford University Press, 2000, 232 p.
- Discenza, N. G.** The King's English. Strategies of Translation in the Old English Boethius. Albany, State University of NY Press, 2005, 224 p.
- Eichel, A. T.** Patristic Precedent and Vernacular Innovation: The Practice and Theory of Anglo-Saxon Translation. A Dissertation Presented for the Doctor of Philosophy Degree. The University of Tennessee. Knoxville, 2016, 302 p.
- Hansack, E.** Die theoretischen Grundlagen des Übersetzungsstils des Exarchen Johannes. In: Die Welt der Slaven XXVI. München, 1981, S. 15–36.
- Hansack, E.** Zur Technik der Doppelübersetzung. Zwei Beiträge aus slavistischer Sicht: 1. Praefatio Brixiana; 2. Notker der Deutsche. *Anzeiger für slavische Philologie*, 1987, no. 18, p. 79–127.
- Harl, M., Dorival, G., Munnich, O.** La Bible Grecque des Septante (Du Judaïsme Hellénistique au Christianisme ancien). Ed. du CERF, 1988, 368 p.
- Penkova, P.** The Grammatical Exegesis in the Preslav Literary School. In: Littera et Lingua. Электронно списание за хуманористика. 2013. URL: <http://www.slav.uni-sofia.bg/naum/en/lilijournal/2013/1-2/penkovap> (accessed 10.01.2018).
- Thery, P. G.** Etudes Dyonisiennes I: Hilduin, traducteur de Denys. Paris: Vrin, 1932, 183 p.
- Thomson, F. J.** John the Exarch's Theological Education and Proficiency in Greek as Revealed by his Abridged Translation of John of Damascus "De Fide Orthodoxa". *alaeobulgarica*, 1991, vol. 15, no. 1, p. 35–58.
- Waard, J. de, Nida, E. A.** From One Language to Another. Functional Equivalence in Bible Translating. New York, Thomas Nelson Inc., 1986, 224 p.

References

- Alekseev, A. A.** *Song of Songs* in old Slavonic writings. Moscow, 1980. Parts 1, 2 (in Russ.)
- Brook, L.** Synonymic and Near-synonymic Pairs in Jean de Meun's Translation of the Letters of Abelard and Heloise. *Neuphilologische Mitteilungen*, 1986, vol. 87, no. 1, p. 16–33.

- Buridant, C.** Les binômes synonymiques. Esquisse d'une histoire des couples de synonymes du Moyen Age au XVII siècle. *Bulletin d'analyse du discours*, 1980, no. 4, p. 5–79.
- Burton, Ph.** The Old Latin Gospels: A Study of their Texts and Language. Oxford University Press, 2000, 232 p.
- Cejtlin, R. M.** Old-Slavonic Vocabulary. Moscow, Nauka, 1977, 336 p. (in Russ.)
- Cejtlin, R. M.** On lexical peculiarities of the language of Old Slavonic manuscripts. *Voprosy Yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], 1969, no. 6, p. 35–47. (in Russ.)
- Chernysheva, M. I.** On the sources of lexical variability in early Slavic translations from Greek: the technique of translator's doublets. *Voprosy Yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], 1994, no. 2, p. 97–107. (in Russ.)
- Degtev, S. V.** Some Notes on the two translations included in the "Thirteen Orations" by Gregory of Nazianzus (the Theologian). In: Traditions of the oldest Slavic writings and the language culture of Eastern Slavs. Moscow, Nauka, 1991, p. 36–41. (in Russ.)
- Disenza, N. G.** The King's English. Strategies of Translation in the Old English Boethius. Albany, State University of NY Press, 2005, 224 p.
- Dmitriev, D. V.** Synonymous doublets of Biblical origin in Old-Russian writings. In: Dinamika russkogo slova (The dynamics of a Russian word). St. Petersburg State University Publ., 1994, p. 43–50. (in Russ.)
- Eichel, A. T.** Patristic Precedent and Vernacular Innovation: The Practice and Theory of Anglo-Saxon Translation. A Dissertation Presented for the Doctor of Philosophy Degree. The University of Tennessee. Knoxville, 2016, 302 p.
- Glinkina, L. A.** From history of coordinate conjunctions with an explanatory meaning in the Russian language. In: Issledovaniya po slovoobrazovaniju i leksikologii drevnerusskogo yazyka (Studies on word-formation and lexicology of the Old-Russian language). Moscow, Nauka, 1978, p. 98–116. (in Russ.)
- Hansack, E.** Die theoretischen Grundlagen des Übersetzungsstils des Exarchen Johannes. In: Die Welt der Slaven XXVI. München, 1981, S. 15–36.
- Hansack, E.** Zur Technik der Doppelübersetzung. Zwei Beiträge aus slavistischer Sicht: 1. Praefatio Brixiana; 2. Notker der Deutsche. *Anzeiger für slavische Philologie*, 1987, no. 18, p. 79–127.
- Harl, M., Dorival, G., Munnich, O.** La Bible Grecque des Septante (Du Judaïsme Hellénistique au Christianisme ancien). Ed. du CERF, 1988, 368 p.
- Istrin, V. M.** Georgii Monachi chronicon: George the Monk Chronicle in old Slavonic-Russian translation. Text, study and glossary. Petersburg, 1920, 612 p.; 1922, vol. 2, 454 p.; Leningrad, 1930, 348 p. (in Russ.)
- Klimenko, L. P.** Some lexical peculiarities of the old Slavic translation of the Greek Psalter (based on manuscripts of 11th–14th centuries). In: The Term and the Word. Nizhny Novgorod, 1997, p. 116–125. (in Russ.)
- Kolesov, V. V.** The Old-Russian literary language. Leningrad (now Saint Petersburg) State University Publ., 1989, 295 p. (in Russ.)
- Lukina, G. N.** On history of the antonymous adjectives in the Russian language (words *tonkyi* (thin) and *tolsty* (thick)). In: Issledovaniya po istoricheskoy leksikologii drevnerusskogo yazyka [Studies on historical lexicology of the Old-Russian language]. Moscow, Nauka 1964, p. 80–93. (in Russ.)
- Nikolaeva, N. G.** Corpus Areopagiticum Slavicum: a linguistic study. Kazan, Kazan University Publ., 2007, 184 p. (in Russ.)
- Penkova, P.** The Grammatical Exegesis in the Preslav Literary School. In: Littera et Lingua. Электронно списание за хуманитористика. 2013. URL: <http://www.slav.uni-sofia.bg/naum/en/lilijournal/2013/1-2/penkovap> (accessed 10.01.2018).
- Pichkhadze, A. A.** Translation activity in pre-Mongol Old Russia. Moscow, Manuscripts of Old Russia, 2011, 403 p. (in Russ.)

- Pimenova, M. V.** The expression of aesthetic evaluation in the Old-Russian language (based on literary monuments of the 11th – early 12th centuries). In: *Dinamika russkogo slova* [The dynamics of a Russian word]. St. Petersburg State University Publ., 1994, p. 150–154. (in Russ.)
- Tarkovsky, R. B.** Expressive stylistic emphasis in the system of word to word translation in Russia in the 17th century. In: *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury (TODRL)* [Papers of Old Russian Literature Department]. Leningrad, Nauka, 1979, p. 162–175 (in Russ.)
- Thery, P. G.** *Etudes Dyonisiennes I: Hilduin, traducteur de Denys*. Paris: Vrin, 1932, 183 p.
- Thomson, F. J.** John the Exarch's Theological Education and Proficiency in Greek as Revealed by his Abridged Translation of John of Damascus "De Fide Orthodoxa". *alaeobulgaria*, 1991, vol. 15, no. 1, p. 35–58.
- Vinogradova, V. N.** Formation of abstract nouns with prefixes ne- and bez- in the Old-Russian language of 11th–14th centuries. In: *Issledovaniya po istoricheskoy leksikologii drevnerusskogo yazyka*. (Studies on historical lexicology of the Old-Russian language). Moscow, Nauka, 1964, p. 218–244. (in Russ.)
- Vyalkina, L. V.** Greek etymons of compound words in the Old Russian language of the 11th–14th centuries. In: *Leksikologiya i slovoobrazovanie drevnerusskogo yazyka* [Lexicology and word-building of the Old-Russian language]. Moscow, Nauka, 1966, p. 154–188. (in Russ.)
- Waard, J. de, Nida, E. A.** *From One Language to Another. Functional Equivalence in Bible Translating*. New York, Thomas Nelson Inc., 1986, 224 p.
- Zhukovskaya, L. P.** Lexical variants in ancient Slavic manuscripts. In: *Issledovaniya po istoricheskoy leksikologii drevnerusskogo yazyka*. (Studies on historical lexicology of the Old-Russian language). Moscow, Nauka, 1964, p. 5–17. (in Russ.)

Материал поступил в редакцию
Date of submission
 25.05.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Соломоновская Анна Леонидовна, канд. филол. наук, зав. кафедрой межкультурной коммуникации Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Anna L. Solomonovskaya, Cand. of Sci. (Linguistics), Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

asolomonovskaya@mail.ru
 ORCID 0000-0001-8300-6691

Восприятие русской литературы в Британии в конце XIX – начале XX века

О. А. Колыхалова, А. Ю. Кулдошина

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия*

Аннотация

Цель статьи – проанализировать существующие представления о русской литературе в Великобритании конца XIX – начала XX в. Дан краткий исторический обзор переводов произведений русских классиков в Британии. Показано, что распространение русской литературы в Британии долгое время продвигалось медленно из-за сложности в переводах и отсутствия интереса к России и русской культуре. Однако в конце XIX – первой половине XX в. в литературном сообществе Британии ситуация изменилась. В периодических и неперiodических изданиях появилось большое количество переводов русской литературы, выполненных профессиональными переводчиками, исследователями-славистами, писателями. В статье дается обзор переводов произведений Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, которые стали наиболее понятны и доступны английскому менталитету благодаря таким выдающимся переводчикам, как К. Гарнетт, Э. и Л. Мод, С. С. Котелянский (в соавторстве с В. Вульф и Дж. М. Марри), Р. Э. К. Лонг и др. Получив доступ к качественным переводам русских классиков, британские писатели стали подробнее изучать их творчество. Британцы увидели влияние английских и европейских писателей (У. Шекспира, Ч. Диккенса, Ж.-Ж. Руссо, И. В. Гёте, В. Гюго и др.), например, в романах Ф. М. Достоевского. Однако позже уже творчество русских писателей оказывало влияние на западную литературу. Существует мнение, что переводы произведений А. П. Чехова, выполненные К. Гарнетт, существенно изменили британский модернистский рассказ. В. Вульф, Дж. Джойс, Б. Шоу, Дж. Голсуорси, А. Беннетт и др. восхищались глубиной, стилем, языком русских писателей. Перевод произведений русских авторов способствовал поступлению большей информации о России и расширил представление британцев о стране и людях. Это еще раз подтверждает факт взаимного культурного обмена между двумя странами в исторической перспективе. Можно утверждать, что, несмотря на все сложности отношений, взаимовлияние литератур двух стран очевидно.

Ключевые слова:

межкультурная коммуникация, перевод, Россия, русская литература, Британия, перевод, британское литературное сообщество, взаимовлияние

Для цитирования

Колыхалова О. А., Кулдошина А. Ю. Восприятие русской литературы в Британии в конце XIX – начале XX века // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 4. С. 119–129. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-4-119-129

Perceptions of Russian Literature in Britain at the End of the 19th – Beginning of the 20th Century

O. A. Kolykhalova, A. Yu. Kuldoshina

*National Research University “Higher School of Economics”
Moscow, Russian Federation*

Abstract

The purpose of the article is to analyze the existing ideas about Russian literature in Britain at the end of the 19th and the first half of the 20th centuries. A brief overview of the advancement of works by Russian classics among British

readers is given. The spread of Russian literature in Britain had been progressing slowly for a long time due to the difficulty in translation and the lack of interest in Russia and Russian culture. However, at the end of the 19th and the first half of the 20th centuries, the situation changed in the British literary community. This period saw a plethora of publications of translations of Russian fiction that were accomplished by professional translators, Slavonic scholars, and writers. These translations appeared in periodicals and other print formats. The article provides an overview of the translation of works of F. M. Dostoevsky, L. N. Tolstoy, A. P. Chekhov, who have become the most understandable and accessible to the English mentality. It happened thanks to such outstanding translators as C. Garnett, Aylmer and Louise Maude, S. S. Kotliansky (who worked in collaboration with V. Woolf, J. M. Murry), R. E. C. Long and others. Having gained access to high-quality translations of Russian classics, British writers began to study their works in greater detail. The British saw the influence of English and European writers (W. Shakespeare, Ch. Dickens, J.-J. Rousseau, J. W. Goethe, V. Hugo, etc.), e.g., in F. M. Dostoevsky's works. However, later the Russian influence could also be felt in the Western novel, modifying it. There is an opinion that the works of A. P. Chekhov, translated by Garnett, changed the English short story, making it exactly as we know it. V. Woolf, J. Joyce, B. Shaw, J. Galsworthy, A. Bennett and others admired the depth, style, and language of Russian writers. Translation of works of great Russian authors facilitated the flow of information about Russia and expanded the Brit's view on the country and its people. It once again confirms the existence of mutual cultural exchange between the two countries from a historical perspective. It can be argued that, despite all the complexities of the relationship, the mutual influence of the literatures of the two countries is quite significant.

Keywords

intercultural communication, translation, Russia, Russian literature, Britain, translation, British literary community, mutual influence

For citation

Kolykhalova, Olga A., Kuldoshina, Anna Yu. Perceptions of Russian Literature in Britain at the End of the 19th – Beginning of the 20th Century. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 4, p. 119–129. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-4-119-129

Переводы художественной литературы в контексте межкультурной коммуникации

Межкультурная коммуникация как способ взаимодействия между культурами включает в себя культурный обмен, одним из способов которого являются переводы иноязычных произведений. Стоит отметить, что в процессе общения культур перевод сразу же оказался одним из наиболее действенных факторов взаимодействия, более того, «более развитая, хотя бы и отживающая и даже давно отжившая свой век, культура внезапно вызвала могучий отклик в другом народе, в другой стране и становилась формообразующим началом совершенно иного культурного мира» [Левик, 1963. С. 90].

Сближение ради политических или экономических целей, даже вынужденное сотрудничество между определенными государствами часто приводит к более интенсивному культурному обмену между ними, а следовательно, появляется все больше и больше переводных произведений, принадлежащих перу авторов из чужой культуры.

Несмотря на положительные функции переводов, существует немало факторов, которые мешают их возникновению. Межгосударственные, политические или религиозно-идеологические конфликты, часто возникающие между разными странами, ведут к сложностям в культурном обмене и, как следствие, к снижению количества переводов. Общение между представителями разных стран часто осложняется из-за несхожих наборов ценностей и норм каждой культуры [Kolykhalova, 2017. Р. 352–353]. Эти ценности усваиваются каждым индивидом еще с детства в процессе инкультурации. В результате этого картина мира своей культуры нередко воспринимается ее представителями как некий эталон, единственно возможное положение вещей. Подобный подход называется «этноцентризмом»: он «представляет собой психологическую установку воспринимать и оценивать другие культуры и поведение их представителей через призму своей культуры» [Грушевицкая, 2003. С. 37]. В основе этноцентризма лежит оппозиция «свой – чужой», что может приводить к возникновению установки на превосходство собственной культуры над другими и, как следствие, к непониманию и враждебности по отношению к другим культурам. Этноцентризм, в свою очередь, влияет на возникновение и закрепление в обществе стереотипов и предрассудков о другой культуре

или ее представителях. Стереотипы – это клише, «устойчивые суждения о представителях одних национальных групп с точки зрения других» [Грушевицкая, 2003. С. 179], что позволяет людям экономить мыслительный процесс и категоризировать мир вокруг. В отличие от предрассудков, стереотипы могут быть как отрицательными, так и положительными, однако не подлежит сомнению то, что любые стереотипы и предрассудки не позволяют видеть отдельных индивидов за обобщенным представлением об определенной группе. Еще один фактор, влияющий на появление межкультурных конфликтов – это «дух времени» / «Zeitgeist» (философское понятие, используемое Гегелем), то есть особенности эпохи, в которую происходит общение между определенными культурами [Magee, 2010].

Итак, переводы как способ межкультурного обмена выполняют множество важных функций, позволяя наладить межкультурную коммуникацию между странами, однако межкультурные конфликты часто мешают появлению переводов произведений зарубежных писателей, что возникает из-за разницы в нормах и ценностях культур, этноцентризма, стереотипов и предрассудков, а также влияния духа времени. Однако нельзя рассматривать конфликты только как негативную часть процесса коммуникации. Согласно теории позитивного конфликта, они понимаются как естественная часть жизни и не всегда являются деструктивными. Часто именно конфликты помогают лучше узнать другую культуру [Тер-Минасова, 2000].

Первые переводы русской художественной литературы в Британии

История переводов русской литературы в Великобритании насчитывает всего около трех столетий. Первые упоминания современных русских писателей и их переводы появились в Британии лишь в XVIII в. В 1784 г. увидела свет книга историка и священнослужителя Уильяма Кокса «Путешествия в Польшу, Россию, Швецию и Данию». В ней он посвятил целую главу русским писателям и поэтам, внесшим вклад в развитие литературного русского языка. В книге упоминаются М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков и М. М. Херасков [Cross, 2012. Р. 5]. В этот же период были напечатаны отдельные переводы стихотворений русских поэтов и русского фольклора в журналах. Однако в полной мере переводы русской литературы стали входить в британское общество лишь с наступлением XIX в. В начале столетия вышла книга Уильяма Тука «Картина Петербурга» [Ibid. Р. 6]. Данная работа пользовалась большим успехом. В ней автор подробно представил историю современной российской словесности, также в книге были опубликованы его стихотворные переводы произведений А. П. Сумарокова и Г. Р. Державина. Первой русской пьесой, которая была переведена на английский язык, была трагедия А. П. Сумарокова «Дмитрий Самозванец» – она вышла в 1806 г. в переводе члена русского посольства в Лондоне А. Г. Евстафьева [Ibid. Р. 7]. В 1821 г. появилась еще одна очень важная книга – «Российская антология...» Джона Бауринга. В ней можно было найти переводы произведений 23 российских поэтов, к примеру, М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, М. М. Хераскова, К. Н. Батюшкова, Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, П. А. Вяземского [Ibid. Р. 8]. В связи с публикацией перевода «Руслана и Людмилы» в 1821 г. широко известным стало имя А. С. Пушкина, которого многие британцы называли единственным настоящим русским поэтом того времени [Ibid. Р. 10].

В середине XIX в. и во второй его половине британская проза испытала на себе большое влияние русского романа. Стали доступны переводы произведений таких авторов, как И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой. Тургенев публиковал в своем журнале «Домашнее чтение» Чарльз Диккенс, положительно о нем отзываясь. Именно Тургенев являлся одним из самых любимых русских писателей у британцев вплоть до конца XIX в. Т. Л. Селитрина предполагает, что чтение романов Тургенева во многом сформировало мнение о России внутри британского общества [Селитрина, 2009. С. 8]. В это же время стали чаще публиковаться переводы произведений И. А. Крылова, Н. В. Гоголя, новые переводы

А. С. Пушкина. Однако именно с «открытием» британцами творчества Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого можно говорить о появлении серьезного интереса британцев к России, русским и русской литературе.

До определенного периода переводы на английский язык в Британии выполнялись в основном с языков-посредников (чаще всего – с французского), а не непосредственно с русского. Эту особенность можно понять, если обратиться к истории перевода в Британии – использование языка-посредника (*intermediate language*) было широко распространено еще со Средних веков из-за большого влияния церкви на литературную деятельность и признания исключительно латыни как некоего эталонного языка [Routledge Encyclopedia of Translation Studies, 2009. P. 347]. Нормандское завоевание и долгое доминирование французского языка в обществе также не могло не сказаться на распространенности переводов зарубежной литературы с французского языка, а также использовании французских переводческих традиций [Ibid. P. 345]. Так, долгое время переводы на английский язык осуществлялись достаточно вольно из-за влияния французской традиции адаптационного перевода, достигшей своего пика в XVIII в. В оригинальный текст переводчик добавлял что-либо или опускал определенные детали, ориентируясь на вкусы и привычки принимающей культуры. Одним из показателей популярности такого подхода был перевод поэзии прозаическим текстом. Произведения русских поэтов не были здесь исключением: они также долгое время переводились только с помощью прозы [Cross, 2012. P. 8, 18]. Впрочем, не стоит относиться к этому как к недостаточно адекватному переводу – многие переводчики придерживаются мнения, что иногда корректный подстрочник лучше вольного перевода в стихах. «Любой поэт и прозаик, не говоря уже о читателе, предпочтет талантливый перевод своих произведений, сделанный по подстрочнику, бездарному переводу, сделанному с подлинника» [Левик, 1963. С. 95]. Э. Кросс также отмечает, что произведения русских писателей долгое время публиковались в Британии без указания авторства, нередкими были случаи переписывания произведения (т. е. его пересказа – разной степени вольности). Кроме того, переводы русских произведений изначально печатались в Британии только в составе сборников или антологий, а не в виде отдельных неперiodических изданий.

Таким образом, видно, что распространение русской литературы в Британии долгое время продвигалось медленно из-за сложности в переводах и отсутствия интереса к России и русской культуре у британцев. Несомненно, культура является важным фактором коммуникации, «переход с семантического уровня коммуникации на смысловой <...> совершается именно в культурной среде, представленной в каждом случае какой-нибудь конкретной культурной ситуацией» [Фефелов, 2014. С. 91]. Однако само переводческое взаимодействие между культурами осуществляется через текст, принадлежащий представителям данной культуры. Как справедливо отмечает А. Ф. Фефелов, выражение *translate cultures* можно интерпретировать как *translate language* (текст), «but never forget that its meaning may be culture-based, culture-bound, and is always subject to cultural bias» [Там же]. Иными словами, переводимость культуры – это, прежде всего, понимание контекста функционирования текста, который раскрывается с разной степенью глубины в зависимости от степени подготовки реципиента [Фефелов, 2016. С. 81].

Анализом взаимосвязей между переводом и культурой занимались многие ученые, для нас особый интерес представляют труды С. Басснетт, В. В. Левик, Т. Г. Грушевицкой, М. А. Шерешевской, А. В. Федорова, на которые мы опирались в ходе своего исследования.

Самые читаемые русские писатели в Британии

О Достоевском

Достоевский, безусловно, стал очень известным писателем на Западе, в особенности в Британии и Германии. Одним из первых переводчиков Достоевского на английский язык был Фредерик Уишоу (Frederick Whishaw) [Cross, 2012. P. 20; Maguire, 2012. P. 150]. В его

переводах увидели свет романы «Преступление и наказание» и «Идиот» в издательстве «Vizetelly» в 1880-х гг. Также известно имя Евы Мартин (Eva Martin), переводчицы, работавшей над изданием «Идиота» (1915 г.). Однако имя Констанс Гарнетт является здесь поворотным – именно ее перевод «Братьев Карамазовых», вышедший в 1912 году в издательстве «Heinemann», вызвал усиление интереса к русской прозе и Достоевскому в частности [Cross, 2012. P. 30]. С 1912 по 1920 г. вышли все наиболее значимые романы Достоевского в ее переводах («Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы», «Подорожник»). Долгое время ее переводы последних 3-х книг оставались единственными в Британии.

Получив доступ к качественным переводам русского классика, британские писатели стали подробнее изучать его творчество. Британцы верно увидели в Достоевском влияние Диккенса: действительно, «Диккенс был вторым важнейшим ориентиром для раннего Достоевского» [Криницын, 2019]. Русский классик в целом воспринял влияние многих европейских писателей – в числе восхищавших его авторов были У. Шекспир, Ж.-Ж. Руссо (использование исповедального жанра которого можно найти в «Записках из подполья»), И. В. Гёте (герои Достоевского часто задаются «фаустовскими вопросами»), французские романтики (В. Гюго, Стендаль) и реалисты (О. де Бальзак). Однако позже уже творчество самого Достоевского влияет на западный роман, видоизменяет его. Особенно отчетливо это прослеживается в детективном жанре. Как пишет Мюрин Мэгуайр (Muiréann Maguire) в статье «Crime and Publishing: How Dostoevskii Changed the British Murder» [Maguire, 2012], большинство исследователей истории детектива в той или иной степени упоминают Достоевского как одного из родоначальников этого жанра. Автор вышеупомянутой статьи рассматривает трех английских авторов, на чье творчество повлиял Достоевский: это Р. Стивенсон, Дж. Гиссинг и Г. К. Честертон. В произведениях этих британских романистов можно найти следующие черты творчества Достоевского: стилистические приемы вроде флешбэков, состояния измененного сознания (бреда), использование двойников (яркий пример – «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда»), изображение низших слоев населения, в том числе проституток, и их страданий, а также фигура следователя (Порфирий Петрович, несомненно, повлиял на создание образов многих книжных детективов, например, отца Брауна у Честертон) и сама структура «раскрытия» преступления.

В начале XX в. появляются и литературоведческие труды о творчестве Достоевского. Известна работа М. Мэрри 1916 г., в которой автор рассматривает Достоевского как особого писателя, сочетающего в себе как философа, так и романиста [Бережков, 2011]. Здесь также стоит упомянуть работу М. Бэринга «Вехи русской литературы» («Landmarks in Russian Literature», 1910). Бэринг – литератор, который серьезно изучал русскую культуру, занимался поиском «красоты русской души» и интересовался «подлинной» Россией с ее православием и крестьянством [Cross, 2012. P. 31]. В своей работе о русской литературе он пишет, что «Преступление и наказание» – это «самая великая трагедия убийцы, когда-либо созданная со времен Макбета» [Бережков, 2011]. Любопытно отметить, что исследователи Достоевского уже того периода сравнивают его творчество с произведениями Шекспира. Так, Мэрри находит прообраз Гамлета в фигуре Ивана Карамазова. В монографии о Достоевском Дж. А. Т. Ллойд (Lloyd J. A. T. «A Great Russian Realist – Feodor Dostoevsky», 1912) также упоминает Гамлета, только уже в связи с замыслом «Преступления и наказания» [Бережков, 2011]. Это вполне объяснимо, учитывая, какой важной культурной доминантой является для британцев Шекспир. Впрочем, не только для британцев: «Достоевский принадлежал к поколению Лермонтова, Герцена, Белинского, Гончарова, Островского, чье духовное становление пришлось на 30–40-е гг. и для которых Шекспир был предметом страстного поклонения» [Криницын, 2019]. Это еще раз подтверждает факт взаимного культурного обмена между двумя странами в исторической перспективе.

О Толстом

«Человеком, который принес Толстого британцам» по праву признан Эйлмер Мод [Layton, 2010. P. 101]. Он долгое время жил в России со своей супругой Луизой Мод (Aylmer Maude (28 March 1858 – 25 August 1938), Louise Maude (1855–1939)), где они познакомились с Л. Н. Толстым в 1888 г. Толстой считал пару своими лучшими переводчиками, и они выпускали много произведений русского классика. Первый перевод Эйлмера Моде вышел в 1899 г. – это был трактат «Что такое искусство?». В 1903 г. были изданы «Севастопольские рассказы» («Sevastopol and Other Military Tales») – совместный перевод супругов Мод. Также именно в их переводе на английском вышел роман «Воскресение». После смерти Толстого супруги начали работу над изданием 21-томника произведений писателя к столетию его рождения, книги из которого выходили с 1928 по 1937 г. [Cross, 2012. P. 30–31]. Интересно, что изначально эксклюзивное право на перевод произведений Толстого принадлежало лидеру одной из толстовских общин Британии (которых было достаточно много в стране) Джону Кенворси (англ. John Kenworthy). После оно перешло редактору и издателю Толстого, В. Г. Черткову. Впрочем, переводы Черткова не были успешными за исключением популярной в Британии статьи Толстого «The Relations of the Sexes» («Об отношениях между полами»), изданной в Лондоне в 1901 г. Британцев интересовали не только произведения Толстого, но и фигура писателя, его взгляды, поэтому стали выходить биографии Толстого. Их составили и опубликовали Моды – так, в 1908 г. вышла «First Fifty Years», а в 1910 г. – «Later Years». Также появилась биография писателя, созданная П. И. Бирюковым. Публиковались письма Толстого к супруге (1913 г.) и дневники Софьи Андреевны Толстой (1928–1929 г.) [Layton, 2010]. Толстой, его произведения, философия и личная жизнь вызывали дискуссии в обществе: те, кто восхищался талантом писателя и его политическим нонконформизмом спорили с теми, кто считал его творчество слишком назидательным и отрицательно относился к его взглядам на женщин и семейную жизнь в целом.

Однако помимо супругов Мод над изданием произведений Толстого работали и другие переводчики. Так, в 1886 г. перевод «Войны и мира» выполнила лингвистка Клара Белл (Clara Bell), но в качестве источника для перевода она использовала французский перевод романа (вышедший в 1879 г.) [Bartlett, 2014], а не русский оригинал. Стоит упомянуть и Констанс Гарнетт, которая занималась переводами Толстого с 1894 г., и даже виделась с писателем, побывав с визитом в России. В 1901 г. она опубликовала перевод «Анны Карениной», а в 1904 – «Войны и мира» [Ibid.]. Вирджиния Вульф и ее муж Леонард Вульф также публиковали произведения Толстого и литературу о нем в собственном издательстве «The Hogarth Press» – например, они выпустили его любовные письма и «Разговор с Толстым» А. Гольденвейзера [Beasley, 2013].

Неоднозначное отношение к фигуре писателя и глубокая заинтересованность в его судьбе прослеживается также на страницах газет и журналов того времени. Особенно ярко это видно в откликах на последние дни Толстого. О его уходе из Ясной Поляны и последующей смерти писали многие крупные британские газеты, например, Morning Post, Times, Daily News, Daily Chronicle, Standart, Globe, Macnhester Guardian и другие [Ланский, 1965]. В статьях о Толстом можно найти как искреннюю благодарность и сочувствие к его судьбе, так и обвинения в непоследовательности. Некрологи, вышедшие после смерти писателя 20 ноября 1910 г., называли Толстого «гениальным человеком», «великим писателем» и «пророком» и признавали его влияние на современный мир и литературу, однако даже в них присутствовали критические мнения о писателе: многие считали его учение чуждым западному миру.

Нельзя не упомянуть и восприятие творчества Толстого британскими писателями. Высоко оценивал его Джеймс Джойс, восхищаясь как занимательностью его прозы, отсутствием чрезмерной серьезности и монотонности, так и его политическими воззрениями [Хоружий, 2015]. Бернард Шоу также питал уважение к Толстому, видя в нем соратника по борьбе с милитаризмом, лицемерием и капитализмом [Slonim, 1960]. Кроме того, Толстой являлся важ-

ным писателем для Джона Голсуорси – он отмечал глубину Толстого в обличении социальных пороков, его гуманизм, а также его стиль и язык [Голсуорси, 1962].

О Чехове

Имя Чехова впервые появилось в англоязычной печати в 1889 г. на страницах английского еженедельника «Атенеум». В обзоре «Литература европейских стран за июль 1888 г. – июнь 1889 г.» (раздел «Россия») Чехов был представлен англичанам как «приятный» автор небольших психологических этюдов и неудачливый драматург, в чьей пьесе «Иванов» «нет действия, а главные герои представляют собой невероятную смесь разноречивых качеств, что приводит читателя в недоумение» [Шерешевская, 1997. С. 369]. Первым переводчиком Чехова в Англии стал английский журналист и литератор Р. Э. К. Лонг, который перевел первые 11 рассказов писателя, вышедших в Англии в 1903 и 1908 гг. Лонг считал, что творчество Чехова выражает «пессимизм, навеянный фатализмом и отрицанием своего времени, но смягченный юмором и апатией». В первый сборник вошли рассказы «На пути», «Задача», «Дома», «В ссылке», «Скрипка Ротшильда», «Отец», «Враги» (в английском переводе «Две трагедии»), «Спать хочется», «В усадьбе», «Событие», «Палата № 6» – всего двенадцать рассказов, а во второй – пятнадцать: «Поцелуй», «Верочка», «В суде», «Панихида», «Тайный советник», «Беглец», «Свирель», «Попрыгунья», «Рассказ старшего садовника», «Устрицы», «Бабы», «Горе», «Зиночка», «Княгиня», «Мужики». Как справедливо замечает М. А. Шерешевская, «беда этих переводов была не в отдельных смысловых ошибках, а в стилистическом несоответствии, значительно меняющем всю тональность рассказов». Не удалось Лонгу перевести и блестящие чеховские диалоги, что было «общим непониманием особенностей стилистической структуры чеховской прозы» [Шерешевская, 1997. С. 372]. Однако переводы Лонга рассказов Чехова имели все-таки большое значение, поскольку познакомили английского читателя с условиями жизни, бытом, взаимоотношениями россиян.

Первым, кто обратил внимание на художественный метод Чехова, был Арнольд Беннетт, один из крупнейших английских романистов и новеллистов первой четверти XX в.: «Он [Чехов] достиг предельного реализма... Ни одна крупица правды им не упущена и не преувеличена. Никаких умствований, никаких потрясающих подвигов виртуозности, все звучит просто, искренне, почти по-детски» [Bennett, 1915. P. 117–118].

В 1912 г. Джордж Колдерон, известный славист, перевел «Две пьесы: Чайка; Вишневый сад», написал к ним предисловие и комментарии, что способствовало популяризации пьес Чехова в Англии.

Широко известны переводы С. С. Котелянского (переводчик, издатель и литературовед, эмигрировавший в Англию) и М. Фелл (англ. Marian Fell). Впрочем, переводы Мэриан Фелл, несмотря на небольшое количество фактических ошибок, «не давали англоязычному читателю даже приблизительно верного представления о художественном своеобразии, лексическом богатстве и синтаксической непринужденности языка и стиля Чехова» [Шерешевская, 1997]. К. И. Чуковский справедливо приходит к выводу, что это «тот пресный, бесцветный и скаредный стиль, который она навязывает произведениям Чехова, вытравливая из чеховских книг — систематически, страница за страницей — каждую образную, колоритную фразу, каждую живую интонацию» [Чуковский, 2012. С. 18].

Поворот в отношении к А. П. Чехову наступил после выхода переводов С. С. Котелянского в соавторстве с Дж. М. Марри. Их интересовал писатель, изменивший поэтику традиционного рассказа, проникший в тайны человеческой души. В первую книгу – «Пари и другие рассказы» (1915 г.) – вошли «Скучная история», «Припадок», «Несчастье», «После театра», «Житейская мелочь» и другие, всего тринадцать рассказов.

Трудно переоценить вклад Констанс Гарнетт в перевод произведений А. П. Чехова. Считается, что именно Гарнетт «открыла» Чехова британцам. На переводы Гарнетт ссылаются модернистские писатели, когда с восхищением пишут о прозе Чехова – Вирджиния Вульф, Кэтрин Мэнсфилд и многие другие. Необычность чеховского рассказа – отсутствие четко

выстроенной композиции, двусмысленность и недосказанность – поражали британских писателей того времени. Некоторые исследователи, например, А. Хантер в статье «Constance Garnett's Chekhov and the Modernist Short Story» [Hunter, 2003], считают, что переводы Чехова, выполненные К. Гарнетт (201 прозаическое произведение), наиболее точно отражают стиль писателя, а значит, наиболее адекватны из всех переводов его произведений, появившихся в то время. Существует мнение, что произведения А. П. Чехова, выполненные именно Гарнетт, изменили британский модернистский рассказ (англ. short story), сделав его именно таким, каким мы знаем его сейчас.

Заключение

Не вызывает сомнения, что увеличение числа переводов русских произведений на английский язык способствовало поступлению большей информации о России [Кулдошина, 2018. С. 33]. Подтверждение этой мысли мы находим у Джона Голсуорси в его статье «Русский и англичанин», впервые напечатанной на английском и русском языках в журнале «Россия XX века», выходившем в Англии во время Первой мировой войны: «Произведения Гоголя, Тургенева, Достоевского, Толстого, Чехова – поразительная искренность и правдивость этих мастеров – позволили мне, думается, проникнуть в некоторые тайны русской души, так что русские, которых я встречал в жизни, кажутся мне более понятными, чем другие иностранцы. <...> Я думаю, что те русские и те англичане, которые умеют видеть, найдут друг в друге много привлекательного и интересного и что это обогатит их ум и сердце. <...> Нам есть чему поучиться у вас в искусстве, вам есть чему поучиться у нас в жизни» [Голсуорси, 1962. С. 372].

Влияние двух литератур друг на друга очевидно. В Британии конца XIX – начала XX в. активно переводили классические русские романы, и творчество некоторых русских писателей вносило важный вклад в формирование английской литературы. Более того, английская литература устала от викторианского морализаторства, назидательного, поучительного тона. Так, Вирджиния Вульф писала, что «из ныне живущих английских писателей нет ни одного, кого бы я уважала. Вот и приходится читать русских» [Ливергант, 2018]. В. Вульф ставила русских писателей в пример английским. Она считала, что «русские смотрят в суть вещей», в то время как «англичане не любят смотреть правде в глаза <...> Русские наблюдательнее, их отличает сочетание простоты и необычайной душевной тонкости» [Там же]. Однако В. Вульф была невысокого мнения о переводах русских писателей на английский язык, что заставило ее начать изучать русский язык. Она утверждала, что в переводах «великие русские писатели напоминают не то жертв землетрясения, не то железнодорожной катастрофы, ибо лишились главного – оттенков речи, своего лица» [Там же]. Вирджиния Вульф работала вместе с С. С. Котелянским над переводом произведений Чехова и других русских писателей. Помимо Вульф, изучением русского языка занимались такие выдающиеся английские писатели, как Дэвид Герберт Лоуренс, Сомерсет Моэм и другие.

Все вышесказанное убеждает нас в том, что перевод произведений великих русских поэтов и писателей дал возможность широкому кругу английских читателей познакомиться с русской литературой, культурой, и расширил, а иногда и изменил представления британцев о России и россиянах.

Список литературы

- Бережков Ф.** Достоевский на Западе (1916–1928): К 190-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского // Нева. 2011. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2011/5/be13-pr.html> (дата обращения 17.07.2019).
- Голсуорси Дж.** Собр. соч.: В 16 т. М.: Библиотека «Огонек», 1962. Т. 16. 512 с.

- Грушевицкая Т. Г.** Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов / Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П.; под ред. А. П. Садохина. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 352 с.
- Кулдошина А. Ю.** Россия глазами британского литературного сообщества первой половины XX в.: Дис. магистра по направлению подготовки 45.04.02 «Лингвистика». М., 2018. 92 с. URL: <https://www.hse.ru/edu/vkr/219613670> (дата обращения 17.07.2018).
- Криницын А. Б.** Творчество Достоевского в контексте европейской литературы // Образовательный портал «Слово». URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/42345.php> (дата обращения 17.07.2019).
- Ланский Л. Р.** Уход и смерть Толстого в откликах иностранной печати // Литературное наследство. М.: Наука, 1965. Т. 75: Толстой и зарубежный мир, кн. 2. С. 361–460.
- Левик В. В.** Верное слово – на верное место // Мастерство перевода. М.: Сов. писатель, 1963. Вып. 3. С. 90–106.
- Ливергант А. Я.** Вирджиния Вулф: «моменты бытия». М.: АСТ, 2018.
- Селитрина Т. Л.** Преемственность литературного развития и взаимодействие литератур: Учеб. пособие. М.: Высш. шк., 2009. 288 с.
- Тер-Минасова С. Г.** Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 146 с.
- Фефелов А. Ф.** Взаимосвязи перевода и культуры в трактовке С. Басснетт // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. Т. 12, вып. 1. С. 90–97.
- Фефелов А. Ф.** Вопрос о переводимости культур в современной теории межкультурного общения (проблемы методологии) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. Т. 14, вып. 1. С. 63–85.
- Хоружий С.** «Улисс» в русском зеркале. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. 384 с. (Культурный код)
- Чуковский К. И.** Искусство перевода. Из англо-американских тетрадей // Чуковский К. И. Собр. соч. / Сост. Е. Чуковская, П. Крючков. 2-е изд., электронное, испр. и доп. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2012. 640 с.
- Шерешевская М. А.** Переводы (проза и письма) // Чехов и мировая литература: В 3 кн. / Ред.-сост. З. С. Паперный, Э. А. Полоцкая; отв. ред. Л. М. Розенблюм. М.: Наука, 1997. Кн. 1. С. 369–405. (Лит. наследство; Т. 100)
- Bartlett, Rosamund.** Tolstoy Translated. *Financial Times*, 2014. URL: <https://www.ft.com/content/9cb5c9e0-1e40-11e4-ab52-00144feabdc0> (accessed 17.07.2019).
- Beasley, Rebecca.** On Not Knowing Russian: The Translations of Virginia Woolf and S. S. Kotlianskii. *The Modern Language Review*, 2013, no. 108 (1), p. 1–29. URL: <http://www.jstor.org/stable/10.5699/modelangrevi.108.1.0001> (accessed 17.07.2019).
- Bennett, A.** Books and persons. Being comments on a past epoch, 1908–1911. London, Chatto & Windus, 1917.
- Cross, Anthony.** By Way of Introduction: British Reception, Perception and Recognition of Russian Culture. In: *A People Passing Rude: British Responses to Russian Culture*. Ed. by Anthony Cross. Open Book Publishers, 2012, p. 1–36.
- Hunter, Adrian.** Constance Garnett's Chekhov and the Modernist Short Story. *Translation and Literature*, 2003, no. 12 (1): Modernism and Translation, p. 69–87. URL: <http://www.jstor.org/stable/40340168>. (accessed 17.07.2019).
- Kolykhalova, O. A.** The Power of Language: From History to the Present State. In: 4th International Multidisciplinary Conference on Social Sciences and Arts SGEM2017. Language and Linguistics, Health Policy and Service: Conference Proceedings. SGEM, 2017, vol. 1, book 3, p. 347–354.
- Layton, Susan.** Public Tolstoj, Private Tolstoj. Biographical Preoccupations in England 1910–1930. *Revue des études slaves*, 2010, no. 81 (1), p. 99–111. URL: <http://www.jstor.org/stable/43272358> (accessed 17.07.2019).
- Magée, Glenn Alexander.** The Hegel Dictionary. New York, Continuum, 2010, 269 p.

- Maguire, Muireann.** Crime and Publishing: How Dostoevskii Changed the British Murder. In: A People Passing Rude: British Responses to Russian Culture. Ed. by Anthony Cross. Open Book Publishers, 2012, p. 149–161.
- Routledge Encyclopedia of Translation Studies. Eds. Mona Baker and Gabriella Saldanha. 2nd ed. Abingdon, 2009.
- Slonim, Mark.** Four Western Writers on Tolstoy. *The Russian Review*, 1960, no. 19 (2), p. 187–204. URL: <http://www.jstor.org/stable/126740> (accessed 17.07.2019).

References

- Bartlett, Rosamund.** Tolstoy Translated. *Financial Times*, 2014. URL: <https://www.ft.com/content/9cb5c9e0-1e40-11e4-ab52-00144feabdc0> (accessed 17.07.2019).
- Beasley, Rebecca.** On Not Knowing Russian: The Translations of Virginia Woolf and S. S. Kotelianskii. *The Modern Language Review*, 2013, no. 108 (1), p. 1–29. URL: <http://www.jstor.org/stable/10.5699/modelangrevi.108.1.0001> (accessed 17.07.2019).
- Bennett, A.** Books and persons. Being comments on a past epoch, 1908–1911. London, Chatto & Windus, 1917.
- Berezhkov, F.** Dostoevsky in the West (1916–1928): On the 190th anniversary of the birth of F. M. Dostoevsky. *Neva*, 2011, no. 5. (in Russ.) URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2011/5/bel3-pr.html> (accessed 17.07.2019)
- Chukovsky, K. I.** The Art of Translation. From the Anglo-American notebooks. In: Chukovsky, K. I. Collected Works. Comp. E. Chukovskaya and P. Kryuchkov. 2nd ed. Moscow, MTF Agency, Ltd., 2012, 640 p. (in Russ.)
- Cross, Anthony.** By Way of Introduction: British Reception, Perception and Recognition of Russian Culture. In: A People Passing Rude: British Responses to Russian Culture. Ed. by Anthony Cross. Open Book Publishers, 2012, p. 1–36.
- Fefelov, A. F.** Interrelation between Translation and Culture according to Susan Bassnett. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2014, vol. 12, no. 1, p. 90–97. (in Russ.)
- Fefelov, A. F.** What Does it Mean ‘To Translate Culture’ in Modern Theory of Intercultural Communication? (On Methodology of its Analysis and Interpretation). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2016, vol. 14, no. 1, p. 63–85. (in Russ.)
- Galsworthy, John.** Collected Works. In 16 vols. Moscow, Biblioteka “Ogonek”, 1962, vol. 16, 512 p. (in Russ.)
- Grushevitskaya, T. G.** Basics of Intercultural Communication: Textbook for universities / Grushevitskaya T. G., Popkov V. D., Sadokhin A. P. Ed. by A. P. Sadokhin. Moscow, UNITY-DANA, 2003, 352 p. (in Russ.)
- Hunter, Adrian.** Constance Garnett's Chekhov and the Modernist Short Story. *Translation and Literature*, 2003, no. 12 (1): Modernism and Translation, p. 69–87. URL: <http://www.jstor.org/stable/40340168>. (accessed 17.07.2019).
- Khoruzhy, S.** “Ulysses” in the Russian Mirror. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Atticus, 2015, 384 p. (Cultural code). (in Russ.)
- Kolykhalova, O. A.** The Power of Language: From History to the Present State. In: 4th International Multidisciplinary Conference on Social Sciences and Arts SGEM2017. Language and Linguistics, Health Policy and Service: Conference Proceedings. SGEM, 2017, vol. 1, book 3, p. 347–354.
- Krinityn, A. B.** Dostoevsky's Works in the Context of European Literature. In: Educational portal “Slovo”. URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/42345.php> (accessed 17.07.2019). (in Russ.)

- Kuldoshina, A. Yu.** Russia Through the Eyes of the British Literary Society in the First Half of the 20th Century: master's thesis on 45.04.02 "Linguistics". Moscow, 2018, 92 p. URL: <https://www.hse.ru/edu/vkr/219613670> (accessed 17.07.2018) (in Russ.)
- Lansky, L. R.** Departure and Death of Tolstoy in the Responses of the Foreign Press. In: *Literaturnoe nasledstvo*. Moscow, Nauka, 1965, vol. 75: Tolstoy and the Foreign World, book 2, p. 361–460. (in Russ.)
- Layton, Susan.** Public Tolstoj, Private Tolstoj. Biographical Preoccupations in England 1910–1930. *Revue des études slaves*, 2010, no. 81 (1), p. 99–111. URL: <http://www.jstor.org/stable/43272358> (accessed 17.07.2019).
- Levik, V. V.** The Right Word - to the Right Place. In: *Translation mastery*. Moscow, Soviet writer, 1963, iss. 3, p. 90–106. (in Russ.)
- Livergant, A. Ya.** Virginia Woolf: "Moments of Being". Moscow, ACT, 2018. (in Russ.)
- Magee, Glenn Alexander.** The Hegel Dictionary. New York, Continuum, 2010, 269 p.
- Maguire, Muireann.** Crime and Publishing: How Dostoevskii Changed the British Murder. In: *A People Passing Rude: British Responses to Russian Culture*. Ed. by Anthony Cross. Open Book Publishers, 2012, p. 149–161.
- Routledge Encyclopedia of Translation Studies. Eds. Mona Baker and Gabriella Saldanha. 2nd ed. Abingdon, 2009.
- Selitrina, T. L.** Continuity of literary development and interaction of literatures. Textbook. Moscow, Vyshaya shkola Publ., 2009, 288 p. (in Russ.)
- Shereshevskaya, M. A.** Translations (Prose and Letters) // Chekhov and the World Literature: In 3 books. Ed. and comp. Z. S. Paperny, E. A. Polotskaya; ed. L. M. Rosenblum. Moscow, Science, 1997, book 1, p. 369–405. (in Russ.) (Lit. nasledstvo; T. 100)
- Slonim, Mark.** Four Western Writers on Tolstoy. *The Russian Review*, 1960, no. 19 (2), p. 187–204. URL: <http://www.jstor.org/stable/126740> (accessed 17.07.2019).
- Ter-Minasova, S. G.** Language and Intercultural Communication. Moscow, Slovo, 2000, 146 p. (in Russ.)

*Материал поступил в редколлегию
Date of submission
10.09.2018*

Сведения об авторах / Information about the Authors

- Колыхалова Ольга Алексеевна**, доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор, Национальный исследовательский Университет «Высшая школа экономики» (ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия)
- Olga A. Kolykhalova**, Professor, PhD in Philosophy and Linguistics, National Research University «Higher School of Economics» (20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation)
kolykhalova.o@mail.ru
ORCID 0000-0002-0452-5352
- Кулдошина Анна Юрьевна**, приглашенный преподаватель, Национальный исследовательский Университет «Высшая школа экономики» (ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия)
- Anna Yu. Kuldoshina**, Instructor, National Research University «Higher School of Economics» (20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation)
ayukuldoshina@gmail.com

**Современное российское переводоведение:
к обоснованию методологического стандарта**

Рецензия на книгу:

**Мишкурое Э. Н. Герменевтика перевода (теоретико-методологический стандарт): Монография.
М.: Военный университет, 2018. 298 с.**

В. Е. Горшкова

*Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия*

Аннотация

Во втором десятилетии XXI в. российское переводоведение переживает новый подъем. На фоне попыток культурно-ориентированного переводоведения дезавуировать принципы лингвистического переводоведения, восходящего к Р. Якобсону, российские переводоведы, подвергая пересмотру существующие подходы к переводу и признавая большую значимость фактора культуры, стремятся, в первую очередь, сохранить преемственность с методами советской и франко-канадской школы (Ж.-П. Вине, Ж. Дарбельне, Ж. Мунен, Я. И. Рецкер, А. В. Федоров, Е. Г. Эткинд и др.). Их цель состоит, на наш взгляд, в создании некоей универсальной парадигмы / «рамочной» теории, способной объяснить в акте межкультурного посредничества через перевод взаимодействие всех его старых и новых факторов, не подвергая сомнению перевод как таковой, поскольку существование последнего как практической деятельности в полной мере доказало свою состоятельность на протяжении многих веков. Фокус теоретических изысканий последних лет постепенно перемещается с собственно лингвистических оснований в сторону углубленного анализа контрпродуктивных идей и факторов лингвистического и литературоведческого направлений в развитии российского переводоведения (Р. Р. Чайковский), дискурсивного аспекта перевода в рамках коммуникативной ситуации, позволяющей учесть все форманты последней, включая цель перевода, стратегии и тактики его осуществления (В. В. Сдобников), анализа переводческого дискурса в самоорганизующемся переводческом пространстве, формирующем мировоззрение переводчика, нацеленное на гармонизацию смыслов взаимодействующих языков и культур (Л. В. Кушнина), углубленного анализа специфики аудиовизуального перевода, требующего непреложной передачи образа-смысла кинодиалога в рамках процессоориентированного подхода к переводу (В. Е. Горшкова), представления перевода в виде дискурсивно-коммуникативной модели, способствующей созданию дискурсивного досюда как основы формирования стратегии перевода на примере институционального дискурса (Т. А. Волкова), учета протекания речемыслительного процесса и понимания переводчика в моно- и межкультурной коммуникации (П. П. Дашинимаева), создания системологической трансдисциплинарной модели перевода (Н. К. Гарбовский). Во всех этих исследованиях, имплицитно или эксплицитно, затрагивается герменевтический аспект перевода, получивший глубокое философское обоснование и трактуемый как «герменевтический поворот» в переводоведении в монографии Э. Н. Мишкурова, подвергающего критическому анализу, наряду с исследованиями отечественных ученых, фундаментальные труды Ф. Шлейермахера, Г.-Х. Гадамера, В. Бенямина, Дж. Стайнера, П. Рикёра и других западных философов. В рамках предлагаемой герменевтической парадигмы перевода (ГПП) автор постулирует создание выстроенного по принципу «герменевтического круга / герменевтической спирали» герменевтико-переводческого методологического стандарта (ГПМС) как трансдисциплинарной межъязыковой ментальногенеративной модели переводческого посредничества, «алгоритм» которой, задаваемый как стандартный, предполагает обязательное наличие четырех этапов: предпонимания, понимания, интерпретации и переводческого решения. Последнее рассматривается в качестве этапа, завершающего феноменологическую редукцию интерпретации смыслов трех предыдущих аналитических действий. Переводческая деятельность представляет собой, таким образом, развитие и одну

из форм философско-герменевтической трактовки явлений дискурса, рассматривающей в качестве базового инструмента интерпретацию. По мнению Э. Н. Мишкурова, применение означенного стандарта позволяет учесть все классические и инновационные модели перевода, обеспечивая достижение «дискурсивно эквивалентного / прагматически адекватного» переводного текста при работе с разными типами текста, их жанрами, и особенно при переводе контекстов, не поддающихся перевыражению с помощью закономерных переводческих соответствий. Рассуждения автора подкреплены примерами на русском, английском, французском и арабском языках.

Ключевые слова

герменевтический поворот, герменевтическая парадигма перевода (ГПП), герменевтико-переводческий методологический стандарт (ГПМС), трансдисциплинарность, предпонимание, понимание, интерпретация, переводческое решение

Для цитирования

Горшкова В. Е. Современное российское переводоведение: к обоснованию методологического стандарта. Рецензия на книгу: Мишкuroв Э. Н. Герменевтика перевода (теоретико-методологический стандарт): Монография. М.: Военный университет, 2018. 298 с. // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 4. С. 130–137. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-4-130-137

Current Trends in the Russian Translation Theory: Towards a New Methodological Standard of Translation

Book Review:

**Mishkurov, E. N. Hermeneutics of Translation (Towards Theoretical
and Methodological Standard of Translation): Monograph.
Moscow, Military University Press, 2018, 298 p. (in Russ.)**

V. E. Gorshkova

*Irkutsk State University
Irkutsk, Russian Federation*

Abstract

In the second decade of the 21st century Russian translation studies are receiving a fresh impetus. Amid attempts the culture-oriented translology undertakes to disown principles of the linguistic approach that traces its origin to R. Jakobson's works, Russian scholars are first and foremost keen on ensuring consistency with methodology of the Soviet and French Canadian school (J.-P. Vinay, J. Darbelnet, G. Mounin, Y. I. Retsker, A. V. Fedorov, E. G. Etkind, etc.) while revisiting existing approaches to translation and recognizing a huge impact the culture has on it. In our opinion, their goal is to develop some universally applicable paradigm, a sort of "framework" theory, that can explain an interaction of all old and new factors in an act of intercultural mediation by means of translation without casting doubt upon translation as such given it has been proving itself as a practice for many centuries. The focus of recent theoretical research is gradually shifted from linguistic reasoning per se towards an in-depth analysis of counterproductive ideas and factors of linguistic and literature studies approaches in the development of the Russian translology (R. R. Chaykovskiy), discourse aspect of translation within the framework of a communication situation that allows of taking into account all formants of the latter, including the goal and strategy of translation as well as tactics of its implementation (V. V. Sdobnikov), analysis of the transition discourse in a self-organizing translation space forming the translator's harmonious outlook aimed at harmonizing meanings of interacting languages and cultures (L. V. Kushnina), in-depth analysis of audiovisual translation peculiarities within the process-oriented translation approach that indisputably requires conveying an image-sense of the film dialogue (V. E. Gorshkova), representation of translation as a discourse and communication model facilitating creation of a discourse dossier as a basis for a translation strategy development as exemplified by an institutional discourse (T. A. Volkova), consideration of ways the verbal and cogitative process and translator's understanding take their course in the mono- and cross-cultural communication (P. P. Dashinimaeva), development of a systemological transdisciplinary model of translation (N. K. Garbovskiy). All these studies implicitly or explicitly touch upon the hermeneutic aspect of translation, a deep philosophical rationale of which has been given in a monograph by E. N. Mishkurov who interprets it as "a hermeneutical turn" and undertakes a critical analysis of fundamental works by F. Schleiermacher, H.-G. Gadamer, W. Benjamin, G. Steiner, P. Ricoeur and other western philosophers as well those by Russian scholars. He postulates that, within a proposed hermeneutic paradigm of translation (HPT), a hermeneutic-translation methodological standard (HTMS) is created as a transdisciplinary interlingual "mental generative" model of translation mediation under the

principle of “hermeneutic circle / hermeneutic spiral”. An “algorithm” of the model described as a standard one presupposes that there must be four stages in it: pre-understanding, understanding, interpretation and translator’s decision. The latter is regarded as a stage where phenomenological reduction of interpretation of meanings taking place at the three previous stages is completed. Thus, translations activity is a development and one of the forms of philosophical and hermeneutical treatment of discourse phenomena that considers interpretation as its main tool. E. N. Mishkurov believes that the use of the above mentioned standard allows us to take into account all classic and innovative translation models providing for a “discourse equivalent and pragmatically adequate” version when dealing with different types of texts, their genres, and particularly when translating contexts that cannot be re-expressed by means of regular translation correspondences. The author’s ideas are backed up by examples in Russian, English, French and Arabic.

Keywords

hermeneutic turn, hermeneutical paradigm of translation (HPT), hermeneutic-translation methodological standard (HTMS), transdisciplinarity, pre-understanding, understanding, interpretation, translator’s choice

For citation

Gorshkova, Vera E. Current Trends in the Russian Translation Theory: Towards a New Methodological Standard of Translation. Book Review: Mishkurov, E. N. Hermeneutics of Translation (Towards Theoretical and Methodological Standard of Translation). Monograph. Moscow, Military University Press, 2018, 298 p. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 4, p. 130–137. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-4-130-137

Несмотря на огромное количество статей, трактующих конкретные переводческие проблемы, появление относительно ограниченного числа монографических исследований, освещающих те или иные аспекты современного российского переводоведения во втором десятилетии XXI века (см. [Валеева, 2010; Волкова, 2016; Введение... 2014; Гавриленко, 2010; Гарбовский 2016; Дашинимаева, 2017; Енбаева, 2018; Кинодиалог... 2014; Перевод... 2017; Рябцева, 2013; Сдобников, 2015а, 2015б; Фефелов, 2018]), подтверждает идею «неспешной» эволюции российской науки о переводе, свидетельствующей о том, что «современному переводу и переводоведению требуется глубокая предметно-объектная специализация и дифференциация, которая решит автоматически массу парадигматических недоразумений» [Фефелов, 2015. С. 48, 71; Фефелов, 2018. С. 358].

Решению именно такой масштабной задачи, по нашему мнению, и посвящена рецензируемая монография, привлекая наше внимание весьма амбициозным и интригующим названием «Герменевтика перевода (теоретико-методологический стандарт)», представляющая собой плод многолетней работы ее автора, профессора Э. Н. Мишкурова, часть размышлений которого увидела свет на страницах журнала «Вестник МГУ. Серия 22. Теория перевода» в период с 2013 по 2017 г.

В этой связи вспоминаются слова Поля Рикёра, сказанные знаменитым французским философом в одной из его лекций по переводу: «Deux voies d'accès s'offrent au problème posé par l'acte de traduire: soit prendre le terme “traduction” au sens strict de transfert d'un message verbal d'une langue dans une autre, soit le prendre au sens large, comme synonyme de l'interprétation de tout ensemble signifiant à l'intérieur de la même communauté linguistique. <...> Oui, il y a bien deux voies d'entrée dans le problème de la traduction» [Ricœur, 2018. P. 13, 36]. Другими словами, к проблеме перевода можно подходить двояко: во-первых, строго лингвистически, предусматривая собственно передачу вербального сообщения с одного языкового кода на другой, во-вторых, в более широком смысле, путем трактовки перевода как интерпретации, в том числе внутри одного и того же языкового сообщества. Обоснование второго пути дано в известном труде Дж. Стайнера «Понять – значит перевести» (G. Steiner. Comprendre, c'est traduire) [Ibid.].

На наш взгляд, в своем исследовании Э. Н. Мишкurov избирает означенный П. Рикёром второй путь, предпринимая попытку выйти за пределы узкой переводоведческой специализации и привнести в общую теорию перевода некий универсальный стандарт, способный объединить и в некоторой степени примирить точки зрения отдельных исследователей в рамках герменевтической переводческой парадигмы (ГПП), отличительной чертой которой

является не только нацеленность на понимание текстов, как в философской герменевтике, но и «исследование способов и форм выражения установленных смыслов и выбор способов и форм их перевыражения на ЯП» [Мишкур, 2018. С. 17]¹. Соответственно, ГПП представляет как «открытая синтезирующая система, в которой находят свое место практически все значимые классические и инновационные модели перевода, отвечающие запросам рефлексизирующего понимания, феноменологической редукции и оптимальной интерпретации рабочих текстов, а также задачам принимаемых переводческих решений» (с. 140, см. также с. 142, 159). В обоснование концептуальной трактовки ГПП выдвигаются семь базовых постулатов, трактующих современный этап развития переводоведения как «герменевтический поворот» в исследованиях переводческого процесса в рамках трансдисциплинарности, обосновывающих новое видение герменевтики ролевых игр в триаде «автор – переводчик – читатель», признание апории «переводимости / непереводимости» как проявления диалектического закона отрицания отрицания в переводческом процессе, необходимость выделения особых текстов с «нулевой переводимостью», применения интегрирующей парадигмы перевода, базирующейся не на дизъюнктивных («или ... или»), а на конъюнктивных («и ... и») принципах «максимальной полезности» различных методик перевода подлинников повышенной сложности, а также показывающих перевод в герменевтическом освещении как «особого рода игровое пространство естественного языка» (с. 160–163).

Ключевым в размышлениях автора полагаем термин «стандарт», до сих пор не встречавшийся на страницах трудов по переводу, изобилующих такими терминами-понятиями, как «модель» и «норма». Обращение к словарным определениям позволяет квалифицировать «стандарт», с одной стороны, как «шаблон, трафарет, не содержащий ничего оригинального»², а с другой – как «норму (комплекс норм), образец, мерило, эталон, модель». В этом случае основной характеристикой стандарта, в отличие, например, от эталона, представляющего собой предел, к которому следует стремиться, наряду с обязательностью выполнения становится признание последнего в качестве обязательного условия «развития человека и человечества, поскольку развитие возможно только тогда, когда способы решения многократно повторяющихся задач найдены и закреплены, т. е. стандартизированы»³. Внимательное ознакомление с содержанием рецензируемого труда позволяет принять за основу именно последнюю характеристику термина.

Текст монографии структурно поделен на два раздела. Раздел I, носящий название ««Герменевтический поворот» в современной теории и методологии перевода», включает пять глав, служащих теоретическими предпосылками проводимого исследования: Глава 1. Философская герменевтика и перевод. Глава 2. Отечественное переводоведение в философско-герменевтическом ракурсе. Глава 3. О триаде «автор – переводчик – читатель». Глава 4. Смысл перевода и перевод смысла. Глава 5. Герменевтическая парадигма перевода. Позволим себе заметить, что более дробное деление глав на параграфы присутствует в виде цифрового обозначения (1.1.1, 1.1.2 и т. д.), но параграфы эти никак не озаглавлены, что отчасти затрудняет ориентацию в тексте и делает его несколько менее информативным в первом приближении.

Рассмотрению собственно герменевтико-переводческого методологического стандарта (ГПМС), «эшелонирующего и упорядочивающего применение более 20 смежных наук в переводческом процессе» (с. 180), посвящен одноименный Раздел II монографии. Суть означенного стандарта, представляющего собой наддисциплинарную четырехступенчатую матрицу, раскрывается в четырех главах, содержащих последовательное теоретическое обоснование базовых когнитивных констант (фаз, стадий) последнего: Глава 6. Переводоведение в зеркале трансдисциплинарности. Глава 7. Функции «предпонимания» и «понимания». Глава 8. Функции «интерпретации». Глава 9. «Переводческое решение».

¹ Далее ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием страниц.

² ru.wikipedia.org

³ <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/modern/articles/355/standart.htm>

По мысли Э. Н. Мишкурова, ГПМС «может трактоваться как выстроенный по принципу “герменевтического круга / герменевтической спирали”» и представляет собой интер- / транс-дисциплинарную межкультурную ментальногенеративную модель переводческого посредничества, реализуемую по алгоритму предпонимания, понимания, интерпретации и переводческого решения» (с. 63–64). При этом предпонимание и понимание служат инициальными стадиями текстоосмысления оригинала, подготавливающими «герменевтико-феноменологическую редукцию текста на базисных уровнях “интерпретации” и “переводческого решения”», которые завершают продуктивную часть работы переводчика по порождению итогового текста на ЯП, отчуждаемого реципиенту» (с. 221).

Наряду с обоснованием собственно герменевтико-переводческого методологического стандарта Э. Н. Мишкuroв делится своими размышлениями по поводу целого ряда основополагающих для переводоведения понятий. Так, в свете ГПМС строится важная в дидактическом плане аппроксимативная модель личности переводчика-герменевтика, представленная как портфолио профессиональных компетенций последнего (с. 76–78). Причины появления новых переводов одного и того же оригинального произведения исследователь видит в приверженности переводчиков разным моделям перевода, что сродни видению режиссером «адекватного его сценическому замыслу переводческого варианта той или иной пьесы» (с. 97–98), а также «в неоднозначности толкования сущности логико-философского понятия “смысл” и концепции “перевода смыслов”» (с. 136). Поскольку термин «языковая личность» представляется автору недостаточно логически проработанным, отдается предпочтение «нейтральному, незмотивному терминологическому словосочетанию “языковая модель носителя некоего идиома”», объясняющееся тем, что в таком случае «всех носителей последнего можно верифицировать по степени представленности / отсутствия в его “речевом портрете” соответствующих поуровневых (согласно схеме Ю. Н. Караулова) языковых характеристик» (с. 84–85).

Текст монографии отличается подчеркнутой образностью. Сравните:

- «Роптать по поводу несходства, асимметрии языков – все равно, что сокрушаться по поводу неизбежности холода в Арктике и Антарктиде и жары на экваторе» (с. 17);
- «“Стерилизованные” переводные поделки ныне воспринимаются как “ремесленные пустышки”» (с. 78);
- «Конечно, Р. Барт, в полемически заостренной фактуре “грехопадения” реальных лиц не видел прямой связи их пороков с содержанием их творения» (с. 93);
- «...в духе поэтико-метафорической интерпретации переводческих стратегий в виде “прозрачного” или “зеркального” стекла, очевидно, что они могут взаимопересекаться, а случаи “мутноватого” или “искривленного” отражения не так уж редки» (с. 109);
- «Цитируем этот злокозненный пассаж в более развернутом виде сравнительно со сжатой “выжимкой” формулировки у оппонентов ученого» (с. 170);
- «Тернист путь гениев!» (с. 202).

Любопытна сама форма подачи материала. Так, предваряя анализ концепции В. Беньямина, исследователь пишет: «В. Беньямин видел идеал в тексте, составленном только из цитат. <...> Мы воспользуемся данной “экспериментальной методой”, <...> соберем воедино доступное нам количество цитат из трудов ученых, занимающихся творчеством Беньямина, позволив себе “связующие реплики” для цементирования “цитатного дискурса”» (с. 28).

Именно в таком ключе, с использованием такой «экспериментальной методики» и изложен текст монографии. Однако не всегда связующие реплики автора представляются достаточно аргументированными. Сравните, к примеру, заключение, основанное лишь на одной дефиниции, приводимой к тому же в виде постраничной сноски: «...в рамках “институционализованной транслатологии” альтруистически умиротворяющая дефиниция перевода Г. Д. Воскобойника, снимающая различия между “профессиональным” и “наивным” переводчиком непрезентативна – малоинформативна и контрпродуктивна» (с. 151). Аналогичные рассуждения можно привести в отношении следующего фрагмента: «В этой связи заметим, что

предложение В. В. Сдобникова “заменить терминосочетание ‘(пред)переводческий анализ текста’ на терминосочетание ‘(пред)предпереводческий анализ ситуации’, даже если главным предметом исследования автора является стратегическое описание ‘коммуникативной ситуации’ в переводческом акте [Сдобников, 2015. С. 461], представляется контрпродуктивным» (с. 193).

При общем стремлении автора с максимальной полнотой отразить состояние современного российского переводоведения в ракурсе герменевтической переводческой парадигмы полагаю досадным упущением рецензируемой монографии отсутствие ссылки на основополагающую работу Н. К. Гарбовского «Системологическая модель науки о переводе. Трансдисциплинарность и система научных знаний» [Гарбовский, 2015; Гарбовский, 2016], содержащую обоснование понятий междисциплинарности / трансдисциплинарности, лежащих в основе предлагаемого теоретико-методологического стандарта (см. главу 6). В тексте монографии упоминаются лишь ранние рассуждения Н. К. Гарбовского о возможности создания монистической теории перевода и делается заключение: «Время показало, что все-таки создание “монистической теории перевода” иллюзорно» (с. 178).

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что в обоснование своей точки зрения на протяжении всего изложения автор ведет достаточно острую полемику с существующими философскими, лингвистическими и переводческими теориями, что представляет несомненный интерес как для специалистов, интересующихся вопросами герменевтики и современного переводоведения, так и для студенческой аудитории.

Полагаем, что рецензируемая монография, претендующая на раскрытие сути ведущей парадигмы современного переводоведения, займет достойное место в ряду трудов по переводоведению и найдет своего читателя.

Список литературы

- Валеева Н. Г.** Теория перевода: культурно-когнитивный и коммуникативно-функциональный аспекты. М.: РУДН, 2010. 245 с.
- Волкова Т. А.** От модели перевода к стратегии перевода: Монография. М.: Флинта: Наука, 2016. 304 с.
- Введение в синергетику перевода: Монография / Л. В. Кушнина, И. Н. Хайдарова, С. С. Назмутдинова [и др.]; под общ. ред. Л. В. Кушниковой. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2014. 278 с.
- Гавриленко Н. Н.** Понять, чтобы перевести (перевод в сфере профессиональной коммуникации). М.: Науч.-техн. об-во им. акад. С. И. Вавилова, 2010. Кн. 2. 206 с.
- Гарбовский Н. К.** Системологическая модель науки о переводе. Трансдисциплинарность и система научных знаний // Вестник Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2015. № 1. С. 3–20.
- Гарбовский Н. К.** О переводе: Монография. М.: Форум, 2016. 752 с.
- Дашинимаева П. П.** Теория перевода: психолингвистический подход: Учебник. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2017. 360 с.
- Енбаева Л. В.** Переводческое решение речевой многозначности. Сопоставительное исследование: Монография. М.: Флинта: Наука, 2018. 292 с.
- Кинодиалог. Образ-смысл. Перевод: коллективная монография / В. Е. Горшкова, Е. А. Колодина, Е. А. Кремнев, И. П. Федотова, Е. О. Фирсова; под общ. ред. В. Е. Горшковой. Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2014. 367 с.
- Мишкуроев Э. Н.** Герменевтика перевода (теоретико-методологический стандарт): Монография. М.: Воен. ун-т, 2018. 298 с.
- Перевод: ремесло, искусство, наука: монография / Е. А. Вебер, В. Е. Горшкова, Н. Н. Ефимова, Е. Ю. Куницына, Н. Г. Корнаухова, Н. В. Щурик; науч. ред. А. М. Каплуненко; [под общ. ред. В. Е. Горшковой]. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2017. 179 с.

- Рябцева Н. К.** Прикладные проблемы переводоведения: лингвистический аспект: Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2013. 224 с.
- Сдобников В. В.** Перевод и коммуникативная ситуация: Монография. М.: Флинта: Наука, 2015а. 464 с.
- Сдобников В. В.** Оценка качества перевода (коммуникативно-функциональный подход): Монография. М.: Флинта: Наука, 2015б. 112 с.
- Фефелов А. Ф.** Современное российское переводоведение: в поисках новой суверенной парадигмы // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Т. 13, вып. 1. С. 48–72.
- Фефелов А. Ф.** Этнокультурные проблемы и дилеммы перевода (критика метафорического разума): Монография. Новосибирск, 2018. 390 с. (in Russ.) ISBN 978-5-4437-0736-5. URL: http://e-lib.nsu.ru/reader/bookView.html?params=UmVzb3VyY2UtNDE3Mw/cGFnZTAwMDAw&q=#{simple_query}?collectionHandle=Site
- Чайковский Р. Р.** Свет и тени современного российского переводоведения // Вестник Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2016. № 4. С. 5–25.

References

- Valeeva, N. G.** Theory of Translation (cultural, cognitive, communicative and functional perspectives). Moscow, RUDN University Press, 2010, 245 p. (in Russ.)
- Volkova, T. A.** From Model to Strategy of Translation. Monograph. Moscow, Flinta-Science, 2016, 304 p. (in Russ.)
- Introduction into Synergy of Translation. Monograph. Ed. by L. V. Kushnina / L. V. Kushnina, I. N. Khaidarova, S. S. Nazamutdinova et al. Perm, Perm Technical University Press, 2014, 278 p. (in Russ.)
- Gavrilenko, N. N.** To understand in order to translate (translation as a part of scientific communication). Moscow, Published by S. I. Vavilov Science and Technology Society, 2010, book 2, 206 p. (in Russ.)
- Garbovskiy, N. K.** Sistemological Model of Translatology: Transdisciplinarity and the System of Scientific Knowledge. *Moscow University Translation Studies Bulletin, Series 22: Theory of Translation*, 2015, issue 1, p. 3–20. (in Russ.)
- Garbovskiy, N. K.** About Translation. Monograph. Moscow, Forum, 2016, 752 p. (in Russ.)
- Dashinimaeva, P. P.** Theory of Translation: psycholinguistic approach: textbook. Ulan-Ude, Bouriat University Press, 2017, 360 p. (in Russ.)
- Enbaeva, L. V.** Translation Solution to Speech Ambiguity. In: Comparative Study. Comparative Study. Monograph. Moscow, Flinta-Science, 2018, 292 p. (in Russ.)
- Film-dialogue. Image-sense. Translation. Monograph / V. E. Gorshkova, E. A. Kolodina, E. A. Kremnev, I. P. Fedotova, E. O. Firsova; under the editorship of V. E. Gorshkova. Irkutsk, 2014, 367 p. (in Russ.)
- Mishkurov, E. N.** Hermeneutics of Translation (towards theoretical and methodological standard of translation). Monograph. Moscow, Military University Press, 2018, 298 p. (in Russ.)
- Translation: Skill, Art, Science. Monograph / E. A. Veber, V. E. Gorshkova, N. N. Efimova, E. Yu. Kunitsyna, N. G. Kornaukhova, N. V. Shchurik; Science Editor A. M. Kaplunenko; [under the editorship of V. E. Gorshkova]. Irkutsk, Irkutsk State University Press, 2017, 179 p. (in Russ.)
- Riabtseva, N. K.** Translatology as an Applied Linguistic Science: a course of translation. Moscow, Flinta-Science, 2013, 224 p. (in Russ.)
- Sdobnikov, V. V.** Translation and Communicative Situation. Monograph. Moscow, Flinta-Science, 2015, 464 p. (in Russ.)

- Sdobnikov, V. V.** Translation Quality Assessment (based on communicative and functional approach). Monograph. Moscow, Flinta-Science, 2015, 112 p. (in Russ.)
- Fefelov, A. F.** Paradigmatic Trends in the Evolution of the Russian Translation Studies: Pro and Contra Roman Jakobson. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2015, vol. 13, no. 1, p. 48–72. (in Russ.)
- Fefelov, A. F.** Ethnocultural Dilemmas and Puzzles of Translation: Critique of Metaphorical Reason. Novosibirsk University Press, 2018, 390 p. ISBN 978-5-4437-0736-5. (in Russ.) URL: http://e-lib.nsu.ru/reader/bookView.html?params=UmVzb3VyY2UtNDE3Mw/cGFnZTAwMDAw&q=#{simple_query}?collectionHandle=Site
- Chaykovskiy, R. R.** Light and Shadows of Modern Translation Studies in Russia. *Moscow University Translation Studies Bulletin, Series 22: Theory of Translation*, 2016, no. 4, p. 5–25. (in Russ.)
- Ricœur, Paul.** Sur la traduction. Paris : Les Belles Lettres, 2018, 51 p.

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
24.08.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Горшкова Вера Евгеньевна, доктор филологических наук, Профессор, Профессор кафедры перевода и переводоведения, Иркутский государственный университет, Институт филологии, иностранных языков и медиакommunikации, факультет иностранных языков (ул. Ленина, 8, Иркутск, 664025, Россия)

Vera E. Gorshkova, Doctor of Philology, Full professor, Professor at the Translation and Translation Studies Department, Irkutsk State University, Institute of Philology, Foreign Languages and Mediacommunication, Foreign Languages Faculty (8 Lenin Str., Irkutsk, 664025, Russian Federation)

gorchkova_v@mail.ru
prof.gorchkova@yahoo.fr

Правила оформления текста рукописи

Авторы представляют статьи на русском языке объемом от 0,5 печатного листа (20 тыс. знаков, шрифт 14, межстрочный интервал 1,5) до 1 авторского листа (40 тыс. знаков) включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190×270 мм = $\frac{1}{6}$ авторского листа, или 6,7 тыс. знаков). Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после индивидуального согласования с ответственным редактором.

Требования к оформлению основного текста и иллюстративных материалов

К рукописи необходимо приложить сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы, а также контактный телефон, электронный и почтовый адрес автора.

Обязательным требованием является наличие *резюме статьи* на русском и английском языках, а также авторский перевод названия статьи на английский язык, ключевые слова на двух языках, индекс УДК (Универсальной десятичной классификации).

Образец оформления статьи

УДК 81 + 811.131.1 + 811.161.1

Русская и итальянская абстрактная адъективная метафоризация

М. А. Кузьмина

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Статья посвящена сопоставительному семантическому анализу направлений русской и итальянской адъективной метафоризации на основе номинаций «абстрактных» признаков объектов. Выявляются наиболее регулярные направления метафорического переноса, отмечаются общие и специфические черты метафорообразования в двух языках.

Ключевые слова

адъективная метафора, метафоризатор, направление метафоризации

Благодарности

Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036)

The Russian and Italian Abstract Adjectival Metaphorization

Maria A. Kuzmina

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The paper presents semantic comparison and analysis of Russian and Italian adjectival metaphorization tenors, the vehicles and metaphors both being abstract nominations. By revealing of the most regular tenors, common and specific metaphorization features are demonstrated.

Keywords

adjectival metaphor, vehicle, metaphorization tenor

Acknowledgements

The work was supported by the Russian Science Foundation, project 14-50-00036

Основной текст статьи

Список литературы / References

Список словарей / List of Dictionaries

Список источников / List of Sources

*Материал поступил в редколлегию
Date of submission
05.12.2018*

Сведения об авторах / Information about the Authors

Подпись автора (авторов)

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания. Например: [Розен, 1969. С. 5]. В конце статьи помещается список литературы в алфавитном порядке без нумерации. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи). Ссылки на архивные документы оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы). Библиографические источники не нумеруются!

Образцы составления библиографического описания

Авторская монография:

Ильиш Б. А. История английского языка. М.: Лит. на иностр. яз., 1958. 366 с.

Коллективная монография

(все авторы должны быть упомянуты):

Суперанская А. В., Сталтмане В. Э., Подольская Н. В., Султанов А. Х. Теория и методика ономастических исследований: Моногр. М.: Наука, 1986. 298 с.

Статья в сборнике:

Черкасова Г. А. Русский ассоциативный тезаурус: компьютерная технология создания и издания // Этнокультурная специфика языкового сознания: Сб. науч. ст. / Под ред. Н. В. Уфимцевой. М., 2003. С. 181–190.

Статья в ученых записках (ученых трудах):

Скрипка А. С. К датировке некоторых типов сарматского оружия // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. 1977. Вып. 2. С. 60–77.

Статья в журнале:

Кириллов Д. А. Образ выборов в языковом сознании российской молодежи. Опыт сравнительного исследования на материале РАС и свободного ассоциативного эксперимента // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. Т. 6, № 2. С. 17–24.

Автореферат:

Яньшин П. В. Психосемантический анализ категоризации цвета в структуре сознания субъекта: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2001. 42 с.

Рецензия:

Панин Л. Г. [Рецензия] // Сибирский филологический журнал. 2003. № 3–4. С. 245–247. Рец. на кн.: Турбин Г. А., Шулежкова С. Г. Старославянский язык: Учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2002. 145 с.

При подготовке иллюстративного материала просим учесть, что рисунки следует предоставлять в форматах .gif, .jpg, .tif отдельными файлами.

Допускается создание таблиц и диаграмм в WinWord и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Максимальное поле изображения 190 × 270 мм.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в процессе редакторской правки, должны сниматься авторами в ходе переписки по электронной почте в строго определенные для этого редколлегией сроки. Нарушение сроков ведет к отказу в опубликовании статьи. *Переписка традиционной почтой не осуществляется.*

Требования к содержанию публикуемых материалов

Требования к теме исследования, заявленной в статье. Как правило, выбор аспирантом темы публикации соотносится с темой его кандидатского диссертационного исследования. Прежде чем приступить к написанию статьи, необходимо выяснить, является ли разрабатываемая аспирантом тема актуальной и новой для филологических наук. В решении этого вопроса аспиранту не следует полагаться только на мнение научного руководителя и сотрудников своего НИИ или вуза. Необходимо тщательно проверить самому, какое количество работ уже было выполнено по данной теме отечественными и зарубежными исследователями. Для уточнения ситуации с актуальностью и новизной темы нужно обратиться к авторитетным библиографическим ресурсам (rsl.ru, rnl.ru, elibrary.ru, loc.gov и т. д.) и с помощью всех ключевых слов выявить круг уже выполненных исследований. Если, например, соматическим компонентам в составе английских фразеологизмов, в том числе социолектных, уже посвящено более 150 структурно-семантических исследований, то соискателям ученых степеней стоит переключиться на другие темы.

Требования к объектной и предметной новизне исследования. Новизна лингвистического исследования может быть объектной и предметной.

Требования к описанию объекта исследования. Автор статьи в результате выполненного им исследования должен иметь наиболее полное и системное представление об изученном им объекте. Границы объекта должны быть предельно четко очерчены в статье. Например, если речь идет о языковых единицах, то должно быть указано, к какому языку или языкам какого исторического периода или периодов относятся данные единицы, каково их общее количество, из каких именно источников, письменных или устных, они были взяты и каким методом были собраны. При отсутствии у объекта точных квалификативных характеристик выводы исследования нельзя считать репрезентативными.

Требования к характеристике предмета исследования. Об объекте, даже хорошо изученном в ряде направлений, можно получить ценную новую информацию при новом подходе к его изучению. Из содержания статьи специалистам должно быть ясно, в чем именно состоит предметная новизна выполненной работы.

Требования к формулировке названий статьи. Формулировка названия статьи должна четко отражать объектные и предметные характеристики исследования. Слишком широкие формулировки, не соответствующие содержанию работы (например «Морфологические категории: коммуникативный аспект интерпретации»), вводят читателей в заблуждение.

Требования к обоснованности и достоверности научных положений и выводов, представленных в статье. Степень обоснованности и достоверности научных положений и выводов любой лингвистической работы обуславливается репрезентативностью исследовательской картотеки и применением необходимых методов исследования. В настоящее время репрезентативность большинства лингвистических исследовательских картотек должна подкрепляться компьютерными корпусными данными (коллекции ссылок на лингвистические корпусы можно посмотреть, например, на сайте <http://www.uow.edu.au/~dlee/CBLLinks.htm>). Перечни методов лингвистических исследований представлены в учебной и специальной литературе.

Требования к соотнесенности полученных в исследовании новых выводов с целью и задачами, заявленными в статье. Последовательно перечисленные в конце статьи выводы исследования (в порядке убывания их значимости) должны быть скоррелированы с заявленными в начале статьи целью и задачами.

Требования к точному и последовательному использованию терминов в научном тексте. Системность – отличительная черта научного знания. Субъективный эссеизм, компилятивность, слишком вольное обращение с терминами или полное игнорирование специальной терминологии свидетельствуют о непрофессионализме автора. Все необходимые для изложения термины должны быть системно сгармонизированы и употреблены автором статьи только однозначно. В статьях, посвященных металингвистическим проблемам (истории лингвистической терминологии, неоднозначности толкования терминов в различных научных школах, фиксации терминов в специальных словарях и т. д.), должны быть представлены только новые для отечественных специалистов сведения. Введение оригинальной авторской терминологии должно быть объективно обосновано.

Требования к использованию цитат. Все приведенные в тексте статьи явные и скрытые цитаты должны иметь ссылки. Реферативность изложения, обилие цитат и другие признаки «вторичного текста» не позволяют рассматривать некоторые статьи как оригинальные и самостоятельные произведения научного стиля.

Требования к отражению в статье информации о личном участии автора в исследовании. Из содержания статьи должно быть понятно, в чем именно состоит личное участие автора или авторского коллектива в получении научных результатов. В теоретических исследованиях автор (или авторы) не должен «компоновать» конспекты чужих трудов в соответствии с замыслом своей работы, а должен выходить на качественно новый уровень самостоятельной рефлексии.

Требования к отражению в статье прикладного значения полученных результатов исследования. В тексте статьи должны быть указаны сферы использования результатов, полученных автором.

Соответствие текста статьи требованиям к научному стилю и оформлению. Текст статьи должен соответствовать требованиям, предъявляемым к текстам этого жанра. Информацию о жанровой специфике научных статей можно почерпнуть из учебных пособий по научному стилю речи. Требования к оформлению статей в журнале «Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация» публикуются на соответствующих страницах в каждом номере журнала. Просим авторов обращать внимание на объем присылаемых рукописей (не менее 20 000 знаков) и недопустимость тезисного изложения материала.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Доставка материалов

Представляемые в редакцию материалы можно передать лично (комната 1269, новый корпус НГУ) или переслать по электронной почте.

Адрес редакционной коллегии
серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация»

Кафедра истории и типологии языков и культур
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: (383) 363 42 23
E-mail: lingua@vestnik.nsu.ru